

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2013

№ 1 (21)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.

Журнал входит в "Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук", Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ»**

Демешкина Т.А., д-р филол. наук, проф., зав. каф. русского языка, декан филологического факультета (председатель); Айзикова И.А., д-р филол. наук, проф., зав. каф. общего литературоведения, издательского дела и редактирования (зам. председателя); Ершов Ю.М., канд. филол. наук, доц., зав. каф. телерадиожурналистики, декан факультета журналистики (зам. председателя); Катунин Д.А., канд. филол. наук, доц. каф. общего, славяно-русского языкознания и классической филологии (отв. секретарь); Каминский П.П., канд. филол. наук, доц. каф. теории и практики журналистики (зам. отв. секретаря); Дронова Л.П., д-р филол. наук, проф. каф. общего, славяно-русского языкознания и классической филологии; Иванцова Е.В., д-р филол. наук, проф. каф. русского языка; Кручевская Г.В., канд. филол. наук, доц., зав. каф. теории и практики журналистики; Резанова З.И., д-р филол. наук, проф., зав. каф. общего, славяно-русского языкознания и классической филологии; Рыбальченко Т.Л., канд. филол. наук, доц. каф. истории русской литературы XX века; Суханов В.А., д-р филол. наук, проф., зав. каф. истории русской литературы XX века; Янушкевич А.С., д-р филол. наук, проф., зав. каф. русской и зарубежной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Алефиренко Н.Ф. Смысл как лингвофилософский феномен	5
Гриценко Л.М. Коммуникативные стратегии и тактики, репрезентируемые прецедентными текстами (на материале чат-коммуникации)	15
Ефанова Л.Г. К вопросу о параметрических нормах	22
Катунин Д.А. Языковое законодательство Косова и Метохии в период международного протектората 1999–2008 гг.	32
Марьин Д.В. Проблемы текстологии рабочих записей В.М. Шукшина	50
Никиенко И.В. Вода как онтологическая и гносеологическая среда: особенности художественной адаптации философского концепта «первоначало» в «Сократе Сибирских Афин» В.Д. Колупаева	57

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Анисимова Е.Е. «Когда луна поднялась и ее мятный свет озарил миниатюрный бюстик Жуковского...»: «Жуковский код» в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»	68
Ащеулова И.В. Историческая проза В. Шарова в контексте русской исторической прозы второй половины XX – начала XXI в.	80
Стрельникова А.Б. Из неизданных переводов Ф. Сологуба: «Маленькие поэмы в прозе» Ш. Бодлера	98
Янушкевич А.С. Путь В.А. Жуковского от русской идиллии к русской повести: деревенский топос	105

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Меньшенина С.В. Московская риторическая школа Ю.В. Рождественского: основатель и последователи	125
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	131
SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH	132

CONTENTS

LINGUISTICS

Alefrenko N.F. Sense as linguistic philosophic phenomenon.....	5
Gritsenko L.M. Communication strategies and tactics represented by precedent texts (based on chat communication)	15
Efanova L.G. On parametrical norms problem.....	22
Katunin D.A. Language legislation of Kosovo and Metohija in international protectorate period of 1999–2008.....	32
Maryin D.V. Problems of textology of V.M. Shukshin's working notes.....	50
Nikienko I.V. Water as ontological and gnoseological environment (peculiarities of artistic adaptation of philosophical concept "first cause" in "Socrates of the Siberian Athens" by V.D. Kolupaev).....	57

LITERATURE STUDIES

Anisimova Ye.Ye. "When the moon rose and cast its minty light on the miniature bust of Zhukovsky": "Zhukovsky code" in Ilf and Petrov's <i>The Twelve Chairs</i>	68
Ashcheulova I.V. Historical prose of V. Sharov in Russian historical prose of second half of 20 – beginning of 21 centuries	80
Strelnikova A.B. Some of F. Sologub's unpublished translations: "Short Prose Poems" by Ch. Baudelaire.....	98
Yanushkevich A.S. Zhukovsky's way from Russian idyll to Russian story: rural topos.....	105

PHILOLOGICAL EDUCATION: HISTORY AND TODAY

Menshenina S.V. Moscow Rhetorical School of Yu.V. Rozhdestvensky: founder and followers	125
---	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	131
SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH	132

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81-11

DOI 10.17223/19986645/21/1

Н.Ф. Алефиренко

СМЫСЛ КАК ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЙ ФЕНОМЕН¹

В статье рассматриваются природа и сущность смысла в его отношениях к номинации, значению и концепту. Проблема их соотношения раскрывается на материале номинативных и коммуникативных единиц через сопоставление разных исследовательских парадигм: логико-философской, логико-семиотической, психолингвистической, лингвосемиотической и коммуникативно-прагматической.

Ключевые слова: номинация, смысл, значение, денотат, референт, экстенционал, интенционал, концепт, интенциональность.

На создании непротиворечивой лингвофилософской доктрины онтологической сущности значения и смысла негативно сказываются не всегда согласующиеся между собой их междисциплинарные интерпретации (прежде всего в философии, логике и психологии).

В логико-философских исследованиях ставится задача семантического разграничения денотативно равнозначных знаков. Их авторы пытаются ответить на вопрос: чем – смыслом или значением – различаются языковые знаки, соотносимые с одним и тем же денотатом? Наиболее известное суждение по этому вопросу принадлежит Г. Фреге. Учёный полагал, что такие языковые знаки соотносятся экстенционально и интенционально. Относительно своих экстенсионалов они тождественны. Будучи, по его мнению, кореферентными, такие знаки выражают одно и то же значение. Вместе с тем они различны по смысловому содержанию, поскольку являются носителями разных интенсионалов. В данном суждении Г. Фреге обрёл многочисленных приверженцев, хотя в наше время практически никто не обращает внимания на некорректно выраженную мысль с точки зрения семасиологии. Автор данной концепции не разграничивает референцию (референт) и денотацию (денотат) языкового знака. Согласно нашей теории (см.: [1. С. 29]) **р е ф е р е н т** – отдельно взятый предмет знакообозначения, а **д е н о т а т** – класс однородных предметов (референтов), номинируемых данным знаком. Это недоразумение можно было бы отнести к разряду чисто терминологической рассогласованности, если бы оно не касалось понимания сущности понятий «значение» и «смысл». Всем известно значение слова *дурак* – ‘глупый человек, глупец’. Однако в просторечном выражении *дураков нет* речь идет, конечно, не про дураков как таковых, а про людей простодушных. Последние пересекаются с дураками лишь в самой малой части. Как говорится в одном из блогов Интернета, наиболее простодушен в наши дни настоящий интеллигент.

¹ Работа выполнена в рамках АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2012–2013 годы)».

Поддерживая точку зрения Г. Фреге, Р.И. Павилёнис дает ей логическую интерпретацию: «Понятие смысла Фреге имеет познавательную функцию: оно вводится прежде всего для решения проблемы познавательной ценности или информативности истинных утверждений тождества» [2. С. 48–49]. Насколько это удовлетворяет лингвистическую семасиологию? Можно ли согласиться, что смысл следует рассматривать как способ представления информации в знаке, а значение выводить за пределы языка во внешний мир, так как кореферентные знаки, по Фреге, выражают одно и то же значение? Кстати, такого рода дисбаланс понятий отразился на русском переводе немецкого оригинала статьи Г. Фреге «Sinn und Bedeutung» («Смысл и значение»). В русском переводе эта статья называется уже предельно экстралингвистически – «Смысл и денотат» [3]. Г. Фреге, как видим, пытается уйти от психологической теории смысла, обосновывая объективистскую в своей основе концепцию. Если психологическая теория трактует смысл как феномен субъективной природы, то его подход прямо противоположный: интерес субъективный, по сути, не связанный с субъектами речевой деятельности, игнорирует фактор говорящего и слушающего (см.: [4. С. 96]). В связи с неразграничением Г. Фреге референции и денотации логико-философский подход к семантике представлен несколькими теориями. Н.Б. Вяткина, например, различает в нём три вариации.

Первая может быть названа референциальной («экстенциональной»). Её своеобразие состоит в отождествлении смысла языковых выражений с обозначаемыми объектами, под которые подводятся и референты и денотаты (С. Крипке и Я. Хинтикка, Льюис, Монтегю, Каплан и Крессвелл). Учёные, поддерживающие эту линию, вслед за Г. Фреге оставляют невостребованным понятие интенционала. Они продолжают утверждать, что смысл языкового знака зависит не от способа представления информации в языковом знаке, а от «положения дел в мире» [2. С. 57], или от дискурсивной ситуации.

Вторая вариация логико-философского подхода ограничивается семантикой высказываний, опираясь лишь на один фактор: на обусловленность смыслового содержания высказывания условиями его истинности/неистинности. Такого рода теории обычно интенсивно используют идеи «семантики возможных миров». Одной из таких идей является представление о её антропоцентризме. По утверждению авторитетного теоретика семантики возможных миров Я. Хинтикка, одним из основополагающих моментов семантики возможных миров является выбор возможных миров неким индивидом. Иными словами, возможные миры – это вероятное положение дел по отношению к субъекту, находящемуся в мире реальном и свое реальное «я» проецирующем в иные мыслительные пространства [5]. Как объект лингвистического исследования семантика возможных миров понимается как ментальный мир, материализованный в языковом знаке. В отличие от реального мира возможные миры существуют в виде языковой модальности, называемой ещё модальностью возможных миров, которые в сознании объективируются с помощью лингвосемиозиса, определяющего их границы. Именно по отношению к возможным мирам выявляются истинные и ложные пропозиции, выражаемые предложениями-высказываниями. Здесь экстенционал является лишь фоном смысла. В качестве его основного мыслительного коррелята рас-

сматривается интенционал, под которым понимается выраженное в высказывании суждение, представляющее собой один из множества возможных миров, в которых оно истинно (см.: [6. С. 56]). По поводу продуктивности данной логико-философской теории рассуждает Р.И. Павилёнис. Он пишет: «...определение осмысленности в терминах истинности предложения таит в себе порочный круг: знание истинности предложения предполагает знание его смысла, если же известен смысл предложения, нет необходимости прибегать к понятию истинности для определения семантики предложения. Вообще дискуссия по поводу первичности понятия истины в отношении понятия смысла или, наоборот, с нашей точки зрения, напоминает спор по поводу первичности курицы или яйца...» [2. С. 53]. Он признаёт, в частности, что она мало адаптирована к реалиям языка.

Третья вариация рассматриваемого подхода интерпретирует смысл предложения как заложенную в нём информацию (М. Данн и Г. Прист). Её сторонники дистанцируются как от теории экстенциональной семантики, так и от порождаемой ею семантики возможных миров. Они предпочитают интенциональную трактовку смысла в духе Г. Фреге (Е.К. Войшвилло, поздний Л. Витгенштейн, Дж. Остин). Для теории лингвистической семантики данная вариация логико-философского подхода ценна тем, что в понимании смысла она учитывает фактор межличностной коммуникации, что предполагает активное обращение к реалиям естественного языка. Тем самым делается решительный отход от теории Г. Фреге. Дж. Остин, например, разграничивая констативные и перформативные высказывания¹, уже не использует ни критерий истинности, ни критерий осмысленности, введённый ещё Г. Фреге. Вместо этих критериев Дж. Остин предлагает собственно лингвистическое понимание смысла, применимое и к констативам, и к перформативам. В современной семасиологии наибольшую популярность приобрели трактовки смысла, представленные в работах по теории речевых актов [7, 8]. Особенно большое значение такая интерпретация имеет для прагмалингвистики, поскольку смысл здесь понимается как производное от условий речевого общения. Например, один из участников молодёжного форума спрашивает: «В каком универе *халявнее* всего (в смысле легче) учиться?» Здесь уточняется смысл слова *халявнее*, производного от *халява*, которое в современном русском языке употребляется в значениях «бесплатно», «не прилагая каких-либо усилий», «нашару». В Интернете *халявой* обычно называют то, что предлагается бесплатно. Будучи весьма употребительным, это слово в разговорной речи нередко используется не по существу, а с приклатнённым оттенком. Слово *халява* восходит к арабскому *халва*. В восприятии российского обывателя – ‘нечто желательное и сладенькое’, что породило многочисленные анекдоты на тему «*халява плиз*». Однако слово *халява* имеет гораздо более серьёзный смысл. Халява – удобная форма взвешенного существования: состояние антиработы и антидеятельности или имитация работы, когда кто-либо получает материальную (или моральную) пользу, не прикладывая про-

¹ *Констативы* – сообщения о каком-либо положении дел. Констатив («утверждение») – разновидность иллокуции. Различают несколько типов констативов: утверждение, подтверждение, объявление, ответ, определение, притязание, классификация, согласие и др. *Перформативы* – высказывания, с помощью которых говорящий производит некоторые действия.

фессиональных умственных или физических усилий (из-за их отсутствия, некомпетентности или нежелания работать). Этот смысл сохранился и в производном слове *халявщик*. Вспомним ставшую крылатой фразу Лёни Голубкова – персонажа рекламного ролика печально известной финансовой пирамиды (МММ): «Я не *халявщик*. Я – партнёр!». Так Лёня пытается оправдаться перед братом, ругающим его за сомнительную деятельность. *Халявщик* – человек, который с успехом широко пользуется *халявными* методами продвижения по службе, зарабатывая на приличный уровень жизни. Можно выделить ещё одну смысловую вариацию этого слова: это не *лентяй*, *бездельник* или *тупица*; он, скорее, представитель некомпетентной части работников, искренне убеждённых в своей правоте. Ср.: *Наша задача – помочь оградить настоящих учёных от имитаторов научной деятельности, или, как мы их назвали, халявщиков* (Газ.). Очевиден антисоциальный смысл этого высказывания: *халявщик* – это своеобразный «антиталант», всё существование которого заключается в обмане общества, демонстрации своей значимости, «надувании щёк», «утверждении, что он пуп земли».

Не менее значим такой подход к интерпретации смысла и в дискурсологии, так как позволяет наиболее полно раскрыть возможности дискурс-анализа (конструктивность фактора говорящего и слушателя на фоне дискурсивного хронотопа).

Нельзя утверждать, что эта проблема в лингвистике не обсуждалась вообще. Однако собственно лингвистические размышления остаются системно неупорядоченными, поскольку всё ещё слишком велик разброс мнений по этому вопросу. Их труднообозримое множество можно свести к трём векторам. В одном из них делается семиотический акцент на понимании означаемого языкового знака. В данном случае лингвистическая интерпретация смысла сближается с логической. Исследователи второго направления пытаются выявить закономерные связи смысла с концептосферой человека, т.е. сосредоточиваются на когнитивно-познавательном аспекте смысла. Третьи, в стремлении избавиться от логической и психологической трактовки смысла, ведут поиск необходимых доказательств для обоснования собственно лингвистической теории, пытаясь прийти к пониманию сущности смысла через противопоставление лингвосемиотической системы и речевой деятельности. На наш взгляд, установка на чисто лингвистический способ решения проблемы смысла обречена на неудачу, поскольку сами исследуемые феномены изначально явления лингвокогнитивного характера, т.е. связаны с познавательной функцией языка. Поэтому важнее стремиться к тому, чтобы исходные и выводные составляющие такого подхода оставались в рамках лингвистики. Понятно, что и в лингвокогнитивистике, как и в любой иной гибридной науке, не удаётся избежать тех или иных перекосов (логико-семантический в семиологической грамматике Ю.С. Степанова, логико-семиотический в работах И.И. Ревзина и др.).

Основы когнитивной доминанты в семасиологии заложены Р.И. Павилёнисом. С его концепцией можно соглашаться или нет, но без его авторитетного мнения уже не обойтись. Оно служит некой отправной точкой в современной семасиологической трактовке смысла и значения. Данное направление отличается соотношением смысла с концептом, а смыслового потенциала

языка – с концептосферой языковой личности. Это служит основанием для развития двух дисциплинарных ответвлений. Одно связано с концептосферой этнокультуры, а другое – с концептосферой дискурсопорождающих субъектов (говорящего/слушающего, автора/читателя/персонажа). Однако это уже, скорее, ожидаемая перспектива, чем реалья сегодняшней лингвистики. Вернёмся к истокам когнитивного направления в лингвосомастиологии, где трактовка смысла связана с концептосферой языка и мыслительным субстратом речевой деятельности человека.

Согласно теории Р.И. Павилёниса смысл принадлежит индивидуальной концептуальной системе каждого говорящего как система его мнений и знаний о мире. Причем, в отличие от своих именитых предшественников, ученый полагает, что смысл обладает двойкой природой: доязыковой и внеязыковой. Доязыковой смысл представляет довербальный познавательный опыт человека, а внеязыковой – опыт вербализованного знания (см.: [2. С. 12]). Отождествляя смысл с концептом, автор даёт ему всё же логико-философское определение. Смысл, в его интерпретации, – это «информация относительно актуального или возможного положения вещей в мире (т.е. то, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира)» [2. С. 102]. Учёный считает смысл категорией внеязыкового плана. Для этого он использует следующие четыре аргумента: «а) смысл является не частью некоторой абсолютной “семантики языка”, а частью того, что... называется “индивидуальными концептуальными системами”, т.е. системами ложной и истинной информации, отражающими познавательный – невербальный и вербальный – опыт индивида; б) усвоение языка основано на существовании достаточно когнитивно богатой концептуальной структуры; в) понимание есть интерпретация в определённой концептуальной системе, построенной из взаимосвязанных концептов-смыслов, составляющих когнитивно базисные подсистемы мнения и знания; г) именно мнения составляют основу ориентационного отношения человека к миру и являют собой критерий субъективной значимости мира» [2. С. 240–241]. Названные аргументы, конечно же, относятся к разряду философских и в этом своём статусе могут служить методологическим основанием для семасиологии.

Логико-философские и логико-семиотические идеи служат необходимым основанием для формирования когнитивно-семантической теории [10. С. 98], призванной показать ту сложную конфигурацию взаимоотношения значения и смысла, которую можно постичь только при условии глубокого проникновения в порождающие их когнитивные и коммуникативно-прагматические механизмы речевой деятельности. Это позволит по-новому осмыслить логико-философскую доктрину семасиологии, наполнить её живым предметным содержанием. Языковые знаки выступают в роли некоего «двуликого Януса»: а) служат средством обозначения предметов (явлений) и б) второсигнальным средством их замещения в процессе мышления. Вот почему «мы можем добраться до мысли только через слова (никто ещё пока не изобрёл другого способа)» [11. С. 293].

Исходными принципами для развития когнитивной семасиологии, разумеется, должны служить установки, согласно которым приоритетными являются данные лингвистики, полученные с учётом достижений современной

когнитивной науки. При этом, надо полагать, являются пагубными попытки некоторых лингвистов вести собственно когнитивные исследования, лишь иллюстрируя не всегда корректно интерпретируемые положения когнитивистики речевым и языковым материалом. Даже учёным, профессионально работающим в лингвокогнитивистике, не всегда удаётся избавиться от логико-семиотического подхода Р.И. Павилёниса. Так, Н.Н. Болдырев, например, в своих весьма содержательных публикациях также отождествляет смысл с концептом, хотя и апеллирует при этом к теории коммуникативного акта. По мнению ученого, сутью коммуникативного акта является *обмен смыслами*, или *концептами*, с помощью языковых единиц [12. С. 16]. В данном же ключе разъясняется и сущность значения. Им является, по утверждению автора, тот же смысл (концепт), но только системно закреплённый. «Системное значение слова описывает стоящий за ним концепт, и в речи на основе этого значения формируется соответствующий смысл» [12. С. 17]. В этом же ключе рассуждает и В.М. Костенко. В понимании автора, смысл, будучи синонимом концепта, является глобальным, диффузным отражением некой денотативной ситуации как целостного, нечленимого объекта вербальной репрезентации [13. С. 35]. Такого рода суждения напоминают уравнение с несколькими неизвестными. Во-первых, можно ли считать смысл концептом, во-вторых, с чем соотносится концепт – со смыслом или со значением. И наконец, в чём суть того или иного соотношения? Над этими вопросами размышлял известный семасиолог М.В. Никитин. Поскольку концепты обозначаются словами, а слова как языковые знаки имеют значения, то значения можно определить как концепты, связанные знаками (ср.: [14. С. 88]). Иными словами, полагал ученый, концепты являются мыслительным коррелятом значения. Вполне, на наш взгляд, корректное определение. Однако при этом без вразумительного ответа остаётся вопрос о том, как соотносится с концептом и значением смысл? В одних публикациях он используется в качестве равнозначного термину «концепт», в других – как синоним.

Мы полагаем, что вербализованный концепт не тождествен ни смыслу, ни денотату, хотя и обладает смысловым содержанием, т.е. интегрирует в себе разные денотативные смыслы обыденно-понятийной, оценочной и образной природы. Так, слово *идиот* изначально в греческом языке служило обозначением человека, который не интересуется политикой. С укреплением в Афинах демократии это слово стало обрастать презрительным смыслом, подразумевалось, что идиоты не интересуется политикой не из личных предпочтений, а от недостатка ума. В процессе длительной концептуализации этого денотата слово *идиот* приобрело значение «человек, страдающий врождённым слабоумием», мыслительным коррелятом которого служит одноимённый концепт.

Концептуализация денотата происходит как в онтогенезе, так и в филогенезе. В онтогенезе ребенок концептуализирует действительность поэтапно. На первом этапе концепты ребенка по содержанию и структуре существенно отличаются от концептов взрослого (Е.И. Грищук). Формирование концепта в онтогенезе идёт от образного, чувственного (у ребенка концепты практически равны образам) к более рациональному (см.: [15. С. 7]). Затем концепты-образы обогащаются рациональными и эмоциональными элементами. Однако

чувственно-образная, эмпирическая основа концепта не исчезает и у взрослого человека. Именно благодаря их наличию человек оперирует многочисленными когнитивными метафорами. Этим, собственно, и обуславливается характер взаимоотношения смысла с концептами и понятиями.

С коммуникативно-прагматической точки зрения концепт представляет собой вербально явленный смысл, а по отношению к понятию, «останавливающему текучесть, связывающему разнообразие субъектов в некое объективное единство» [16. С. 121], концепт «бесконечно вариативен» [17. С. 35]. Возможно, именно в вариативности, «текучести» концепта кроется причина постепенного вытеснения из сферы философии культуры фигуры понятия и замещения её фигурой концепта. Если «тотальное, всеобщее» понятие [18. С. 12] предназначено «расчистить пути к чему-то одному-единственному» [19. С. 123], то концепт является таким мысленным образованием, которое в индивидуальном или коллективном сознании способно замещать значение слова, создавать его эмоциональную ауру, оставляя при этом «возможность для сотворчества, домысливания» [19. С. 5]. В силу этих своих свойств (субъектности, фрагментарности, вариативности, открытости структуры) смысловое содержание концепта, связанное с особенностями этнокультуры (её фрагментарностью, множественностью, открытостью структуры), может оказаться противоположным значению соответствующего слова-репрезентанта. Вспомним русские народные сказки про Ивана-дурака, где, несмотря на значение имени главного персонажа, зашифрован алгоритм удачи. Он – носитель высоких жизнесмыслов. А как благоразумно он относится к выпавшим на его долю испытаниям, от которых зачастую зависела его жизнь! Он не бьётся головой о стену, не стонет и не жалуется на несправедливость. Как правило, он собирал котомку и отправлялся в путь. Смысл такого поведения – в созидательной деятельности. Какие пути-дороги выбирал Иван-дурак? Обычно шёл интуитивно: «туда, не знаю куда». Да что с него взять? Дурак ведь! Только почему-то оказывался умнее своих умных и целеустремлённых братьев. Ценность таких концептов для понимания этнокультуры обуславливается выполняемыми ими функциями. Важнейшей из них является функция эквивокации – фундаментальный принцип отношения слова как двусмысленности мира, в котором нет места однозначности, категоричности и ограниченности. «Всё ценное в мире открыто в пространстве разума для *двойного прочтения*», – писал Ж. Делез [17. С. 45]. В конечном итоге смысловое содержание концепта является фокусом совмещения основных антропологических факторов культуры: этнического, исторического, психологического и языкового.

Неравнозначность значения и смысла хорошо иллюстрируется лексикографической практикой: словари способны фиксировать все значения полисемантического знака-номинанта, но ни один из них не содержит исчерпывающего множества его смысловых вариаций. Ещё более явно своеобразие смысла обнаруживается в знаках коммуникативного плана – предложениях. Смысловое содержание предложения настолько специфично, что оно стало предметом отдельной дисциплины – семантического синтаксиса. Если словесный знак соотносим с понятием, то предложение – знак сложный, непосредственно соотносимый с событием, или денотативной ситуацией. Смысл

предложения обуславливается его целостностью и обращением к так называемому предметному содержанию. В семантической синтаксисе всё предложение рассматривается как знакообозначение события, участники которого (предметные понятия, актанты) участвуют в формировании смыслового содержания предложения. Современная лингвокогнитивистика опирается на концепцию Т.П. Ломтева, понимавшего под содержанием предложения «систему с отношениями», центром которой является выразитель отношений – предикат, задающий места для предметов, определяющий их количество и характер. При этом мыслительным основанием смыслового содержания предложения служит отображаемая в предложении денотативная ситуация и её семантическая модель – пропозиция, некая семантическая константа, или семантический инвариант. Пропозиция как отображение денотативной ситуации может иметь вид семантической абстракции, психологической реальности или логического суждения. Иногда пропозицию называют значением предложения, хотя чаще под пропозицией понимаются отношения между предикатом и его аргументами.

Когнитивная поэтика, опираясь на феноменологию Э. Гуссерля, рассматривает семантику языковых выражений с точки зрения понятия интенциональности. Этот подход исповедовали в своё время А.Ф. Лосев, Г.Г. Шпет, Ф. Brentano, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр и др. Дальнейшее развитие он получил в работах Г.И. Богина и О.А. Алимуралова. Для нашей концепции важно положение о том, что сама по себе интенциональность языком не обусловлена. Как полагает Ж.-П. Сёрль, младенцы и многие животные обладают «интенциональными состояниями», хотя и не имеют языка. Поэтому язык надо выводить из интенциональности, а не наоборот. Речевые акты, заметим, обладают вторичной формой интенциональности.

Итак, когнитивная семасиология объединяет два подхода к исследованию значения и смысла языковых единиц и речевых построений: номинативный и коммуникативный. С точки зрения номинативно ориентированной семасиологии значение словесного знака обычно определяется предметом обозначения (денотатом); смысл же детерминирован концептом, представляющим собой социально обусловленное представление (обыденное понятие) об этом денотате. В концепте содержится та информация, по которой данный словесный знак соотносится с предметом знакообозначения (ср.: [20. С. 19]). В связи с этим концепт является этнокультурным феноменом, соотносящимся с типовым для данной лингвокультуры представлением, – прототипом. Прототип служит тем смысловым ориентиром, по которому однородные референты обобщаются в собственно денотат словесного знака, который является типовым представлением, целостно представляющим интегрирующим смысловые признаки всех подводимых под этот денотат референтов. Коммуникативно-когнитивная семасиология занимается выявлением сферы бытования смысла и механизмов его речевой реализации. При этом определяется природа и сущность значения и смысла, их принадлежность идиолектному или этноязыковому сознанию, системе языка или сфере речевой деятельности. Доречевой смысл – это «общая соотнесённость и связь всех относящихся к ситуации явлений» [21. С. 562]. Речевой смысл всегда ситуативен, обусловлен контекстом, принадлежит речи и первичен по отношению к значению, которое, в

свою очередь, внеконтекстно, неситуационно, принадлежит языку, производно от смысла, социально институционализировано и формулируется, в отличие от смыслов, создаваемых всеми и каждым, исключительно составителями словарей [22. С. 88]. Ситуационный характер смысла порождается, по мнению О.А. Алимурادова, интенциями говорящих. В основе формирования смысла текста (О.А. Алимуратов называет его глобальным смыслом) лежит восприятие некоторой ситуации как проблемной, в силу чего фактором, интегрирующим окказиональные смыслы и значения, является интенциональность. Следовательно, смыслообразование – обязательный элемент порождения и восприятия текста. Причём глобальный смысл представляет собой целостное содержательное образование, первичное по отношению к значению. Из этого можно предположить, что значение абстрагируется от смыслов и связывает идиолект с национальным кодифицированным языком. Смысловое содержание языковых единиц связано с вербализованными представлениями, понятиями, суждениями и умозаключениями. Языковое значение представляет собой исторически и социально закреплённую связь знака с предметами и явлениями действительности. Наконец, оптимальное решение проблемы отношения смысла и значения к сознанию позволит приблизиться к пониманию закономерностей формирования концептуальной и языковой картин мира, которые связаны между собой также диалектически, как и синергетически взаимообусловленные виды когнитивной деятельности человека [23] – предметно-мыслительная и речевая.

Перспективы исследования значения и смысла лежат в русле лингвистической аксиологии, лингвокультурологии в её стремлении проникнуть в глубины ценностно-смыслового пространства языка, и лингвистической антропологии. Весьма актуальной проблема значения и смысла остаётся в рамках разработки систем «искусственного интеллекта», лингвокогнитивистики и лингвопрагматики.

Литература

1. *Алефиренко Н.Ф.* Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
2. *Павилёнис Р.И.* Проблема смысла: (Современный логико-философский анализ языка). М.: Мысль, 1983. 286 с.
3. *Фреге Г.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М., 1977. 216 с.
4. *Структура и смысл.* Киев: Наук. думка, 1989. 228 с.
5. *Хинтиikka Я.* Логика в философии – философия логики. М., 1980. С. 38–41.
6. *Вяткина Н.Б.* Смысл и онтология в логике / АН Украины. Ин-т философии. Киев: Наук. думка, 1991. 124 с.
7. *Грайс Г.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 217–237.
8. *Серль Дж., Вандервекен Д.* Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 19. М., 1986. С. 242–263.
10. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.
11. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки рус. культуры, 1999. 780 с.
12. *Болдырев Н.Н.* Значение и смысл с когнитивной точки зрения и проблема многозначности // Когнитивная семантика. Тамбов, 1999. С. 11–17.
13. *Костенко Н.В.* Значение и смысл как категории когнитивной лингвистики // Когнитивная лингвистика: Современное состояние и перспективы развития. Ч. 2. Тамбов, 1998. С. 34–36.

14. *Никитин М.В.* Курс лингвистической семантики. СПб., 1997. 757 с.
15. *Бабушкин А.П., Долгова М.В.* Языковая объективация типизированных представлений. Воронеж, 2011. 122 с.
16. *Неретина С.С.* Тропы и концепты. М., 1999. 277 с.
17. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? СПб., 1998. С. 29–35.
18. *Григорьев А.А.* Культурологический смысл концепта: дис. ... канд. филос. наук. М., 2003. 175 с.
19. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52, № 1. С. 3–9.
20. *Черч А.* Введение в математическую логику. Т. 1. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 488 с.
21. *Богин Г.И.* Интенциональность как направленность рефлексии // Мысли о мыслях. Т. 3, ч. 2. Новосибирск: СО РАН, 1995. С. 86–102.
22. *Алимурадов О.А.* Смысл. Концепт. Интенциональность. Пятигорск, 2003. 305 с.
23. *Михайлов В.А.* Смысл и значение в системе речемыслительной деятельности. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 1992. 200 с.

УДК 811.1/8

DOI 10.17223/19986645/21/2

Л.М. Гриценко

**КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ,
РЕПРЕЗЕНТИРУЕМЫЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫМИ ТЕКСТАМИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЧАТ-КОММУНИКАЦИИ)**

Интерес в данной статье сосредоточен на исследовании прецедентных текстов, репрезентирующих различные стратегии и тактики в чат-коммуникации. В процессе исследования нами было выделено четыре основных типа стратегий, реализуемых прецедентными текстами, анализ употребления которых приводит к выводу о том, что прецедентные тексты в чате, прежде всего, используются как средство само-реализации, самопрезентации коммуниканта, его «виртуального» образа. В то же время прецедентные тексты в чате выполняют функцию «украшения», разнообразия речи (благодаря своей эстетической «оформленности»), а в ряде случаев применяются при реализации языковой игры.

Ключевые слова: *прецедентный текст, чат, языковая игра, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика.*

В системе лингвистического знания в настоящее время не угасает интерес к исследованию феномена прецедентности, что обусловлено активным функционированием прецедентных текстов в рамках различных типов коммуникаций, в том числе и в коммуникациях, реализуемых с помощью компьютерных технологий. В современной лингвистике понятие прецедентного текста трактуется по-разному, в данной работе под прецедентными текстами, вслед за Ю.Н. Карауловым, мы понимаем «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и окружению данной личности, включая и предшественников, и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [1. С. 216]. Прецедентные тексты исследуются современными учеными в разных аспектах: лингвокультурологическом, семантическом, коммуникативно-прагматическом, функциональном и т.д. (Д.Б. Гудков, Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, Г.Г. Слышкин, С.И. Сметанина, Ю.А. Сорокин и др.). Кроме того, внимание исследователей сосредоточивается на анализе специфики употребления прецедентных текстов, обусловленной типом коммуникативной сферы, в которой они актуализируются.

Настоящее исследование посвящено рассмотрению прецедентных текстов, актуализируемых в жанре чата. Под указанным жанром понимается неформальное коммуникативное взаимодействие участников общения, осуществляемое посредством сети Интернет в режиме реального времени. Общение в чат-коммуникации представляется весьма специфичным, оно осуществляется «ради самого общения», и это, в свою очередь, обуславливает актуализацию основных стратегий в чате. В ряде случаев коммуникативные стратегии и тактики актуализируются в чате прецедентными текстами.

Вслед за И.Н. Борисовой под коммуникативной стратегией понимаем «способ организации речевого поведения в соответствии с замыслом, интенцией коммуниканта. В широком смысле коммуникативная стратегия представляет собой сверхзадачу речи, диктуемую практическими целями говорящего» [2. С. 89]. Коммуникативная стратегия реализуется совокупностью коммуникативных тактик, представляющих собой определенные речевые действия, направленные на реализацию коммуникативной стратегии [2. С. 110].

Проанализировав употребление прецедентных текстов, выделим следующие стратегии и тактики, реализуемые ими в чате:

- Оценивающая стратегия, реализуемая характеризующей тактикой.
- Стратегия самооценивания, реализуемая характеризующей тактикой.
- Стратегия нетривиального выражения мыслей, реализуемая этикетной тактикой и тактикой речевого разнообразия.

- Игровая стратегия, реализуемая тактикой использования языковой игры.

Остановимся на описании выделенных нами стратегий и тактик.

Оценивающая стратегия.

В некоторых случаях прецедентные тексты в чатах репрезентируют оценивающую стратегию и характеризующую тактику, реализация которых зачастую связана с необходимостью доказательности своей позиции. Многие прецедентные тексты содержат в себе аксиологический компонент, поскольку отражают опыт поколений, благодаря чему приобретают аргументационный потенциал, подтверждающий правоту коммуниканта. Как правило, источником таких прецедентных текстов выступают поговорки, афоризмы, например: «*все познается в сравнении*», «*тише едешь – дальше будешь*» и т.п. Реализуя данную стратегию, актуализированную прецедентным текстом, коммуникант, с одной стороны, воздействует на сознание реципиента, апеллируя к авторитету, заключенному в прецедентном тексте, с другой – влияет на чувства собеседника. При этом коммуникант демонстрирует свое отношение к обсуждаемой ситуации, соглашаясь с тем, что «несет» в себе прецедентный текст, в то же время говорящий «прячется» за «чужими» словами, снимая тем самым с себя ответственность за сказанное (*Феечка*>*Казимир*: *привет, ну ты понял свою ошибку или хочешь продолжить наши баталии / Казимир*>*Феечка*: ***после драки кулаками не машут***, *я остаюсь при своем мнении*).

Особая установка жанра чата, одной из основных целей которого является развлечение, обуславливает специфику актуализации оценивающей стратегии, реализуемой прецедентными текстами, что заключается в частом обращении коммуникантов к прецедентным текстам, восходящим к источникам детской литературы, мультфильмов, кинокомедий и т.д. Например:

Элен>*Василий*: *вот я думаю, куда мне поехать на каникулы? Может в Египет*

Василий>*Элен*: *вообще нет, там жарко очень, насекомые всякие, и вообще **не ходите дети в Африку гулять***

В приведенном диалоге в качестве средства подтверждения своей позиции используются аргументирующие высказывания, характеризующие актуализируемую коммуникантами ситуацию (*жарко очень, насекомые вся-*

ние). Оценочный потенциал прецедентных текстов, с одной стороны, может влиять на формирование системы ценностей адресата, а с другой – смягчает негативную оценку к оцениваемым объектам, в данном случае – к Африке (т.к. произведение является детским), реализуя тем самым эвфемистическую функцию.

Итак, оценивающая стратегия, реализуемая прецедентными текстами в чате, позволяет коммуникантам акцентировать внимание на своей личностной позиции, апеллируя, в то же время, к авторитетному мнению, которым обладает прецедентный текст. При этом коммуниканты чатов выражают свое мнение, свое отношение к ситуации, к собеседникам самим выбором того или иного прецедентного текста, поскольку характер прецедентного текста во многом предопределяет тональность, эмоциональность диалога, разворачивающегося в чате. Таким образом, прецедентные тексты в чате зачастую актуализируют оценивающую стратегию, позволяющую раскрыть личность коммуниканта, показать его с выгодной стороны.

Стратегия самооценивания.

Языковая личность чата проявляется лишь посредством текстов, создаваемых и интерпретируемых ею в процессе виртуальной коммуникации. Оценивание виртуальной личности, признание коммуниканта другими участниками общения происходит только на языковой основе. Для того чтобы привлечь внимание других чатеров, виртуальной личностью могут употребляться прецедентные тексты с целью демонстрации своего остроумия, эрудиции и т.п.

Стратегия самооценивания позволяет вычленять признаки, характеристики продуцентов. При этом прецедентный текст служит средством конструирования личности, средством создания своего «виртуального» образа (*Зайки: спортсменка... отличница... просто красавица... ну ладно, хватит об мне, всем привет!; Гвоздь: кто хочет познакомиться с парнем, который всегда командует парадом; CASA>Медведь: какой-то политический ник у тебя / Медведь> CASA: Медвед – это звучит гордо* и др.). Как представляется, в основе подобных прецедентных текстов лежат эгоцентрические высказывания, обладающие, как правило, положительной коннотацией.

И оценивающая стратегия, и стратегия самооценивания реализуются в характеризующей тактике с той разницей, что при самооценивании коммуникант нацелен на актуализацию своих положительных, с его точки зрения, качеств. При оценивании же других объектов, ситуаций и т.д. коммуникант стремится выразить свое отношение к ним, что, как думается, опять же призвано раскрыть «образ», характер коммуниканта, его позицию. Итак, прецедентные тексты в чате в ряде случаев реализуют стратегию самооценивания, которая, как и оценивающая стратегия, тем или иным образом характеризует личность коммуниканта.

Стратегия нетривиального выражения мыслей.

Данная стратегия может быть реализована в *этикетной тактике*.

Использование прецедентных текстов для реализации указанной стратегии обусловлено их эстетически оформленной структурой. Употребление экспрессивных высказываний позволяет презентовать коммуниканта как креативную, творческую личность.

Этикетная тактика обусловлена установленным порядком речевого поведения и «служит для регулирования общения людей в стандартных ситуациях и предотвращения конфликтов» [3. С. 15]. Данная тактика реализуется в стандартных коммуникативных ситуациях, требующих употребления формульных моделей: начало и завершение разговора, обращение к кому-либо, знакомство, приветствие, прощание, благодарность, поздравление и др. Таким образом, данная тактика может быть актуализирована прецедентными текстами, выступающими в качестве вспомогательных средств для дальнейшей коммуникации.

Общение в чате, как и в других коммуникативных сферах, начинается с приветствия, которое не является общением как таковым, а лишь готовит к нему, позволяет коммуникантам оценить возможности его продолжения. По замечанию Г.Г. Почепцова, начало коммуникации – это «своеобразная нулевая фаза общения, предшествующая передаче собственно сообщения» [4. С. 53].

Как правило, выбор единиц при приветствии обусловлен фактором соотношения социального статуса коммуникантов. В силу того, что анализируемые нами чаты предполагают равноправное общение коммуникантов, независимо от их социальных характеристик, участники общения при выборе формул приветствия руководствуются одной из коммуникативных целей – самопрезентацией. Иногда для приветствия в чате используются прецедентные тексты. Этикетный характер прецедентные тексты приобретают в процессе актуализации стандартной ритуальной ситуации (*Зайка: раз два три четыре пять вышла зайка погулять и к вам пришла с приветом; Елка 85: и вот я нарядная и колючая на праздник к вам пришла; <SLayd18> ХуЖе ВоД-Ки,ЛуЧшЕ НеТу! ВСеМ ПРеВеД!* и т.д.). Как видим, при актуализации этикетных формул особенно ярко проявляются личностные параметры коммуникантов, что во многом отражается и в выборе ника. Выбор ника в некоторых случаях совершенно случаен, а иногда он отражает, характеризует тот «виртуальный» образ, который реализует участник коммуникации. Ник, задающий речевую линию поведения, и употребление прецедентного текста, соответствующего ценностным установкам коммуниканта, играют особую роль в процессе самоидентификации. Так, например, ник одного из коммуникантов чата («Свободный») обуславливает использование в качестве приветствия прецедентного текста: *Свободный: Я свободен, словно птица в небесах!!!!!!!*, позволяющего сформировать мнение о виртуальной личности коммуниканта.

Этикетные жанры прощания, где в качестве ритуальных формул используются прецедентные тексты, представлены менее разнообразно, чем приветствие (*Всем пока, не грустите, сникерсите; Пока, я ухожу, только рок остаётся, рок всегда жив* и др.). По нашему мнению это связано с тем, что в некоторых случаях «выход» из чата является вынужденным: по причине удаления из сети модератором либо по техническим причинам.

Стратегия нетривиального выражения мыслей может быть реализована и тактикой речевого разнообразия.

Факт использования в чате прецедентных текстов как эстетически оформленных выражений характеризует виртуальную личность в аспекте уместности употребления прецедентных текстов, умения вести разговор.

Кроме того, прецедентные тексты могут употребляться для украшения, разнообразия речи (для «красного словца»). В этом случае они функционально служат для поддержания разговора. По словам В.В. Красных, подобные прецедентные тексты «выполняют эстетическую... функцию: они служат для выражения экспрессии, передачи «красоты языка» и способствуют определению собственного места и места собеседника на шкале «свой/чужой» [5. С. 156–157]. В таких случаях «информативная» составляющая прецедентных текстов как бы нивелируется, коммуникант не ставит перед собой задачу передать информацию с помощью прецедентного текста. Например:

Димыч> Terminator: привет, а вот и я

Terminator> Димыч: ты зачем усы сбрил дурик))

В приведенном фрагменте используемый прецедентный текст не вызывает у реципиента недоумения (чат – жанр, где коммуниканты физически не представлены, поэтому обсуждение внешности практически не актуализируется в нем), поскольку в его когнитивной базе употребленный прецедентный текст также имеется.

Итак, мотив использования прецедентных текстов, реализующих стратегию нетривиального выражения мыслей, в ряде случаев обусловлен стремлением коммуниканта сформировать отношение к себе, «создание имиджа находится в прямой зависимости от того, как складывается взаимодействие коммуникантов в диалоге, и от приемов, которые использует говорящий для оптимизации речевого воздействия» [6. С. 193], что может осуществляться за счет оценивания, самооценки.

Игровая стратегия.

Многие исследователи говорят об игровой природе чата, в основе которой лежит театральное, карнавальное действие. Каждый участник чат-общения – это «актер», самостоятельно выбирающий себе роль или роли, свободно выражающий свое мнение, открыто демонстрирующий свою креативность, богатство фантазии. Как и карнавал, чат – это определенная форма существования, «виртуальная реальность», в которой «живут» участники коммуникации, осознавая при этом его «несерьезность» и некоторую условность своего существования, что в ряде случаев реализуется в тактике использования языковой игры.

Языковая игра представляет собой «использование языка в особых – эстетических, социальных и т.п. целях, при которых языковая система наилучшим образом демонстрирует свою «мягкость»: языковые единицы, их классы и правила их функционирования получают тут большую степень свободы по сравнению с иными речевыми ситуациями» [7. С. 10]. Языковая игра традиционно рассматривается исследователями как нарушение языковых норм (фонетических, грамматических, лексических, стилистических и т.д.), однако, по мнению Б.Ю. Норманна, «эти нарушения не бессистемны и случайны, а происходят по определенным правилам, подчиняются некоторым закономерностям» [Там же].

Языковая игра осознается и говорящим, использующим языковую игру в своих целях, и реципиентом, который в свою очередь стремится «вскрыть глубинное намерение автора», принимая игру. Языковая игра не ограничивается нарушениями норм языка, это может быть игра со смыслами, острословием,

когда нетрадиционная форма выражения связана с глубоким выражением мысли говорящего (см. об этом у Е.А. Земской, М.А. Китайгородской и др.).

Включение прецедентных текстов в чате в языковую игру предполагает их трансформацию, осмысление их структуры, семантики и т.д. Языковая игра направлена на создание собственного «антимира», что совпадает с целями чатеров, которые, участвуя в чате, как бы «переворачивают» реальность. Кроме того, языковая игра имеет тенденцию «коммуникативного равенства адресанта и адресата речи», основывающегося на «достаточно сходном фонде общих знаний» и вследствие этого на том, что говорящий и реципиент понимают друг друга [8. С. 4].

Карнавальная компонента, настрой на игру, наконец, письменная форма общения чата, которая дает коммуникантам возможность эксплицитного наблюдения за ходом общения, провоцирует активное использование языковой игры в чате, что служит средством «языкового развлечения», информационная нагруженность прецедентного текста отодвигается при этом на второй план. Следующий пример демонстрирует развитие языковой игры, основанной на ассоциативных параметрах. Отправная тема диалога при этом выполняет вспомогательную функцию, являясь прагматически не реализованной:

nik>Ромашка: ладно, до вечера, я пошел работать.

*Ромашка>nik: **работа не волк, в лес не убежит.***

nik>Ромашка: мы не волки – работы не боимся. Это работа нас боится.

Ромашка>nik: ты, работа, нас не бойся... мы тебя не тронем

В следующем полилоге развитие языковой игры спровоцировано употреблением прецедентного текста.

*Мерзкий ангел: **водка – наш враг!***

*Настоящий друг>Мерзкий ангел: **а мы врагов не боимся. Поставим их в ряд и будем бить.***

*Мерзкий ангел> Настоящий друг: **бить или не бить, вот в чем вопрос***

Ска-ПаНкЕр: не бить, а пить. Начнем с маленькой.

Данный полилог демонстрирует пример развития языковой игры, перемежающейся разными типами прецедентных текстов: отправной точкой для игры является нетрансформированный прецедентный текст, восходящий к афоризму. Дальнейшее развитие полилога осуществляется на основе трансформации прецедентного текста, источником которого является художественное произведение.

Вплетение прецедентных текстов в языковую игру позволяет коммуникантам показать себя с выгодной стороны, демонстрируя свои умения «играть словом», тема общения при этом, как представляется, не играет большой роли (*Кхурма>ГиперДрайв: это я раньше злой был, потому что у меня велосипеда не было / ГиперДрайв>Кхурма: а теперь у тебя и самокат угнали / Кхурма> ГиперДрайв: самокат угнали???? Всех убьююю; Рузя>Кityonok2008: **бывают же бабы в русских селеньях. Прошу у нее фотку, а она мне файл с гуглархивом / Кityonok2008>Рузя: мдя, коня на скаку **оставили** / Кityonok2008>Рузя: и хобот ему оторвет).***

Итак, прецедентные тексты в чате способны актуализировать различные стратегии и тактики, что позволяет сфокусировать внимание прежде всего на личности коммуниканта – и это оправдано жанром чата, где говорящий пыта-

ется самореализоваться, утвердиться, показать свое «я». Несмотря на разный характер проанализированных в работе стратегий, актуализированных прецедентными текстами, они обладают общей подоплекой – позволяют раскрыть образ говорящего как «своего» собеседника, обладающего теми же социальными, культурными знаниями, что и остальные чаты, и в то же время продемонстрировать неординарность, яркость личности коммуниканта, умеющей экспрессивно, креативно выразить свое мнение.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 216–217.
2. Борисова И.Н. Категория цели и аспекты текстового анализа // Жанры речи 3. Саратов, 1999. С. 85–101.
3. Слышкин Г.Г. От текста к символу: Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 416 с.
4. Почепцов Г.Г. Фатическая метакоммуникация // Семантика и прагматика синтаксических единств. Калинин, 1981. С. 52–59.
5. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: ИТДГК «Гнизис», 2002. 284 с.
6. Иссерс О.С. Стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС, 2008. 263 с.
7. Норманн Б.Ю. Игра на гранях языка. М.: Наука, 2006. 344 с.
8. Федосюк М.Ю. В каком направлении развивались стили русской речи XX века // Филология и журналистика в контексте культуры (Лиманчик-98): Материалы Всерос. науч. конф., Ростов-на Дону. Ростов н/Д, 1998. Вып. 4. С. 3–4.

УДК 811

DOI 10.17223/19986645/21/3

Л.Г. Ефанова

К ВОПРОСУ О ПАРАМЕТРИЧЕСКИХ НОРМАХ

Статья посвящена исследованию одной из разновидностей норм, отраженных в семантике языковых единиц, а именно параметрической нормы, с точки зрения особенностей ее содержания и средств его выражения. Основным элементом содержания параметрической нормы являются представления о средней степени оцениваемого с точки зрения нормы признака. Названное содержание выражается в языке преимущественно за счет параметрических прилагательных, образованных от них имен существительных и степеней качества.

Ключевые слова: параметрическая норма, параметрические прилагательные, степени качества.

Под нормой в данной статье понимаются существующие в языковом сознании коллектива общие стереотипные представления о количественных и качественных характеристиках объекта того или иного класса и о его месте в картине мира, принятые в качестве должного и потому положительно оцениваемого состояния для этих объектов.

Для описания норм, отраженных в значениях языковых единиц, актуальными являются следующие признаки:

а) формальная определенность, т.е. характеристика содержания данной нормы за счет обязательной и регулярной отмеченности в языке отклонений от неё, а в некоторых случаях путем указания на соответствующие норме ситуации;

б) оптимальность, выражающаяся в наличии у слов, обозначающих норму, положительных, а у наименований аномалий – отрицательных коннотаций, которые отражают одобрительное или неодобрительное отношение говорящего в к обозначенным при помощи этих слов явлениям;

в) системность, которая проявляется в том, что языковые единицы, обозначающие названные аномалии или соответствующие норме ситуации, вступают друг с другом в системные отношения и образуют скалярно-антонимические комплексы или антонимические пары.

С точки зрения особенностей проявления признака системности все нормы разделяются на параметрические и аксиологические. «В области аксиологических понятий норма не лежит в середине шкалы, а совпадает с ее позитивной частью: *хороший* означает соответствующий норме, *плохой* сигнализирует об отклонении от нормы» [1. С. 84]. Параметрическая норма представляет собой срединную часть шкалы развития процесса или проявления признака, а ее несоблюдение «связано с двумя полюсами: ‘недостаточно’ и ‘слишком’» [2. С. 92]; например, несоблюдение параметрической количественной нормы возникает вследствие ее недостижения (*мало*) или превышения (*много*). В работах Э. Сепира, М. Бирвиша и их последователей, изучающих параметрическую норму, эта категория характеризуется как стереотип, кото-

рый отражает приблизительные размерно-количественные представления об объекте и выполняет роль средства его измерения. Наши представления о норме отличаются от нормы в понимании этих исследователей тем, что включают в себя обязательный оценочный компонент.

Исследование нормы как семантической категории началось с описания значений параметрических прилагательных. К этой группе относятся «прилагательные, образующие антонимические пары типа *большой – маленький, высокий – низкий, широкий – узкий, частый – редкий, глубокий – мелкий, сильный – слабый, тяжелый – легкий* и т.п., различие между которыми может быть возведено к противопоставлению ‘больше нормы’ – ‘меньше нормы’». По мнению большинства исследователей, «для таких прилагательных нормой является средняя степень проявления названного признака у представителей данного класса объектов» [3. С. 138].

Разряд параметрических прилагательных качественно неоднороден. Наиболее яркими его представителями являются размерно-количественные (собственно параметрические) прилагательные (напр.: *крупный – мелкий, длинный – короткий, толстый – тонкий* и т.п.). Группа размерных прилагательных относительно немногочисленна и наряду с основными наименованиями признака включает в свой состав синонимы, отличающиеся от них стилистически или элементами семантики, характеризующими степень проявления обозначенного признака (ср.: *маленький – малый, небольшой, крохотный и большой – немалый, громадный, грандиозный, колоссальный, неимоверный, огромный*). Часть этих слов объединяется в группы так называемых степеней качества – лексико-грамматических разрядов признаков слов, различающихся словообразовательными средствами (суффиксами и префиксами) **и выражающих различные градационные значения** [4. С. 256].

Внутри разряда параметрических прилагательных собственно параметрическим иногда противопоставляются так называемые экспериенциальные прилагательные, обозначающие такие признаки предмета, которые, действуя на человека, способны вызвать у него определенное ощущение (напр.: *горячий, горький, колючий, твердый, жесткий*). При этом любой экспериенциальный признак имеет «"объективный эквивалент" – свойство самого предмета, которое и оказывает на человека соответствующее действие» [5. С. 281]. Многие из этих свойств могут быть обозначены при помощи сочетаний с собственно параметрическими прилагательными (напр.: *горячий* ‘обладающий *высокой* температурой’).

На периферии разряда параметрических прилагательных находятся слова, обозначающие прочие физические параметры предмета, как правило поддающиеся точному измерению, т.е. такие, «которые принимают определенные количественные или качественные значения», в том числе скорость, напряжение, возраст и т.д. [6. С. 524], напр.: *дорогой – дешевый (товар), старый – молодой (человек), старый – новый (дом), слабый – сильный (ветер), крутой – пологий (склон)*¹. Вместе с экспериенциальными словами они входят в число так называемых несобственно параметрических прилагательных.

¹ Следует уточнить, что измерение параметров, обозначенных этими прилагательными, может потребовать особых условий; например, свойство предмета, обозначенное прилагательными *ост-*

Хотя обозначенные собственно параметрической лексикой величины поддаются точному измерению, обычно они оцениваются носителями языка лишь приблизительно, путем сравнения со средними размерно-количественными характеристиками других объектов этого рода, т.е. содержанием нормы в этом случае являются стереотипные представления о величине объекта. По единодушному мнению исследователей, точное содержание параметрической нормы как основания для сравнения разных объектов с трудом поддается определению. В частности, уже в 1967 г. немецкий лингвист М. Бирвиш отмечал, что значение параметрических прилагательных «определяется отношением к норме, но не специфицирует ее» (цит. по: [1. С. 68]), т.е. не имеет определенного количественного содержания. Поэтому значения параметрических единиц и выражаемая ими оценка могут существенно варьироваться в разных контекстах (ср.: *короткий отпуск* и *короткий рабочий день*). В качестве средства измерения признаков, обозначенных параметрической лексикой, нередко выступают представления о человеке. «Так мы оцениваем размеры животных, соотнося их с нормальными размерами человеческого тела» [7. С. 648]. Вместе с тем размеры других объектов требуют иных средств измерения (ср.: *высокий мужчина* и *высокая гора*).

Возможно, именно неопределенный характер основания параметрических норм стал причиной того, что параметрическая лексика обладает способностью обозначать явления, не совпадающие с центром нормативной шкалы, однако и не выходящие за пределы нормы и в силу этого не подвергающиеся отрицательной оценке с точки зрения должного. В частности, не выражают такой оценки параметрические прилагательные в сочетаниях *большой мальчик* и *маленький ребенок*, *крупный картофель* и *мелкий песок*, *высокий мужчина* и *низкий бугор*, *длинная лента* и *короткая стрижка*, *толстая книга* и *тонкая тетрадь*, *широкое шоссе* и *узкая тропинка*, *глубокий колодец* и *мелкий ручей*. Это дает основания представить собственно параметрическую норму не в качестве точки на шкале проявления признака, а в виде поля, обладающего ядром и периферией. Ядро этой нормы составляют стереотипные представления о размерах объектов, не имеющие, как и многие другие нормы, специализированных языковых средств обозначения. В периферийную часть параметрической нормы входят явления, обозначенные непроизводными собственно параметрическими прилагательными (напр.: *большой* – *маленький*, *высокий* – *низкий*); эта область нормы граничит с зоной аномалии и отличается от нее отсутствием отрицательной оценки с точки зрения должного. Неопределенность семантики количественного содержания собственно параметрических прилагательных, а также необязательность для них коннотаций противоречат признакам формальной определенности и оптимальности нормы и ставят под сомнение правомерность отнесения этих слов к числу единиц, выражающих отношение к норме.

Собственно параметрические прилагательные, обозначая градуируемые признаки, обладают способностью к регулярному образованию *степеней качества*. В числе значений этого разряда слов обычно указывают значения

рый – *тупой (нож)*, зависит от толщины лезвия, которая может быть представлена в качестве точной величины, однако не поддается измерению в обычных условиях.

слабой, умеренной или высокой степени проявления признака. При этом «а) значение слабой степени проявления признака выражается суффиксом *-оват-* (*беловатый*). б) Значение умеренной степени проявления признака – префиксом *небез-* (*небезызвестный*), префиксом *по-* в образованиях от форм компаратива (*посильнее*), суффиксами *-енек/-онек* (в кратких формах: *долгонек*, *коротонек*), *-ав-/ощав-* (*моложавый*, *худощавый*). в) Значение высокой (усилительное), высшей или чрезмерной степени проявления признака выражается суффиксами *-ейш/-айш-* (*сильнейший*, *крепчайший*), *-уц-* и *-енн-* (*большущий*, *здоровенный*), префиксами *наи-* (*наилучший*, окказ.: *наиотважный*), *пре-* (*премилый*), *раз-* (*развеселый*), *пере-* (*чиненый-перечиненный*), *архи-* (*архиглупый*), *сверх-* (*сверхдальний*, *сверхпрочный*), *супер-* (*суперсовременный*), *ультра-* (*ультрамодный*); *первыми компонентами сложений много- и все-* (*многоопытный*, *всесильный*)» [8. С. 332]. Значение высокой степени проявления признака может выражаться различными повторами, близкими по значению конструкциям с наречием очень [9. С. 251; 10. С. 371], например: *тихий-тихий голос*, *злой-презлой волк*, *худой-расхудой старик*, *полным-полно*, *страшным-страшна* и т.п.

На первый взгляд представляется вполне очевидным, что степени качества, обозначающие слабую степень проявления признака, должны выражать значение недостижения нормы, а те из них, которые имеют усилительное значение, обладают семантикой превышения нормы. В свою очередь, поскольку для признака, обозначенного параметрическими прилагательными, нормой принято считать среднюю степень его проявления у представителей класса [3. С. 139–140], степени качества со значением умеренной степени проявления признака, казалось бы, могут обозначать соответствие норме. Однако анализ значений степеней качества показывает, что это предположение не соответствует действительности.

В частности, перечисленные выше производные со значением умеренной степени проявления признака не выражают семантики соответствия норме. Например, префикс *небез-* используется для выражения в большей степени прагматической, чем семантической информации (см.: [7. С. 137]), отражая отношение говорящего к обозначаемому, и может использоваться в целях эвфемизации (напр.: *небезвредный* ‘довольно вредный’, *небезупречный* – ‘заслуживающий упрека’, *небезопасный* – ‘достаточно опасный, могущий причинить вред, неприятность’, *небескорыстный* – ‘не чуждый стремления к наживе’ и т.д.). Образованные от форм компаратива разговорные прилагательные и наречия с префиксом *по-* (*посильнее*, *повыше*) также не имеют значения соответствия норме и отличаются от своих производящих только прагматической информацией (ср.: *Дайте мне большой арбуз* и *дайте мне арбуз покрупнее*; *это облако ниже других* и *это облако пониже других*). Не обладают семантикой параметрической нормы прилагательные *моложавый* – ‘такой, который выглядит молодым’ и *худощавый* – ‘несколько худой’. Прилагательные с суффиксами *-енек/-онек* в кратких формах и их синонимы и варианты с суффиксами *-оньк-(-еньк-)*, *-охоньк-(-ехоньк-)*, *-ешеньк-* в полных формах не обладают постоянным значением и «могут выражать дополнительный оттенок смягчения или усиления степени качества» [9. С. 250] в зависимости от семантики производящего, ср.: *совсем старенький* и *совсем*

молоденький, близёнок (близешенок) и долгонек (долгошенек), высокохонький (высокошенький) и низехонький (низешенький), узехонький (узешенький) и широкошенький. Отметим также, что у ласкательного экспрессивного суффикса *-усеньк-* (напр.: *малюсенький, тонюсенький*) отмечается то значение ослабленной степени проявления признака [4. С. 256], то усилительное значение [8. С. 332], что указывает на передачу им преимущественно прагматической информации.

Передавать субъективное отношение говорящего к обозначаемому как разновидность прагматической информации способны и другие степени качества. В частности, производные с суффиксами *-охоньк-(-ехоньк-), -ешеньк-* характеризуются значениями 'интенсивность + ласкательность' (напр.: *полнёхонький, скорёшенько*), а прилагательным с суффиксами *-ущ-* и *-енн-* иногда приписывается семантика 'интенсивность + уничижительность' [4. С. 256], напр.: *высоченный, толстенный, широченный, большущий, толстущий, длиннущий и длиннющий.*

Производные прилагательные с суффиксом *-оват-*, выражающие ослабленную степень проявления признака (*великоватый, маловат, крупноватый, мелковатый, высоковатый, низковатый, длинноватый, коротковатый, толстоватый, тонковатый, широковатый, узковатый*), обозначают качество, по степени своего проявления не превышающее параметрическую норму и находящееся в ее пределах. Вместе с тем краткие формы этих прилагательных способны выражать значение другой нормы – нормы соразмерности, отражающей представления об определенном размерно-количественном соответствии друг другу двух или более предметов (напр.: *пальто ему великовато*).

Среди степеней качества преобладают слова, обозначающие превышение параметрической нормы, при этом наиболее многочисленную их группу составляют прилагательные с суффиксами *-ейш-/-айш-*, а также с префиксом *наи-*, статус которых в грамматике еще не определен. Традиционно эти образования рассматривают как синтетическую форму превосходной степени сравнения прилагательных, не признавая за ними статуса самостоятельных лексем [11. С. 163–164; 12. С. 459–460]. Однако некоторые исследователи полагают, что данные словоформы, «обладая морфологическими категориями рода, числа, падежа, краткости-полноты, выражая значение непроцессуального признака, являются в системе частей речи стопроцентными прилагательными» [13. С. 119] (см. также: [14. С. 53]), т.е. не грамматическими формами прилагательных, а самостоятельными словами. Они не выражают особого морфологического значения и представляют собой словообразовательный тип [8. С. 547; 15. С. 222]. Нам, однако, ближе точка зрения, согласно которой образования с суффиксами *-ейш-/-айш-* и /или префиксом *наи-* следует считать формами прилагательного в тех случаях, когда они выражают значение суперлатива, т.е. «выделения предмета из классов предметов по предельной степени признака (значение превосходства)» [16. С. 419]. Напротив, если эти формы обладают значением элатива, т.е. указывают «не на самую высокую, а на очень высокую степень проявления признака» [4. С. 237] и, следовательно, выражают такое же значение, что и прилагательные с семантикой высокой степени качества, их следует считать самостоятельными словами.

Приставка и суффикс превосходной степени сравнения являются наиболее регулярными средствами выражения семантики *количества* признака, превышающего обычную степень его проявления. Эти морфемы образуют производные от всех параметрических прилагательных: *наибольший* и *наименьший*, *величайший* и *малейший* (*самомалейший* (прост.)), *крупнейший* и *мельчайший* (*наимельчайший*), *высочайший* и *нижайший*, *длиннейший* и *кратчайший* (*наикратчайший*), *толстейший* и *тончайший*, *глубочайший* (*наиглубочайший*), *широчайший*. Почти столь же регулярно в разговорной речи семантика высшей степени проявления признака выражается при помощи синонимичной этим аффиксам приставки *пре-*, а также повторов (ср.: *большой-большой*, *пребольшой*, *пребольшущий*, *прекрупный*, *превеликий* и *маленький-маленький*, *премаленький*; *претолстый*, *толстый-претолстый* и *претонкий*; *превысокий* и *пренизкий*; *преширокий* и *преузкий*; *предлинный*, *преглубокий* и т.п.).

В семантике степеней качества прилагательных можно выделить три составляющих: 1) значение степени проявления признака; 2) прагматическую информацию; 3) оценку с точки зрения должного – нормы.

Значение степени проявления признака свойственно всем степеням качества и «предполагает как бы определенную точку отсчета, которая и представлена обычно в языке более общими обозначениями тех же признаков» [17. С. 41]. Собственно параметрические прилагательные, с одной стороны, и степени качества – с другой, обозначают одни и те же явления, отражая их измерение на одной и той же шкале, однако в качестве точки отсчета используют разные участки этой шкалы. В то время как для производных параметрических прилагательных такой точкой отсчета является самый центр шкалы, степени качества ведут измерение от границы между нормой и аномалией, обозначенной параметрическим прилагательным. Однако указание на ту или иную степень проявления признака, в том числе не достигающую или превышающую обычную, не является единственным условием того, что слово, включающее в свою семантику такое указание, будет выражать отношение к норме. Например, префиксы *сверх-* и *ультра-* в сочетании с основами параметрических прилагательных имеют значение чрезмерной степени проявления признака, но используются преимущественно в терминологических наименованиях (напр.: *ультракороткие волны*, *сверхдальний заплыв*, *сверхдальнобойное орудие*, *сверхновая звезда*, *сверххранний сорт пшеницы*), где они, в силу отсутствия в их семантике коннотативных компонентов, не выражают значения отношения к норме.

В семантике многих степеней качества содержится прагматическая информация, выражающая отношение говорящего к содержанию сообщения. Согласно нашим наблюдениям различия между степенями качества в большей степени определяются характером выражаемой ими оценочной информации, чем свойственной им семантикой количества. Степени качества со значением слабой и высокой степени проявления признака «обнаруживают существенную асимметрию по параметру прагматики». Особенно заметен прагматический компонент «в значениях прилагательных, образованных увеличительными суффиксами. *Толстенный X* значит ‘очень толстый X, причем говорящий небезразличен к толщине X-а и хочет заразить

своим небезразличием адресата'... Ср. также прилагательные *большущий, высоченный, здоровенный, здоровущий, широченный* и т.п.» [7. С. 146–147]. Напротив, *толстоватый X* значит 'довольно толстый X, мысль о котором не вызывает у говорящего каких-либо эмоций'. Для значения отношения к норме важно, чтобы входящий в семантику языковой единицы прагматический компонент выражал отрицательное отношение говорящего к обозначенной ею аномалии. Таким значением не обладают, например, прилагательные с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *«толстенький X* значит 'довольно толстый X, мысль о котором вызывает у говорящего положительные эмоции'» [7. С. 147].

Таким образом, семантика параметрической нормы, заключенной в значениях степеней качества, отражает представления об определенных размерно-количественных характеристиках объекта, с названием которого сочетается данное прилагательное, не вызывающих у носителей языка неодобрительного отношения.

Сходная по содержанию семантика параметрической нормы обнаруживается в значениях производных от параметрических прилагательных имен существительных, а также их антонимов и синонимов, например: *великан – лилипут, колосс – малютка, гигант – карлик, исполин – пигмей; крошечка – громадина, капелька <чутьочка, крупница> – множество <прорва, уйма>, излишек – недостаток, прибыль – убыток, гипертония – гипотония, жара – мороз.*

У имен существительных семантика параметрического признака может выражаться при помощи аффиксов, передающих увеличительное и уменьшительное значение. При этом уменьшительное значение способно реализовываться в семантике существительных при помощи суффиксов *-етт(a)* (*симфониетта*), *-етк(a)* (*статуэтка, вагонетка*), *-ок/-ик/-чик* (*городок, садик, рукавчик*), *-ец*, (*хлебец*), *-к(a)/-очк(a)* (*горка, звездочка*), *-к(о)/-ышк(о)* (*облачко, пятнышко*), *-к(и)/-ик(и)/-чик(и)* (*брючки, часики, шароварчики*), *-иц(a)/-ц(a)* (*рощица, частица, дверца*), *-ц(о)/-ец(о)* (*оконце, пальтецо*), *-ц(ы)* и *-ц(a)* (*сенцы, перильца*), *-ишк-* (*городишко*), *-ушк(a)* (*комнатушка*), *-онк-* (*ручонка, собачонка*), *-ёшк-* (*рыбешка, прост. комнатешка*). Увеличительное значение выражается при помощи суффиксов *-ищ-* (*умище, скучища*) и *-ин(a)* (*голосина, бычина*) и префиксов *сверх-* (*сверхприбыль*), *супер-* (*супертанкер*), *ультра-* (*ультрареакционер*), *экстра-* (*экстракласс*), «а в оценочных названиях лиц – также *архи-* (*архиплут*), *обер-* (*оберлодырь*), *прото-* (*протобестия*)» [8. С. 267].

Следует отметить, что значение несоответствия норме как представления о должном не является обязательным компонентом семантики деминутивов, напротив, «наиболее регулярно семантический компонент 'меньше нормы по размеру' имплицитно прагматический компонент 'ласкательное'. Все, что меньше стандартов человека, потенциально заряжено эмоцией умиления» [18. С. 170], противоречащей характерной для аномалии отрицательной оценке. Более того, в определенных контекстах существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами могут приобретать значение 'соответствующий норме по ситуативно или узуально предъявляемым требованиям'

[Там же], напр.: уютный уголок, модное пальцецо, смиренная лошаденка¹. Значение несоответствия норме суффиксальные существительные приобретают в тех случаях, когда уменьшительное значение суффикса сопровождается экспрессией уничижительности (напр.: старикашка, комнатушка, комнатенка, городишко), т.е. «уменьшительность одновременно сочетается с отрицательной, пренебрежительной оценкой» [19. С. 89], однако количество таких суффиксов в русском языке заметно меньше, чем уменьшительно-ласкательных.

Преобладание в семантике уменьшительных морфем значения положительной оценки обусловлено тем, что «в русском языке уменьшительные суффиксы прагматически более насыщены, чем увеличительные; в содержании увеличительных суффиксов доля семантики существенно больше. Действительно, в значение таких слов, как бородачица, домина, домище, мужичина, ножища, ручища, входит представление об очень большом размере соответствующих предметов. В значение слов типа голосина, голосище, жарщица, скущица, холодина входит представление об очень большой степени или интенсивности соответствующих явлений» [7. С. 146].

Современные лингвисты отмечают, что производные существительные с увеличительными суффиксами обозначают «предмет, намного превышающий по своим свойствам обычные, нормальные свойства предмета, названного мотивирующим словом» [8. С. 267], напр.: домина, зверина, мужичина, конфетина, ножища, бабища, пылица, волчище, голосище, кулачище, хвостыще, веслыще. При этом «значение увеличительных существительных не исчерпывается семантикой. В него входит и прагматический компонент: говорящий небезразличен к величине <интенсивности> X-а и хочет заразить своим небезразличием адресата. Однако этот компонент не имеет параллели в значениях слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами» [7. С. 146].

Существительные и прилагательные с увеличительными суффиксами используются преимущественно в разговорной речи и просторечии. Свойственный этим именам оттенок фамильярности [15. С. 70] и связанная с ним оценочность способствуют тому, что они, в отличие от деминутивов, в большинстве случаев используются для указания на избыток в объекте отрицательных свойств (напр.: жара – жарщица, холод – холодина и холодище, мороз – морожище, но тепло; скука – скущица, но веселье, нудный – нудятина, но интересный, дурак – дурачина, но умница, вино – винище, но вода, скандал – скандалыще и т.д.). Напротив, приставки с увеличительным значением значительно реже используются для обозначения отрицательных свойств объекта, напр.: архиглупый, архиглупот, но: развеселый, раскрасавец, сверхдалний, сверхприбыль, суперсовременный, суперкласс, ультракороткие волны, ультрамода.

¹ И.Г. Милославский связывает положительную оценочность русских деминутивов с особенностями национального характера: «Отлично понимая реальную опасность впасть в вулгаризацию и упрощение, считаю необходимым подчеркнуть эту удивительную особенность русского языка, а именно положительное, любовное, сочувственное отношение к тем «предметам», размер которых меньше нормы. Не связано ли это каким-либо образом с той чертой национального характера, которая известна как сочувствие и даже любовь к обиженным? Точно так же обозначение с помощью суффиксов больших против нормы по размеру «предметов» одновременно является обычно и обозначением негативного отношения к предмету: домина или домище, ручища, голосина и т. п.» [19. С. 88–89].

Степени качества прилагательных и имена существительные с увеличительными и уменьшительными аффиксами являются основными средствами выражения семантики параметрической нормы в русском языке.

Одним из основных средств обозначения слабой степени проявления признака, названного прилагательными, является суффикс *-оват-*. Однако в сочетании с основами несобственно параметрических прилагательных суффикс *-оват-* теряет градационное значение и используется для выражения прагматической информации, отражающей стремление говорящего смягчить негативный смысл сообщения. Оценочный характер несобственно параметрической лексики выражается в производных с этим суффиксом лишь косвенно, а именно за счет избирательности, проявляемой названной морфемой при их образовании. Несобственно параметрические прилагательные образуют антонимические пары, один из членов которых называет признак, соответствующий аксиологической норме, т.е. такой, который отвечает потребностям человека, его возможностям или идеалам, а второй называет противоположно оцениваемое свойство. Способность суффикса *-оват-* выражать отношение к норме проявляется в том, что он присоединяется к тому из членов антонимических пар, который обозначает менее желательное (отрицательно оцениваемое) состояние или признак, напр.: *дорогой – дороговатый*, но *дешевый (товар)*; *тесный – тесноватый*, но *просторный (дом)*; *сырые – сыроватые*, но *сухие (дрова)*; *сухой – суховатый*, но *мокрый, влажный (грунт)*; *жирный – жирноватый*, но *постный (суп)*; *полный (в талии) – полноватый*, но *худой*; *редкие – редковатые*, но *густые (волосы)*; *редкие – редковатые*, но *частые (зубы)*; *бледный – бледноватый*, но *румяный (ребенок)*; *далеко – далековато (от дома)*, но *близко*; *бедный – бедноватый* но *богатый (дом)*; *глухой – глуховатый*, но *звонкий (голос)*; *грязный – грязноватый*, но *чистый (раствор)*; *мутный – мутноватый*, но *прозрачный (напиток)*; *темный – темноватый*, но *светлый (зал)*; *пьяный – пьяноватый*, но *трезвый (водитель)*; *кривой – кривоватый*, но *прямой (нос)* и т.д. Остальные аффиксы степеней качества не обладают способностью к различению положительно или отрицательно оцениваемых обозначенных прилагательными свойств и могут сочетаться с каждым из членов антонимической пары, напр.: *получше – похуже*, *долгонек – коротонек*, *сильнейший – слабейший*, *чистый-пречистый – грязный-прегрязный*, *сухонький – мокренький*, ср. также *пьянящий* и *умнящий* и т.д.

По замечанию И.Г. Милославского, «с XIX в., когда такое наблюдение впервые было сформулировано А.Х. Востоковым, и вплоть до самого последнего времени... причиной такого положения дел считали сочетаемость особенности суффикса *-оват-*. Однако, как кажется, причина глубже, она в той "философии" степени положительного признака, которая существует в русском языке. Русский язык, допуская меньшую против нормы степень отрицательного признака, как бы смягчая его, не допускает такого смягчения по отношению к признаку положительному, как бы полагая, что недостижение нормы в обладании положительным признаком уже не может рассматриваться как положительный признак» [19. С. 141].

Из сделанного И.Г. Милославским наблюдения следует, как мы полагаем, вывод о том, что в составе несобственно параметрических прилагательных суффикс *-оват-* выражает чисто прагматическое значение, отражая желание

говорящего смягчить впечатление от обозначенного прилагательным негативного признака, и не обладает семантикой параметрической нормы.

Таким образом, содержанием параметрической нормы являющаяся представления об определенных размерно-количественных характеристиках того или иного объекта, несоответствие которым вызывает у носителей языка неодобрительное отношение.

В качестве средств выражения этого значения используются степени качества, образованные от собственно параметрических прилагательных, а также слова других частей речи и отдельные морфемы, включающие в свою семантику значение выходящей за пределы нормы степени качества и образующие противопоставленные по этому значению антонимические пары.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: Едиторал УРСС, 2005. 168 с.
3. Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / под ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. 246 с.
4. Краткий справочник по современному русскому языку / под ред. П.А. Леканта. М.: Высш. шк., 1995. 382 с.
5. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
6. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.
7. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
8. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1 / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1982. 783 с.
9. Мурашко А.Г. Имя существительное // Современный русский язык / под ред. П.П. Шубы. Минск: ООО «Плопресс», 1998. Ч. 2. С. 229–272.
10. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.
11. Шарандин А.Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка: Морфология. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2001. 313 с.
12. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.
13. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. М.: Просвещение, 1981. 254 с.
14. Янко-Триницкая Н.А. Русская морфология. М.: Рус. яз., 1982. 246 с.
15. Краткая русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. М.: Рус. яз., 1989. 639 с.
16. Шелякин М.А. Имя прилагательное // Современный русский язык. СПб., 1999. С. 414–432.
17. Шмелев Д.Н. Избранные труды по русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2002. 888 с.
18. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 219 с.
19. Милославский И.Г. Культура речи и русская грамматика: курс лекций. М.: СТУПЕНИ: ИНФРА-М, 2002. 160 с.

УДК 81'272

DOI 10.17223/19986645/21/4

Д.А. Катунин

ЯЗЫКОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КОСОВА И МЕТОХИИ В ПЕРИОД МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОТЕКТОРАТА 1999–2008 гг.

В статье анализируются юридические акты Косова и Метохии, принятые в период международного управления краем в 1999–2008 гг. и регулирующие статус и аспекты использования языков и алфавитов: как законы региона в целом, так и основные законы – статуты – всех 27 муниципалитетов, существовавших в указанный период на территории, подконтрольной правительству Косова. Для рассмотренных документов характерно определение языков, находящихся в (официальном) употреблении, а также установление языков коммуникации населения с органами власти, языков проведения заседаний муниципальных советов, комитетов и комиссий, языков издания официальной документации и т.д.

Ключевые слова: социолингвистика, языковая политика, официальный язык, албанский язык, Югославия, Сербия, Косово, UNMIK.

1. Общая информация

Автономный край Косово и Метохия (официальное название региона по конституции Сербии) расположен на юго-западе Сербии и граничит на северо-западе с Черногорией, на западе с Албанией и на юге с Македонией. Численность населения региона и его этнический состав в рассматриваемый период могут быть оценены только предположительно, поскольку перепись населения 1991 г., которая была организована правительством Сербии, бойкотировалась албанским большинством края, а перепись, проведённая в 2011 г. властями самопровозглашённой республики, не является репрезентативной для данного периода, так как вследствие ликвидации сербских органов власти на территории края и ухода армии и полиции Сербии произошло существенное перераспределение этнического состава населения как в отдельных муниципалитетах, так и во всём регионе. В целом же для национального состава Косова характерно абсолютное преобладание албанцев: так, например, по данным переписи 1981 г., в регионе проживало 1 226 736 албанцев (77,42% от всего населения автономного края) и 209 497 сербов (13,22%). Последние в рассматриваемый период компактно проживали преимущественно на севере края, а также в ряде «анклавов», расположенных на территории остальной части региона. Причём муниципалитеты, расположенные на севере региона и непосредственно граничащие с территорией Центральной Сербии, не контролируются ни временными органами власти Косова, созданными под эгидой международных сил, ни правительством Сербии.

Вооружённое противостояние между сербскими властями и албанскими сепаратистами, продолжавшееся все девяностые годы прошлого века, привело в 1999 г. к бомбардировкам территории Сербии силами НАТО, в результате которых руководство Сербии вынуждено было согласиться на введение в регион иностранных войск и установление над краем международного протектората, и с 1999 г. в соответствии с резолюцией ООН

№ 1244 регион был передан под контроль Миссии ООН в Косове (UNMIK) и вооружённых сил НАТО (KFOR).

При непосредственном участии экспертов из международных организаций было разработано и принято законодательство Косова рассматриваемого периода. Поскольку одной из главных причин косовского кризиса явился этнический конфликт между албанским и сербским сообществами края (на который, несомненно, оказывали влияние и другие противоречия: конфессиональные, экономические, политические и т.д.), то в принимаемых законах существенная роль отводилась положениям, регулирующим максимально паритетное использование языков как на территории края в целом, так и в единицах местного самоуправления.

2. Языковое законодательство Косова регионального уровня

В качестве основного закона Косова (официальное название территории по терминологии UNMIK) были приняты «Конституционные основы временного самоуправления» 2001 г., в которых, несмотря на отсутствие понятия «официальные языки», достаточно подробно регулировалось использование языков в органах власти и при публикации документов. Так, например, в «Конституционных основах...» содержались специальные разделы «Языки в парламенте» и «Языки правительства», согласно которым работа в этих органах власти должна была вестись на албанском и сербском языках и на этих же языках должна публиковаться вся официальная документация парламента и правительства (пп. 9.1.49 и 9.3.17). Кроме того, особо оговаривалось, что представители иных национальных сообществ региона могут использовать свой родной язык (пп. 9.1.50 и 9.3.18), причём в парламенте в таких случаях должен быть обеспечен перевод на албанский и сербский языки.

В этом же документе (пп. 9.1.51) указывалось, что все законы Косова публикуются на пяти языках: албанском, бошняцком, английском, сербском и турецком. Декларировалась равнозначность текстов «Конституционных основ...» на английском, албанском и сербском языках (пп. 14.4), однако в случае возникновения противоречий между разноязычными версиями приоритетным должен был являться их англоязычный вариант:

Језици у Скупштини.

9.1.49 Седнице Скупштине и њених одбора воде се и **на албанском и на српском језику**. Сва званична документа Скупштине штампају се и **на албанском и на српском језику**. Скупштина треба да настоји да званична документа која се тичу одређене заједнице буду доступна **на језику те заједнице**.

9.1.50 Члановима Скупштине из других заједница поред заједнице косовских Албанаца и заједнице косовских Срба дозвољено је да се обратe Скупштини или њеним одборима **на свом језику** и да поднесу документа на разматрање Скупштине **на свом језику**. У тим случајевима, за остале чланове Скупштине или њених одбора треба да се обезбеди превод **на албански и српски језик**.

Languages of the Assembly.

9.1.49 Meetings of the Assembly and its Committees shall be conducted in **both the Albanian and Serbian languages**. All official documents of the Assembly shall be printed **in both the Albanian and Serbian languages**. The Assembly shall endeavour to make official documents which concern a specific Community available **in the language of that Community**.

9.1.50 Assembly members from Communities other than the Kosovo Albanian and Kosovo Serb Communities shall be permitted to address the Assembly or its Committees **in their own language** and to submit documents for consideration by the Assembly **in their own language**. In such cases, interpretation or translation **into the Albanian and Serbian languages** shall be provided for the other members of the Assembly or Committee.

9.1.51 Сви проглашени закони објављују се **на албанском, бошњачком, енглеском, српском и турском језику.**

Језици Владе.

9.3.17 Седнице Владе и њених органа воде се и **на албанском и на српском језику.** Сва службена документа Владе штампају се и на албанском и на српском језику.

9.3.18 Члановима Владе из других заједница поред заједница косовских Албанаца и косовских Срба дозвољено је да користе **свој језик.**

14.4 Верзије овог Уставног оквира **на енглеском, албанском и српском језику** су поједнако веродостојне. У случају неслагања, верзија **на енглеском језику** има јачу правну снагу [1].

9.1.51 All promulgated laws shall be published **in the Albanian, Bosniak, English, Serbian and Turkish languages.**

Languages of the Government.

9.3.17 Meetings of the Government and its bodies shall be conducted **in both the Albanian and Serbian languages.** All official documents of the Government shall be printed **in both the Albanian and Serbian languages.**

9.3.18 Members of the Government from Communities other than the Kosovo Albanian and Kosovo Serb Communities shall be permitted to use **their own language.**

14.4 **The English, Albanian and Serbian language** versions of this Constitutional Framework are equally authentic. In case of conflict, the **English language** version shall prevail. This Constitutional Framework shall also be published **in the Bosniak and Turkish languages** [2].

Основним документом, регулировавшим использование языков в рассматриваемый период на муниципальном уровне, являлось Положение о самоуправлении общин в Косове 2000 г., которое содержало специальный раздел «Языки» (9). Согласно п. 9.1 за представителями национальных сообществ того или иного муниципалитета закреплялось право коммуникации на своих родных языках с местными органами власти. В п. 9.2 указывалось, что заседания представительских органов власти в общинах проходят на албанском и сербском языках с обеспечением в случае необходимости перевода на языки других национальных сообществ муниципалитета; подобные требования распространялись и на порядок публикации официальных документов (п. 9.3). Топонимические надписи и указатели должны были оформляться на албанском и сербском языках, а также, если на территории общины проживают представители иных национальных сообществ, и на их языках (п. 9.4). В п. 9.5 предписывалось обязательное наличие в основных законах общин – статутах – подробных положений, содержащихся в ст. 9 рассматриваемого документа и регламентирующих использование языков (в текстах муниципальных статутах, которые будут приведены ниже, положения об использовании языков нередко сводятся к приведению того или иного пункта ст. 9 данного закона):

Члан 9. **Језици.**

9.1 Чланови заједница имају право да комуницирају **на свом сопственом језику** са свим општинским органима и свим општинским јавним службеницима.

9.2 Састанци скупштине општине и њених комисија као и јавни састанци воде се и **на албанском и на српском језику.** У општинама где живе заједнице **чији језик није ни албански ни српски,** састанци се такође преводе, када је то потребно, **на језик тих заједница.**

9.3 Сви званични документа општине штампају се и **на албанском и на српском језику.** У општинама где живе заједнице,

Section 9. **Languages.**

9.1 Members of communities shall have the right to communicate **in their own language** with all municipal bodies and all municipal civil servants.

9.2 Meetings of the Municipal Assembly and its committees and public meetings shall be conducted **in both the Albanian and Serbian languages.** In municipalities where a community lives **whose language is neither Albanian nor Serbian,** the proceedings shall also be translated, when necessary, **into the language of that community.**

9.3 All official documents of a municipality shall be printed **in both the Albanian and Serbian languages.** In municipalities where a community lives

чији језик није ни албански нити српски, све званичне документе општине такође треба учинити доступним **на језику тих заједница**.

9.4 На званичним знацима који показују или укључују имена градова, варошица, села, путева, улица и осталих јавних места та имена се пишу и **на албанском и на српском језику**. У општинама у којима живе заједнице, **чији језик није ни албански ни српски**, ова имена треба такође да пишу и **на језику тих заједница**.

9.5 Статут општине треба да садржи детаљне одредбе за употребу **језика заједница** као што је прописано овим чланом, узимајући у обзир састав заједница у општини [3].

whose language is neither Albanian nor Serbian, all official documents of the municipality shall also be made available **in the language of that community**.

9.4 Official signs indicating or including the names of cities, towns, villages, roads, streets and other public places shall give those names **in both the Albanian and Serbian languages**. In municipalities where a community lives **whose language is neither Albanian nor Serbian**, those names shall also be given **in the language of that community**.

9.5 The Statute of the municipality shall make detailed provisions for the use of **languages of communities** as set out in this section, taking into consideration the composition of communities in the municipality [4].

В июле 2006 г. был принят закон «Об употреблении языков», в котором в качестве равноправных официальных языков (*službeni jezici / official languages*) Косова были заявлены албанский и сербский языки и их алфавиты, а также указаны языки национальных меньшинств – турецкий, боснийский и цыганский, которые могут находиться в официальном употреблении (*jezici u službenoj upotrebi / languages in official use*) на уровне местного самоуправления; на время действия мандата UNMIK на управление краем закреплялось употребление английского языка как языка официальной коммуникации на всей территории Косова¹:

Čl. 1. 1.1. Svrha ovog zakona je da obezbedi:
ii. Ravnopravan status **Albanskog i Srpskog jezika kao službenih jezika Kosova**, jednaka prava za njihovu upotrebu u svim institucijama Kosova;

1.2. Na opštinskom nivou, **ostali jezici zajednica, kao što su turski, bosanski i romski jezik, biće u službenoj upotrebi**, prema zakonom utvrdjenih uslova.

Čl. 34. Institucije Kosova će koristiti **engleski jezik** u svom radu, kontaktima i zvaničnim dokumentima tokom mandata Privremene Administracije Misije Ujedinjenih Naroda na Kosovu [5].

Art. 1. 1.1. The purpose of this law is to ensure:

ii. The equal status of **Albanian and Serbian as official languages of Kosovo** and the equal rights as to their use in all Kosovo institutions;

1.2. At the Municipal level, **other community languages, such as Turkish, Bosnian and Roma will be languages in official use** under conditions specified in this Law.

Art. 34. Kosovo Institutions shall use **the English language** in their work, contacts and official documents during the mandate of the United Nations Interim Administration mission in Kosovo [6].

3. Языковое законодательство Косова муниципального уровня

По закону Сербии «О территориальной организации» [7] Автономный край Косово и Метохия состоит из 29 муниципалитетов (28 общин и города Приштина – административного центра края), объединённых в пять округов. Однако в период международного протектората количество округов было увеличено до 7, а муниципалитетов (общин) до – 30 [8]. Была восстановлена ранее упразднённая община Малишево, а также изменены границы общин Призрен и Гора (административный центр – Драгаш). Последняя была населена славяноязычными мусульманами, именующимися по названию местно-

¹ Подробнее этот закон предполагается рассмотреть в следующей статье, поскольку он в большей степени определяет языковое законодательство Косова в период после одностороннего провозглашения независимости от Сербии в феврале 2008 г.

сти «горанцами» (самоназвание – *нашинци* или *нашенци*), и являлась практически моноэтнической. Во вновь созданный муниципалитет Драгаш были включены территории общины Гора и выделенной из состава общины Призрен ранее существовавшей общины Ополе, в результате чего этнические пропорции нового муниципалитета были скорректированы в пользу албанского населения. Все эти изменения не признаются правительством Сербии и характеризуются им как нелегитимные.

В работе будут рассмотрены статуты всех 27 общин, существовавших в анализируемый период на территории, подконтрольной косовским органам власти¹. В каждом из этих документов (доступных, за единственным исключением, только на албанском языке) в разной степени присутствуют положения об использовании языков на территории того или иного муниципалитета. В них могут определяться официальные и используемые в общине языки, языки коммуникации с органами власти, работы муниципальных органов, официальной документации (в том числе статута и его приоритетной версии), печати муниципалитета, топонимических надписей, указателей и т.д. как прямо, так и посредством апелляции к ст. 9 вышерассмотренного Положения о самоуправлении общин в Косове. Поскольку, несмотря на существующие общие черты, статуты косовских общин отличаются значительным разнообразием положений при характеристике языков, документы в работе будут рассматриваться не по типологическим признакам, а по территориальному расположению муниципалитетов в границах семи округов (согласно административному делению UNMIK); в конце статьи приведена сводная таблица, классифицирующая законодательно закреплённое использование языков в муниципалитетах Косова.

Приштинский округ включал в себя в данный период семь общин. В статуте 2002 г. административного центра округа и всего Косова – **Приштины** – языками работы и проведения заседаний в местных органах власти со ссылкой на п. 9.2² указывались албанский и сербский языки. В качестве языков официальной коммуникации заявлялись албанский, сербский и английский языки (на них же оформлялась и печать общины), а по мере необходимости допускалось использование бошняцкого и турецкого языков. Относительно оформления официальных документов указывалось, что оно должно осуществляться в соответствии с п. 9.3:

Neni 10. Vulat e Komunës të përkthura në nenin 9 këtu do të jenë të shkruara **në gjuhën shqipe, serbe dhe angleze.**

Neni 15. Mbledhjet e Kuvendit të Komunës, të komiteteve të tij dhe tubimet e tjera zhvillohen **në gjuhën** e pjesëmarrësve të mbledhjes. Siç është paraparë në Seksionin 9.2 të Rregullores, minimumi i **gjuhëve** të kërkuara për mbajtjen e këtyre mbledhjeve është se ato mbahen **në gjuhën shqipe dhe serbe.**

Të gjitha dokumentet zyrtare, të lëshuara nga Komuna, do të jenë në pajtim me dispozitat e Rregullores dhe posaqërisht me Seksionin 9.3.

¹ О документах, регулирующих использование языков на территории северных (преимущественно сербских) муниципалитетов **Звечан, Зубин Поток, Лепосавич и Косовска Митровица** (северная часть), входящих в состав Косовскомитровицкого округа, см.: [9].

² Здесь и далее имеются в виду пп. 9.1, 9.2, 9.3, 9.4 ст. 9 из Положения о самоуправлении общин в Косове 2000 г.

Si plotësim, të gjitha dokumentet zyrtare të lëshuara nga Komuna, do të jenë **në gjuhën** e palës. Pavarësisht nga ajo që u tha, duhet të supozohet se **gjuha** e palës është ajo në të cilën, së pari ai/ajo i është drejtuar Komunës.

Neni 16. Komunikimi në organet dhe institucionet komunale, si edhe në Shërbimet Civile të Komunës zhvillohet **në gjuhët: shqipe, serbe dhe angleze. Gjuha boshnjake dhe turke** mund të përdoren sipas nevojës [10].

В основном законе общины **Липлян** 2001 г. указывалось, что заседания муниципальных органов должны проходить на албанском и сербском языках (п. 9.2), однако уточнялось, что в случае согласия присутствующих допускается использование только одного языка. На албанском и сербском языках оформлялись текст печати общины и вся публичная информация (п. 9.3). В то же время говорилось, что в случае возникновения противоречий приоритетной версией статута будет англоязычная. Посредством апелляции к п. 9.4 утверждалось двуязычное написание названия муниципалитета:

Neni 10. Nëse vie deri te ndonjë keqinterpretim **gjuhësor** për sa i përket Statutit Komunal atëher mbizotron verzioni **në gjuhën Angleze**.

Neni 48. Kuvendi Komunal duhet të vendos për vulën zyrtare të Komunës së Lipjanit Vula duhet të jetë **në gjuhën Shqipe dhe Serbe** dhe duhet të shpreh emërin e Komunës **në të dy gjuhët Shqipe dhe Serbe** ashtu si është parapar me Rregulloren e UNMIK-u mbi Vetëqeverisjen.

Neni 50. Kuvendi Komunal do të vendos për flamurin zyrtar të komunës së Lipjanit. Flamuri duhet të shpreh të dy emërat e komunës atë **në Shqip dhe në Serbisht** siç është parapar në Nenin 9.4 të Rregullores. Teksti i **gjuhës** në flamur gjithësesi duhet të jetë **në Shqip dhe Serbisht**.

Neni 57. Me rastin e zbatimit të dispozitave të Nenit 9.2 të Rregullorës mbledhjet munden të zhvillohen në një **gjuhë** të vetme, vetëm nëse të gjithë përfaqësuesit e minoriteteve që janë të pranishëm, përfshirë edhe anëtarët e publikut që vijnë mbledhen, pajtohen. Procesverbale dhe/ose shënimet nga mbledhja duhet të jenë **në të dy gjuhët Shqip dhe Serbisht**.

Neni 58. Simbas Nenit 9.3 të rregullores mbi Vetëqeverisjen komunikimet zyrtare munde të shkruhen në **gjuhen** e të adresuarit kur komunikimi nuk është për informim të gjirë. Të **gjuha** njoftimet apo komunikatat zyrtare me interes të përgjithshëm ose të përbashkët shoqëror duhet të shkruhen dhe leshohen **në gjuhën Shqipe dhe Serbe**.

Neni 77. Komiteti duhet t'i mbajë shënimet mbi diskutimet dhe elaborimet.

Procesverbali do të mbahen **në të dy gjuhët Shqip dhe Serbisht** dhe do të jenë të hapura për publik [11].

В статуте **Обилича** 2001 г. в качестве официального языка был указан только албанский (с уточнением, что в местах проживания представителей других национальностей могут использоваться и их языки), а текст муниципальной печати должен быть составлен на албанском, английском и сербском языках:

Neni 7. <...> Vulat janë të shkruara **në gjuhën shqipe, angleze dhe serbe**.

Neni 45. **Gjuhë zyrtare** në Komunë është **gjuha shqipe**, kurse në përdorim janë edhe **gjuhët** tjera aty ku jetojnë pjesëtarët e komuniteteve tjera [12].

В общине **Глоговац** в официальном употреблении был только албанский язык, поскольку, согласно статуту 2003 г., на территории муниципалитета не

проживают никакие другие национальные сообщества, кроме албаноязычного:

Neni 48. Komuna e Gllgocit nuk ka komunitete të tjera të cilat do të mund të identifikoheshin me një **gjuhë** tjetër përveq **gjuhes shqipe**.

Gjuha shqipe është në përdorim zyrtar [13].

В **Подуево**, по статуту 2001 г., языками коммуникации в местных органах власти являлись албанский и английский языки, на этих же языках должен был быть и текст печати общины.

Neni 9. Vulat duhet të jenë të shkruara në **gjuhën shqipe dhe angleze**.

Neni 15. Komunikimi me organet dhe institucionet e komunës, si dhe në shërbime civile zhvillohet në **gjuhën shqipe dhe angleze** [14].

Согласно основному закону **Ново Брдо** 2005 г., поскольку на территории общины проживают представители различных национальностей, в соответствии со ст. 9 в муниципалитете используются албанский и сербский языки; вся муниципальная документация также должна составляться на этих двух языках:

Neni 46. Komunën e Novobërdës e përbëjnë pjestarët e komuniteteve të ndryshme dhe në bazë të nenit 9 të rregullorës së UNMIK-ut, nr.2000/45 në përdorim janë **gjuhët Shqipe dhe Serbe**.

Neni 47. Çdo dokument që ku të bëjë me Komunën ose rreth çështjeve të Komunës duhet të përdoret **në të dy gjuhët** [15].

В статуте общины **Косово Поле** 2001 г. указывалось, что официальными языками являются албанский и сербский языки, а текст печати муниципалитета должен быть выполнен на трёх языках: албанском, английском и сербском (для последнего с уточнением – в латинской графике). Относительно языков общения с местными органами власти, проведения ими заседаний и оформления официальной документации говорилось, что они определяются в соответствии с пп. 9.1, 9.2 и 9.3. Кроме того, заседания могут проходить только на одном языке, если все присутствующие, включая представителей общественности, согласны на это. Приоритетной версией статута, опубликованного на трёх языках, заявлялась англоязычная:

Neni 1. Ky dokument <нрзб.> të <нрзб.> “Statut Komunal” i Komunës së Fushë-Kosovës. Në rast të ndenje <нрзб.> në mes të verzionit **në gjuhën Angleze** <нрзб.> **në gjuhën Shqipe apo Serbe, në gjuhën Angleze** do të mbizotërojë.

1.4. Vulat janë të shkruara **në gjuhën Shqipe, Angleze dhe Serbe** (në alfabetin latin).

Pjesa V. **Gjuha**.

Neni 38. Në komunën e Fushë-Kosovës si **gjuhe zyrtare janë gjuha Shqipe dhe Serbe**.

Neni 39. Me rastin e zbatimit të dispozitave të Nenit 9.2 të Rregullorës, mbledhjet mundet të zhvillohen në një **gjuhë** të vetme, vetëm nëse të gjithë personat e pranishëm, përfshirë anëtarët e publikut, pajtohen.

Neni 40. Parimet e cekura në nenet 9.1., 9.2 dhe 9.3 të Rregullorës do të plotësojnë pjesën e IV-te të Statutit të Komunës deri sa të jetë e nevojshme për ruajtjen e nivelit të konsultimit dhe pjesëmarrjes publike dhe të të drejtave në Kartën Evropiane për **gjuhë** rajonale apo minoritare [16].

Урошевский округ состоял из четырёх муниципалитетов. В статуте **Урошевца** 2001 г. содержалось упоминание только об албанском языке как языке официальных документов и муниципальной печати с пояснением, что жители общины могут обращаться к представителям органов власти и получать документы на своём родном языке:

Neni 5. Komuna ka vulën e vet të rrumbullakët me tekst **në gjuhën shqipe**, KUVENDI I KOMUNËS FERIZAJ, në mes të vulës është emblemi, për të cilën vendos Kuvendi Komunal me vendim të posaçëm...

Neni 12. **Gjuha.**

Në komune pjesëtarëve të komuniteteve kombëtare dhe bashkësive nacionale, u garantohet e drejta e deklarimit të lire të identitetit etnik, kulturor dhe fetar.

Pjesëtarët e komuniteteve kanë të drejtë të drejtë të komunikojnë **në gjuhën** e tyre me organet dhe shërbimet civile në komunë.

Të gjitha dokumentet zyrtare që lëshohen nga organet dhe shërbimet e komunës duhet të jenë **në gjuhën shqipe** dhe të komuniteteve të komunës sonë [17].

В **Штрпце**, согласно статуту 2004 г., заседания совета общины должны были проходить на двух языках – сербском и албанском, а текст муниципальной печати составлялся на трёх языках – сербском, албанском и английском (в обоих случаях первым указан сербский язык, как язык большинства населения муниципалитета). Со ссылкой на п. 9.1 за жителями общины закреплялось право на обращение в органы власти на своём языке; отдельно подтверждалось действие пп. 9.1, 9.2 и 9.3:

Neni 11. Komuna e ka vulën e vet të rrumbullakët dhe katrore të protokollit me këtë tekst: Kuvendi Komunal Shtërpçë i shkruar **në gjuhën serbe, shqipe dhe angleze**. Drejtoritë, bashkësitë lokale dhe arkiva mund ta kenë vulen e vet.

Neni 56. Antarët e komuniteteve kanë të drejtë të komunikojnë në gjuhën e vet, në të gjitha organet komunale dhe shërbimin civil. Rregullorja 2000/45 neni 9.1.

Mbledhjet e Kuvendit Komunal dhe komiteteve të tij si dhe tribunat publike mbahen **në gjuhën serbe dhe shqipe**.

Neni 58. Parimet e cekura në nenet 9.1, 9.2 dhe 9.3 të Rregullorës do të plotësojnë Pjesën e IV-të të Statutit Komunal deri sa të jetë e nevojshme për ruajtjen e nivelit të konsultimit dhe pjesëmarrjes publike dhe të të drejtave në Kartën Evropiane për **gjuhë** rajonale apo minoritare.

Neni 59. Komiteti i Komuniteteve do ta shqyrtojë shfrytëzimin e **gjuhës** gjatë kryerjes së punëve në Komunë [18].

Сходным образом определялось использование языков в статуте общины **Штимле**, где в основном всё сводилось к подтверждению действия на территории муниципалитета пп. 9.1–9.3, с уточнением, что заседания местных органов власти могут проходить на одном языке. Следует отметить ст. 37 статута, в которой (в соответствии с типовой моделью основных законов косовских муниципалитетов) предполагалось перечисление неалбанско- и несербскоговорящих сообществ муниципалитета, но отсутствовало наименование таких сообществ:

Neni 37. Sipas Nenit 9 të Rregullorës, bashkësitë që vijojnë janë identifikuar si banorë të komunës, por **gjuha** e të cilëve nuk është **as shqip as serbisht**: (Shenoni detajet e bashkësive dhe gjithë).

Neni 38. Me rastin e zbatimit të dispozitave të Nenit 9.2 të Rregullorës, mbledhjet mund të zhvillohen në një **gjuhë** të vetme vetëm nëse të gjithë personat e pranishëm, përfshirë anëtarët e publikut, pajtohen,

Neni 39. Parimet e cekura në Nenet 9.1, 9.2 dhe 9.3 të Rregullorës do të plotësojnë Pjesën e IV-të të Statutit Komunal deri satë jetë e nevojshme për ruajtjen e nivelit të konsultimit dhe pjesëmarrjes publike dhe të të drejtave në Kartën Evropiane për **gjuhë** rajonale apo minoritare.

Neni 40. Komiteti i Komuniteteve do ta shqyrtojë shfrytëzimin e **gjuhës** gjatë kryerjes së punëve në Komunë [19].

В статуте **Качаника** 2001 г. в качестве официальных заявлялись только албанские язык и алфавит, на албанском же должны проходить и заседания совета общины. Кроме того, местные органы власти брали на себя обязательства создания условий для реализации своих прав неалбаноязычными сообществами муниципалитета (без их поименного указания):

Neni 47. **Gjuhë zyrtare është gjuha shqipe dhe shkrimi i saj.**

Neni 48. Kuvendi i Komunës mbledhjet e veta do t'i mbajë dhe do t'i drejtojë **në gjuhën shqipe**,

Neni 49. Kuvendi i Komunës është i obliguar të krijojë kushte për të gjithë personal, gjuhë amtare e të cilëve nuk është **gjuha shqipe**, e që kërkojnë realizimin e një të drejte, të jenë në gjendje të kuptojnë për të drejtën që kërkojnë ta realizojnë. (Ne këto dy dispozita janë përfshirë nenet: 37, 38, 39 dhe 40 të Modelstatutit.) [20].

Призренский округ вклучал в себя четыре общины. Статут 2001 г. главного города округа – **Призрена** – предписывал, что в соответствии с п. 9.3 вся официальная документация должна оформляться на четырёх языках: албанском, бошняцком, сербском и турецком (однако уточнялось, что в случае разночтений при интерпретации положений статута приоритетной будет версия на албанском языке). На этих же четырёх языках, а также английском должен быть составлен текст печати муниципалитета, а заседания муниципальных органов должны проходить на языках участников таких мероприятий. За жителями общины закреплялось право обращения в органы власти на своём родном языке:

Neni 10. Vulat e Komunës dhe organeve të saj, janë të veçanta për këto **gjuhë**, – **shqip, boshnjakisht, serbisht dhe turqisht**. Në secilën vullë, krahas **gjuhës** përkatëse do të jetë edhe teksti në **anglisht**.

Neni 14. Në kufijtë dhe territorin e Komunës, pjesëtarëve të komuniteteve kombëtare dhe bashkësive nacionale u garantohet e drejta e deklarimit të lirë të identitetit etnik, kulturor dhe fetar. Pjesëtarët e komuniteteve kanë të drejtë të komunikojnë **në gjuhën** e tyre me organet dhe shërbimet civile në Komunë, në pajtim me ligjet në fuqi dhe konventat ndërkombëtare.

Neni 15. Mbledhjet e Kuvendit të Komunës, komiteteve të tij dhe tubimet e tjera zhvillohen **në gjuhën** e pjesëmarrësve të mbledhjes.

Neni 16. Të gjitha dokumentet zyrtare të lëshuara nga Komuna do të jenë në pajtim me dispozitat e Rregullores dhe posaçërisht me Seksionin 9.3.

Si plotësim, të gjitha dokumentet zyrtare të lëshuara nga Komuna do të jenë **në gjuhën e palës, gjegjësisht shqip, boshnjakisht, serbisht dhe në gjuhën turke.**

Neni 101. Interpretimi i këtij Statuti duhet të qeveriset nga fryma dhe synimi i Rregullores nr. 2000-45.

Në rast konflikti në interpretimin e këtij Statuti meritohet do të jetë teksti i këtij Statuti **në gjuhën shqipe** [21].

В статуте **Драгаша** 2001 г. указывалось, что употребление языков в совете общины и при составлении официальных документов регулируется в соответствии с пп. 9.2 и 9.3; граждане могут вести официальную коммуникацию на своих родных языках. Также содержалось положение о бошняцком языке на основании латинской графики как дополнительном языке общины для соблюдения прав населения местности Гора. Печать муниципалитета оформлялась на четырёх языках: албанском, сербском, бошняцком (с использованием латинской графики) и английском:

Neni 7. 7.1. Vulat duhet të janë të shkruara **në gjuhën shqipe, serbe ose boshnjake**, si **gjuhë** shtesë me shkrim, vetëm në latinishte edhe **në gjuhën angleze.**

Neni 14. 14.1. Në komunë, pjesëtarëve të komuniteteve kombëtare dhe bashkësive nacionale u garantohet e drejta e deklarimit të lire dhe e identitetit etnik, kulturor e fetar. Pjesëtarët e komuniteteve, kanë të drejtë të komunikojnë **në gjuhën e tyre** me organet dhe shërbimet civile në komunë,

Neni 15. 15.1. Mbledhjet e Kuvendit të Komunës, komiteteve të tij dhe të organeve tjera, zhvillohen konformë nenit 9.2 të Rregullores.

15.2. Të gjitha dokumentet zyrtare, të lëshuara nga organet dhe shërbimet e komunës, duhet të janë në pajtim me Dispozitat e Rregullores, e posaçërisht me nenin 9.3.

15.3. Të gjitha dokumentet zyrtare, të lëshuara nga organet dhe shërbimet e Komunës, duhet të janë **në gjuhën e palës.**

15.4. **Gjuha e palës**, konsiderohet ajo me të cilën i është drejtuar organit ose shërbimit të Komunës,

Neni 16. 16.1. Mbarëvajtjen e aktiviteteve zyrtare, Komuna do të implementoj plotësisht politikën **gjuhësore** siç është theksuar në Rregulloren 45/2000.

16.2. Komuna pranon **gjuhën boshnjake**, vetëm në alfabetin latin, si një **gjuhë** shtesë për të përmbushur kërkesën e popullatës se rajonit të Gores të komunës, se Dragashit [22].

В общине **Малишево**, согласно статуту 2001 г., используются албанский и английский языки, на них же оформлялся и текст печати. Языки официальной коммуникации, текстов документов, заседаний совета общины регулировались пп. 9.1, 9.2 и 9.3 (с уточнением, что в случае применения п. 9.2 заседания могут проходить только на одном языке при согласии всех присутствующих). Названия населённых пунктов общины должны были оформляться на албанском языке:

Neni 5. Komuna e Malishevës ka një sipërfaqe prej 306.3 km². Selia e përgjithshme e Kuvendit të Komunës është në Malishevë. Fshatrat dhe vendbanimet urbane të Komunës së Malishevës emërtohen vetëm **në gjuhën shqipe**. Emri Tërpez e Ulët të jetë Tërpez e poshtme.

Neni 8. <...> 14. Kuvendi i Komunës së Malishevës e ka vulën e vet: <...> teksti i vulës është: “KUVËNDI I KOMUNËS – MALISHEVË” në gjuhën shqipe dhe angleze.

Pjesa V. **Gjuha.**

Neni 36. Në Statut të jetë përdorimi i **gjuhës shqipe dhe gjuhës Angleze.**

Neni 37. Me rastin e zbatimit të dispozitave të nenit 9.2 të Rregullorës, mbledhjet mund të zhvillohen në një gjuhë të vetme vetëm nëse të gjithë personal e pranishëm, përfshirë anëtarët e publikut, pajtohen.

Neni 38. Parimet e cekura në nenet 9.1., 9.2 dhe 9.3 të Rregullorës do të plotësojnë pjesën e IV-te të Statutit të Komunës deri sa të jetë e nevojshme për ruajtjen e nivelit të konsultimit dhe pjesëmarrjes publike dhe të të drejtave në Kartën Evropiane për gjuhë rajonale apo minoritare.

Neni 39. Komiteti i Bashkësive do ta shqyrtojë shfrytëzimin e gjuhës gjatë kryerjes së punëve në komunë [23].

Статут общины **Сува Река** 2001 г. утверждал в качестве языков коммуникации в органах власти муниципалитета албанский и английский языки, но в то же время указывал, что жители общины могут вести официальное общение и на своих родных языках. Язык заседаний органов власти и официальных документов определялся в соответствии с пп. 9.2 и 9.3. Текст печати составлялся на албанском, английском и сербском языках:

Neni 7. Vulat duhet të jenë të shkruara në **gjuhën shqipe, angleze dhe serbe.**

Neni 14. Në Komunë pjesëtarëve të komuniteteve kombëtare dhe bashkësive nacionale u garantohet e drejta e deklarimit të lirë të identitetit etnik, kulturor dhe fetar. Pjesëtarët e komuniteteve kanë të drejtë të komunikojnë në gjuhën e tyre me organet dhe shërbimet civile në Komunë.

Neni 15. Mbledhjet e Kuvendit të Komunës, të komiteteve të tij dhe të organeve të tjera, zhvillohen konform nenit 9.2 të Rregullores.

Të gjitha dokumentet zyrtare, të lëshuara nga organet, dhe shërbimet e Komunës, duhet të jenë në pajtim me dispozitat e Rregullores e posaçërisht me nenin 9.3.

Të gjitha dokumentet zyrtare të lëshuara nga organet dhe shërbimet e Komunës duhet të jenë në gjuhën e palës.

Gjuha e palës konsiderohet ajo me të cilën i është drejtuar organit ose shërbimit të Komunës.

Neni 16. Komunikimi në organet e Kuvendit të Komunës dhe institucionel tjera si dhe në sh dhe institucionel shërbimet civile, zhvillohet në **gjuhën shqipe dhe angleze** [24].

Косовскомитровицкий округ состоит из шести муниципалитетов и де-факто разделён на две части: северную – сербскую и южную – албанскую. Соответственно в первом случае законодательные акты общин (в том числе и статуты) создавались по канонам законодательства Республики Сербия, во втором – самопровозглашённой Республики Косово. В данной работе рассматривается законодательство трёх преимущественно албанских муниципалитетов округа.

В статуте 2002 г. центра округа – общины **Косовска Митровица** (разделенной рекой Ибар на албанскую и сербскую части, в каждой из которых действует своя администрация) – указывалось, что в употреблении

находятся албанский и сербский языки и на этих же языках публикуется официальная информация. Также уточнялось, что возможен перевод документов и на языки других национальных сообществ муниципалитета (или предоставление услуг переводчика). В случае согласия участников заседания местных органов власти могут проходить только на одном языке:

Neni 14. Komuna mund të nxjerr rregullore lokale komunale për çështjet që janë në kompetencë të saj. Përveç në raste urgjente, Komuna do të mbajë konsultime para aprovimit të tyre. Konsultimet e tilla do të përfshijnë verifikimin e pikëpamjeve të qytetarëve. Propozim – Rregullorja do të dorëzohet në zyret e Komunës, duke përfshirë zyrat lokale dhe Zyrën e Komuniteteve dhe çfarëdo nënzyre. Njoftimet publike të tyre të vendosura në depozitë ipen në dy ose më tepër gazeta, duke përfshirë njërën në të **dy gjuhët zyrtare** të Komunës që nënkupton qarkullimin e saj në tërë territorin e Komunës. Qytetarëve do t'u lejohen (jo më pak se) katërmbëdhjetë ditë pas dorëzimit të dokumenteve propozuese nëpër zyrat relevante, për inspektimin e dokumenteve të bëjnë vërejtje me shkrim për Kuvendin e Komunës. Kuvendi do t'i pranoj vërejtjet me shkrim që do të merren para aprovimit të Rregulloreve.

Komuna duhet të rregullojë që publikimet e bëra të jenë **në gjuhët zyrtare** të Komunës.

VI. Gjuhët.

Neni 45. Në Komunën e Mitrovicës, në përdorim janë **gjuha shqipe dhe serbe**.

Dokumentet do të jenë të gatshme kurdo që nevojitet **në gjuhët** e komuniteteve tjera që jetojnë në Mitrovicë, apo do tju ofrohen përkthyesit.

Neni 46. Në rast të pajtimit të të pranishmëve, mbledhjet e Kuvendit dhe të Komiteteve do të mbahen vetëm **në një gjuhë** [25].

Основной документ общины **Вучитрн** 2001 г. утверждал албанский и сербский языки как языки проведения заседаний совета муниципалитета со ссылкой на п. 9.2 и уточнением, что заседания могут проходить на одном языке в случае согласия участников. Коммуникация с органами власти должна осуществляться на албанском, английском и сербском языках, на этих же трёх языках составлялся текст печати общины. Официальные документы должны были выдаваться на языке обращения:

Član 8. Tekst pečata će biti napisan **na sledećim jezicima: albanskom, engleskom i srpskom**.

Pečati "Opštine" će se koristiti isključivo za zvanične poslove "Opštine".

Deo VI. Jezici.

Član 75. Sastanci Skupštine opštine i njenih komiteta će se držati **na jezicima** prisutnih na sastanku, tj. **albanskom i srpskom**.

Sva zvanična dokumenta koja izdaju opštinske institucije i javne službe (ako je moguće ili ako to stranka zatraži) će se izdavati **na jeziku** stranke, tj. **na jeziku** na kojem se stranka prvobitno obratila instituciji.

Član 76. Komunikacija unutar opštinskih tela i institucija, uključujući opštinsku javnu

Neni 8. Vula duhet të shkruhet **në gjuhën shqipe, angleze dhe serbe**.

Vulat e komunës do të përdoren vetëm për punë zyrtare të komunës.

Pjesa VI: Gjuhët.

Neni 75. Mbledhjet e Kuvendit Komunal dhe komiteteve të tij do të mbahen **në gjuhët** e pjesëmarrësve të mbledhjes, domethënë **në shqip dhe sërbsisht**.

Të gjitha dokumentet e lëshuara nga organet komunale dhe ato të shërbimit civil (në qoftë se është e mundur apo nëse kërkohet nga ajo palë) do të lëshohen **në gjuhën** e palës, me të cilën **gjuhë** ai/ajo i është drejtuar organit komunal.

Neni 76. Komunikimi ndërmjet organeve dhe institucioneve të komunës, përfshirë edhe shërbimin

službu biće **na albanskom, engleskom i srpskom jeziku.**

Član 77. Shodno stavki 9 “Uredbe”, **jezik zajednica** koje žive u “Opštini” je ili **albanski ili srpski.**

Član 78. Kada se primenjuju odredbe stavke 9.2 “Uredbe”, biće prihvatljivo vođenje sastanaka samo **na jednom jeziku** ako se svi prisutni slože [26].

civil, mund të bëhet **në gjuhët shqip, anglisht dhe serbisht.**

Neni 77. Në pajtim me nenin 9 të Rregullores, **gjuhët e komuniteteve** të cilat jetojnë në komunën e Vushtrrisë janë **shqip ose serbisht.**

Neni 78. Me rastin e zbatimit të dispozitave të Nenit 9.2 të Rregullorës, mbledhjet mund të zhvillohen **në një gjuhë** të vetme, vetëm nëse pajtohen të gjithë personat e pranishëm [27].

В статуте общины **Србица** 2003 г. указывалось, что этот документ должен был быть опубликован на албанском, сербском и английском языках, причём приоритетной будет считаться англоязычная версия. Язык проведения заседаний определялся посредством апелляции к п. 9.2 с уточнением, что может быть использован один язык, если на это согласны все присутствующие:

Pjesa VI. **Gjuha.**

Neni 48. Me rastin e zbatimit të dispozitave të Nenit 9.2 të Rregullorës, mbledhjet mund të zhvillohen **në një gjuhë** të vetme vetëm nëse të gjithë personat e pranishëm, përfshirë anëtarët e publikut, pajtohen.

Neni 152. Ky Statut është hartuar në të njejtën kohë **në gjuhën Shqipe, Serbe dhe Angleze.** Megjithëse të trija verzionet janë të njejtja në përmbajtje, verzioni i **gjuhës Angleze** do të ju paraprijë të dy versioneve tjera në rast kontestimi [28].

В статуте 2001 г. центра **Гниланского округа** (состоявшего из трёх общин) – муниципалитета **Гнилане** – языками проведения заседаний совета общины объявлялись албанский и сербский языки (при согласии присутствующих возможно проведение только на албанском языке); текст печати муниципалитета должен был составляться на четырёх языках: албанском, английском, сербском и турецком. За представителями национальных сообществ (со ссылкой на ст. 9) закреплялось право официальной коммуникации на своих родных языках:

Neni 10. Vulat janë të shkruara **në gjuhën shqipe, angleze, serbe dhe turke.**

Gjuhët.

Neni 39. Sipas Nenit 9 të Rregullores, anëtarët e bashkësive kombëtare kanë të drejtë të komunikojnë **në gjuhën** e tyre me të gjitha organet e komunës dhe me të gjithë nëpunësit civil të komunës.

Mbledhjet e Kuvendit të Komunës, të komiteteve të tij dhe tubimeve publike, mund të mbahen në **dy gjuhë: shqip dhe serbisht.** Mbledhjet mund të zhvillohen **në një gjuhë të vetme shqipe** vetëm nëse të gjithë personat e pranishëm, përfshirë anëtarët e publikut pajtohen.

Neni 40. Komiteti i bashkësive do ta shqyrtoj shfrytëzimin e **gjuhës** gjatë kryerjes së punëve në komunë [29].

Статут **Косовской Каменицы** 2001 г. содержал положения о том, что вся официальная документация составляется на албанском и сербском языках, жители общины имеют право общаться с представителями местных органов власти на своём родном языке, а текст печати муниципалитета оформляется на английском, албанском и сербском языках:

Neni 10. Vula duhet të jetë e shkruar **në gjuhën angleze, shqipe dhe serbe.**

Neni 13. Anëtarët e bashkësive kombëtare kanë të drejtë të komunikojnë **në gjuhën** e tyre me të gjitha organet e komunës dhe me të gjithë nëpunësit civil të komunës.

Të gjitha dokumentet zyrtare të komunës shtypen **në dy gjuhë: shqip dhe serbisht** [30].

В статуте общины **Витина** 2001 г. албанский и сербский языки были указаны в качестве языков местных органов власти (со ссылкой на п. 9.2) и языков, на которых должны составляться официальные документы муниципалитета; там же гарантировалась возможность официальной коммуникации на территории общины на своём родном языке. Печать общины должна была содержать текст на албанском, английском и сербском языках:

Neni 10. Vulat duhet të jenë të shkruara **në gjuhën shqipe, angleze dhe serbe.**

Neni 13. Në Komunë, pjesëtarëve të komuniteteve kombëtare dhe bashkësive nacionale u garantohet e drejta e deklarimit të lirë të identitetit etnik, kulturorë dhe fetarë. Pjesëtarët e komuniteteve duhet të kenë të drejtë të komunikojnë **në gjuhën** e tyre me organet dhe shërbimet civile në Komunë.

Neni 14. Mbledhjet e Kuvendit të Komunës, komiteteve të tijë dhe tubimet tjera zhvillohen **në gjuhën** e pjësmarrësve të mbledhjes, siq është parapare në Nenin 9.2 të Rregullores, minimum I **gjuhëve** të kërkuara për zhvillimin e këtyre mbledhjeve është se ato zhvillohen **në gjuhën shqipe dhe serbe.**

Të gjitha dokumentet zyrtare të lëshuara nga shërbimet e komunës duhet të jenë **në gjuhën e pales: shqipe dhe serbe** [31].

В основном законе общины **Печ** 2001 г., центра **Печского округа**, состоящего из трёх муниципалитетов, указывалось, что в случае применения п. 9.2, регулирующего использование языков в работе муниципальных органов власти, при согласии всех присутствующих заседания могут проходить только на одном языке. Также предполагалась конкретизация проживающих на территории общины национальных сообществ, чьими родными языками не являются ни албанский и не сербский:

Pjesa V. **Gjuhet.**

Neni 37. Sipas Nenit 9 të Rregullorës, bashkësitë që vijojnë janë identifikuar si banorë të komunës, por **gjuha** e të cilëve nuk është **as shqip as serbisht:**

(Shënoni detajet e bashkësive dhe **gjuhët**).

Neni 38. Me rastin e zbatimit të dispozitave të Nenit 9.2 të Rregullorës, mbledhjet mund të zhvillohen **në një gjuhë** të vetme vetëm nëse të gjithë personat e pranishëm, përfshirë anëtarët e publikut, pajtohen.

Neni 39. Komiteti i Bashkësive do ta shqyrtojë shfrytëzimin e **gjuhës** gjatë kryerjes se punëve në komunë [32].

Статут муниципалитета **Исток** 2001 г. определял албанский и сербский в качестве языков заседаний совета общины и других органов власти, а албанский, английский и сербский – в качестве языков, на которых должен быть составлен текст печати. Граждане могли обращаться в органы власти и получать доступ к официальным документам на своём родном языке:

Neni 7. Vulat janë të shkruara **në gjuhën shqipe, angleze dhe serbe.** Mbajtja dhe përdorimi i tyre përcaktohet me vendim të të Kuvendit komunal.

Neni 13. Pjesëtarëve të komuniteteve dhe bashkësive nacionale u garantohet e drejta e deklarimit të lirë të identitetit etnik, kulturor dhe fetar.

Pjesëtarët e komuniteteve kanë të drejtë të komunikojnë **në gjuhën** e tyre me organet dhe shërbimet civile në komunë.

Neni 14. Mbledhjet e Kuvendit Komunal, komiteteve të tij dhe tubimet tjera zhvillohen **në gjuhën** e pjesëmarrësve të mbledhjes, përkatësisht, **në gjuhën shqipe dhe serbe**.

Të gjitha dokumentet zyrtare që lëshohen nga organet dhe shërbimet e Komunës duhet të jenë **në gjuhën** e pales [33].

Статут общины **Клина** 2001 г. гарантировал жителям муниципалитета право на обращение и получение официальных документов на своих языках и уточнял, что в случае применения положений п. 9.2 заседания местных органов власти могут проводиться только на одном языке, если на это согласны все присутствующие. Текст на гербе и печати муниципалитета оформлялся на албанском и английском языках:

Neni 3. Në pajtim me Udhëzimet nga Autoriteti Qendror (UNMIK-u) dhe me marrëveshjen e tyre nëse është e nevojshme, Komuna ka një Amblemë dhe Vulen e vetë.

Forma, përmbatja dhe përdorimi i Amblemës dhe Vulave do të miratohet nga Kuvendi Komunal.

Teksti duhet të shkruhet **në gjuhën Shqipe dhe Angleze**.

Pjesa IV. **Gjuha**.

Neni 27. Me rastin e zbatimit të dispozitave të nenit 9.2 të Rregullores, mbledhjet mund të zhvillohen **në një gjuhë** të vetme, vetëm nëse të gjithë personal e pranishëm, përfshirë edhe anëtarët e publikut, pajtohen.

Të gjitha dokumentet zyrtare që lëshohen nga organet dhe shërbimet e komunes duhet të jenë **ne gjuhën** e pales.

Komiteti i bashkësive do ta shqyrtojë shfrytëzimin (përdorimin) e **gjuhës** gjatë kryerjes së punëve në komunë [34].

Джяковицкий округ состоял из трёх муниципалитетов. В **Джяковице**, согласно проекту статута 2004 г., выбор языков проведения заседаний совета общины должен был регулироваться в соответствии с п. 9.2:

Kapitulli IV. **Gjuhët**.

Neni 41. Mbledhja e Kuvendit të Komunës, të komiteteve të tij dhe tubimeve publike mbahet në **gjuhën** konformë nenit 9 nën 9.2 të Rregullores.

Neni 42. Komiteti i bashkësive do ta shqyrtojë shfrytëzimin e **gjuhës** gjatë kryerjes së punëve në komunë [35].

В статуте общины **Дечани** 2001 г. содержались аналогичные положения относительно языка проведения заседаний местных органов власти (с апелляцией к п. 9.2). Относительно требований ст. 9 об определении неалбанско-и несербскоязычных сообществ муниципалитета указывалось, что таковые отсутствуют:

Pjesa V. **Gjuhët**.

Neni 41. Sipas Nenit 9 të Rregullorës, bashkësitë që vijojnë janë identifikuar si banorë të komunës, por **gjuha** e të cilëve nuk është **as shqip as serbisht**: (*Shënoni*

detajet e bashkësive dhe gjuhët). Nuk ka komunitete tjera që nuk flasin **shqip ose serbisht**.

Neni 42. Me rastin e zbatimit të dispozitave të Nenit 9.2 të Rregullorës, mbledhjet raund të zhvillohen në një **gjuhë** të vetme vetëm nëse të gjithë personat e pranishëm, përfshirë anëtarët e publikut, pajtohen.

Neni 43. Komiteti i Bashkësive do ta shqyrtojë shfrytëzimin e **gjuhës** gjatë kryerjes së punëve në komunë [36].

Согласно статуту общины **Ораховац** 2001 г. использование языков на территории муниципалитета регулировалось ст. 9. Также отмечалось отсутствие каких-либо сообществ, не говорящих на албанском или сербском языках:

Pjesa III. **Gjuha**.

Neni 38. Sipas nenit 9 të Rregullores, bashkësitë që vijojnë janë identifikuar si banorë të komunës, por **gjuha** e të cilëve nuk është as **shqip as serbisht**, nuk ka.

Neni 39. Në Komunë lidhur me përdorimin e **gjuhës** do të aplikohen dispozitat e Rregullores 2000/45 mbi vetëqeverisjen e komunave të Kosovës.

Neni 40. Komiteti i Bashkësive do ta shqyrtojë përdorimin e **gjuhës** gjatë kryerjes së punëve në komunë [37].

4. Заключительные положения

Таким образом, рассмотрение документов, регламентирующих использование языков на территории Косова и Метохии в период международного протектората, позволяет сделать вывод о важности и принципиальности данного вопроса для властей и населения края. Однако чётко прослеживаются различия в законодательно закреплённых положениях по этому вопросу в документах регионального и муниципального уровней.

С одной стороны, в законах Косова, которые были разработаны при непосредственном участии представителей ООН (исходивших из необходимости сглаживания межэтнических противоречий как основной причины конфликта), содержались максимально подробные положения о необходимости использования албанского и сербского языков (а по возможности – и языков всех национальных сообществ края) в официальной и публичной сферах деятельности.

С другой стороны, хотя эти требования нормативно распространялись и на единицы местного самоуправления, большинство основных законов (статутов) общин не демонстрирует подобной лояльности и толерантности к использованию языков меньшинств на своей территории. Так, например, в документах 5 общин (Глоговац, Качаник, Малишево, Подуево и Урошевац) вообще не упоминается сербский язык. Статуты муниципалитетов Глоговац, Качаник и Обилич в качестве языков, находящихся в официальном употреблении, указывают только албанский язык. В общине Подуево языками официальной коммуникации объявлены только албанский и английский языки. В целом английский язык упоминается в различном качестве в статутах 16 муниципалитетов из 27, а в 7 случаях при перечислении языков текста печати приводится перед сербским, но после албанского (отметим, что сербский язык указывается впереди других языков только один раз – в статуте Штрпце). При утверждении языков, на которых должны проходить заседания муниципальных советов и других органов власти, в 11 случаях содержится

Регулирование использования языков в статутах муниципалитетов Косова в период международного протектората

Название общины на сербском и албанском языках	Языки, находящиеся в официальном употреблении	Языки официальной коммуникации	Языки местных органов власти	Языки документов и информационной инфраструктуры	Языки печати	Языки статута / его приоритетной версии	Языки властей и указателей
Витина / Viti		роной	албанский, сербский (п. 9.2)	албанский, сербский	албанский, английский, сербский		
Вучитри / Vuçitri		албанский, сербский	албанский, сербский (п. 9.2) ^{***}	язык обращения	албанский, английский, сербский		
Дечани / Deçan		роной	албанский, сербский (п. 9.2) ^{***}	язык обращения	албанский, английский, сербский (латиница), английский		
Драгаш / Dragash		роной	албанский, сербский (п. 9.2)				
Раковина / Rakovë			албанский				
Глоговац / Glogoc			албанский				
Гьявине / Gjavin		роной	албанский, сербский (албанский) ^{***}		албанский, английский, сербский, турецкий		
Исток / Istok		роной	албанский, сербский	язык обращения	албанский, английский, сербский		
Каваник / Kavanik			албанский				
Клине / Klinë			албанский (п. 9.2) ^{***}	язык обращения	албанский, английский		
Косово Поље / Fushë Kosovë		(п. 9.1)	албанский, сербский (п. 9.2) ^{***}		албанский, сербский (латиница)	албанский, английский, сербский, английский ^{****}	
Косовска Каменица / Kamënisë		роной	албанский	албанский, сербский	албанский, сербский		
Косовска Митровица / Mitrovicë		албанский, сербский	албанский, сербский	албанский, сербский	албанский, сербский		
Липьян / Lipjan			албанский, сербский (п. 9.2) ^{***}	албанский, сербский (п. 9.3)	албанский, сербский (ст. 9.2)	английский ^{****}	албанский, сербский (п. 9.3)
Мадичево / Madriçevë		(п. 9.1)	албанский, сербский (п. 9.2) ^{***}	албанский, сербский	албанский, английский		
Ново Брдо / Novo Bredë		албанский, сербский (ст. 9) ^{***}		албанский, сербский			
Обилин / Obilina							
Ораховац / Oraovec		(ст. 9)			албанский, английский, сербский		
Пеи / Pejë			роной		албанский, английский		
Полуково / Podujevë		роной	роной	язык присутствующих	албанский, бошняцкий, сербский, турецкий, английский		
Призрен / Prizren		роной			албанский, турецкий, английский		
Приштина / Prishtinë		албанский, сербский, английский, бошняцкий, турецкий	албанский, сербский (п. 9.2)	албанский, сербский (п. 9.3)	албанский, сербский, английский		
Србница / Shtëberc		роной	албанский, сербский (п. 9.2) ^{***}			албанский, сербский, английский ^{****}	
Сува Река / Suharekë		роной	(п. 9.2)	язык обращения	албанский, английский, сербский (п. 9.3)		
Урошевца / Ferizaj		роной	сербский, албанский (п. 9.2)	албанский, роной	албанский		
Штрпце / Shtrpëcë		роной	сербский, албанский (п. 9.2)	албанский, роной	албанский, сербский, албанский		
Штимске / Shitine		(п. 9.1)	албанский, сербский (п. 9.2) ^{***}				

*1

1) Подужичаным шрифтом выделены официальные языки.
 2) Аппендикат к соответствующим разделам Положения о самоуправлении общин в Косове 2009 г.
 3) Впервые составлен участниками заседания Совета и комитетов, могу проводиться только на одном языке.
 4) Впервые составлен участниками заседания Совета и комитетов, могут быть оформлены на языках других национальных сообществ, проживающих в Митровице, или могут быть предоставлены услуги переводчика.
 5) Впервые язык приоритетной версии статута.

уточнение, что такие заседания могут проходить (вопреки требованиям законов Косова) только на одном языке, а в статуте Гнилане в качестве такого языка прямо называется албанский.

Кроме албанского, английского и сербского, в основных законах четырёх общин упоминаются также бошняцкий (Драгаш, Призрен, Приштина) и турецкий (Гнилане, Призрен, Приштина) языки.

После одностороннего провозглашения независимости от Сербии в феврале 2008 г. все рассмотренные документы муниципального уровня утратили силу в связи с принятием общинами новых статутов.

Литература и источники

1. *Ustavni okvir za privremenu samoupravu* // Службени лист УНМИК. 2001. № 9.
2. *Constitutional Framework for Provisional Self-Government* // UNMIK Official Gazette. 2001. № 9.
3. *Uredba o samoupravi opština na Kosovu* // Службени лист УНМИК. 2000. № 45.
4. *Regulation on Self-Government of Municipalities in Kosovo* // UNMIK Official Gazette. 2000. № 45.
5. *Zakon o upotrebi jezika* // Službeni list Privremenih institucija samouprave na Kosovu. 2006. № 10.
6. *Law on the Use Languages* // Official Gazette of the Provisional Institutions of Self Government in Kosovo. 2006. № 10.
7. *Zakon o teritorijalnoj organizaciji Republike Srbije* // Службени гласник Републике Србије. 2007. № 129.
8. *Uredba o samoupravi opština na Kosovu* // Службени лист УНМИК. 2000. № 45.
9. *Катунин Д.А.* Языковое законодательство Косова и Метохии в постсоциалистический период: сербская версия // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 365. С. 19–24.
10. *Statuti i Komunës së Prishtinës* // www.logincee.org
11. *Statuti i Komunës së Lipjanit* // www.logincee.org
12. *Statuti i Komunës së Obiliqit* // www.logincee.org
13. *Statuti i Komunës së Glllogocit* // www.logincee.org
14. *Statuti i Komunës së Podujevës* // www.logincee.org
15. *Statuti i Komunës së Novobërdës* // www.logincee.org
16. *Statuti i Komunës së Fushë-Kosovës* // www.logincee.org
17. *Statuti i Komunës së Ferizajt* // www.logincee.org
18. *Statuti i Komunës së Shtërpçës* // www.logincee.org
19. *Statuti i Komunës së Shtimes* // www.logincee.org
20. *Statuti i Komunës së Kaçanikut* // www.logincee.org
21. *Statuti i Komunës së Prizrenit* // www.logincee.org
22. *Statuti i Komunës së Dragashit* // www.logincee.org
23. *Statuti i Komunës së Malishevës* // www.logincee.org
24. *Statuti i Komunës së Suharekës* // www.logincee.org
25. *Statuti i Komunës së Mitrovicës* // www.logincee.org
26. *Statut Opštine Vučitrn 2001* // www.kk-vushtrri.org
27. *Statuti i Komunës së Vushtrrisë 2001* // www.kk-vushtrri.org
28. *Statuti i Komunës së Skenderajt* // www.logincee.org
29. *Statuti i Komunës së Gjilanit* // www.logincee.org
30. *Statuti i Komunës së Kamenicës* // www.logincee.org
31. *Statuti i Komunës së Vitisë* // www.logincee.org
32. *Statuti i Komunës së Pejes* // www.logincee.org
33. *Statuti i Komunës së Istogut* // www.logincee.org
34. *Statuti i Komunës së Klinës* // www.logincee.org
35. *Projekt Statuti i Komunës së Gjakovës* // www.logincee.org
36. *Statuti i Komunës së Deçanit* // www.logincee.org
37. *Statuti i Komunës së Rahovecit* // www.logincee.org

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/19986645/21/5

Д.В. Марьин

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ РАБОЧИХ ЗАПИСЕЙ В.М. ШУКШИНА

В статье автор обращается к проблемам текстологического изучения рабочих записей В.М. Шукшина. Рассматриваются вопросы, связанные с происхождением текстов рабочих записей, историей их публикации, установлением основного текста, а также датировкой записей. На основе анализа фактического материала автором предлагаются решения по каждой из вышеназванных проблем. Результаты исследования могут быть востребованы в процессе издательской подготовки произведений нехудожественного творчества Шукшина, а также для изучения особенностей идиоlecta и эволюции творчества известного русского писателя.

Ключевые слова: *русская литература XX в., текстология, В.М. Шукшин, нехудожественные жанры, рабочие записи.*

Рабочие записи В.М. Шукшина – важнейшая часть «творческой лаборатории» известного русского писателя. Между тем именно эта часть его творческого наследия изучена меньше всего. До сих пор нет полного свода шукшинских рабочих записей, практически полностью отсутствуют посвященные им исследовательские работы. Существующие научные работы (см., например: [1]) дают лишь самое общее представление о тематике и содержании рабочих записей писателя с Алтая, элементах их поэтики, возможных вариантах интерпретации. Назрела необходимость более глубокой разработки вопроса происхождения и текстологии рабочих записей, их жанрового своеобразия, особенностей языка и поэтики, исследования следов влияния на литературное творчество Шукшина и т.п., что по существу требует проведения комплексного филологического анализа текстов шукшинских рабочих записей. В данной статье представлены основные проблемы текстологического изучения рабочих записей В.М. Шукшина и возможные способы их решения.

Проблемы текстологии заключаются в исследовании происхождения каждой рабочей записи, рукописных источников, содержащих заметки писателя, особенностей их орфографии и пунктуации, в решении вопросов датировки, в изучении истории публикации рабочих записей Шукшина. В ряде случаев текстологический анализ – отправная точка литературоведческой интерпретации рабочей записи.

Проблема происхождения рабочих записей предполагает работу с оригиналами заметок Шукшина, т.е. обращение к рукописным источникам. К сожалению, работа с рукописными источниками, содержащими рабочие записи В.М. Шукшина, предельно ограничена вследствие закрытости личного архива писателя. В настоящее время в фондах Всероссийского мемориального музея-заповедника В.М. Шукшина (ВММЗВШ) в с. Сростки (Бийский район Алтайского края) хранятся 4 тетради писателя, содержащие его рабочие записи. Две тетради переданы в музей в 2000 г. сестрой писателя Н.М. Зиновьевой. Первая тетрадь (ученическая в клетку) [2], дадим ей услов-

ное обозначение «тетрадь № 1», содержит рукописи киноповести «Позови меня в даль светлую» и неопубликованного «Сокровенного рассказа». На третьей странице обложки – запись в две строки: «Крепости – потому и крепости, что всегда сдаются». Вторая тетрадь (общая, 96 листов) [3], «тетрадь № 2», с рукописями рассказов «Светлые ночи» и «Сокровенный рассказ», черновым вариантом предисловия к рассказам Е. Попова, статьей «О творчестве Василия Белова» и вставкой в киносценарий «Печки-лавочки» содержит также 5 рабочих записей на форзацах (№ 116–120 в 8-м томе Собрания сочинений В.М. Шукшина [4. С. 291]¹). На первом форзаце тетради, в правом нижнем углу есть надпись в две строки: «Янв. 71. Ленинград», что позволяет не только достаточно точно датировать рабочие записи из данной тетради, но и предположительно назвать датировку записи из тетради № 1, т.к. в ней также содержится рукопись «Сокровенного рассказа». Очевидно, что Шукшин работал над произведением в 1971 г.

Третья и четвертая тетради были переданы в 2008 г. в ВММЗВШ В.М. Шукшина вдовой писателя Л.Н. Федосеевой-Шукшиной на временное хранение (не имеют музейного шифра). «Тетрадь № 3» (амбарная книга) содержит черновик 2-й части 1-й книги романа «Любавины», а также 13 рабочих записей. Большая часть рабочих записей из данной тетради была опубликована в 8-м томе Собрания сочинений В.М. Шукшина (№ 92–97). Содержание двух записей (№ 92 и 93, см. ниже) позволяет определить время работы Шукшина с материалами тетради: август 1961 г. На данный момент это самая ранняя дата, относящаяся к рабочим записям. Таким образом, можно сделать вывод, о том, что рабочие записи стали делаться Шукшиным достаточно рано, в самом начале его писательской карьеры: ведь только в марте 1961 г. в журнале «Октябрь» была опубликована подборка рассказов начинающего писателя с Алтая (до этого времени с 1958 г. Шукшин не печатался), обратившая на себя внимание критиков. Очевидно, что рабочие записи – обязательный элемент «творческой лаборатории» Шукшина, сопровождавший работу писателя над художественными произведениями.

«Тетрадь № 4» (96 листов, в клетку) – последняя прижизненная рукопись писателя, обнаруженная после смерти среди его вещей в каюте теплохода «Дунай», о чем свидетельствует записка следователя, вложенная в тетрадь в том месте, где она была открыта на момент осмотра каюты. Тетрадь содержит рукопись незаконченной повести «А поутру они проснулись», а также запись рецепта какого-то «народного средства» (видимо, от язвы) и рабочую запись: «“Контингент” и “экзистенциализм” – два слова, которых В. никогда не смог правильно произносить». Шукшин, очевидно, работал над рукописью до последнего часа жизни. Следовательно, возможно установить и датировку записи: конец мая – октябрь 1974 г. (время пребывания В.М. Шукшина на съемках фильма «Они сражались за Родину»).

История публикации рабочих записей В.М. Шукшина. История издания сочинений писателя – важнейшая часть работы по установлению основного текста произведения [5. С. 64]. При жизни В.М. Шукшина рабочие запи-

¹ Далее в статье тексты рабочих записей, если это не оговаривается особо, приводятся по изданию [4. С. 278–293].

си не публиковались; ни в интервью, ни в письмах писатель никогда не упоминал о них. Поэтому изучение истории публикации записей в посмертных изданиях имеет важное значение при установлении основного текста рабочих записей, при решении вопросов, связанных со структурированием корпуса текстов записей и т.д. Впервые рабочие записи В.М. Шукшина были опубликованы в 1979 г. в посмертном сборнике его публицистики «Нравственность есть Правда» [6. С. 285–294], подготовленном Л.Н. Федосеевой-Шукшиной и Л.А. Аннинским. 46 заметок составили отдельный раздел книги под заглавием «Из рабочих записей». Предельно скудный комментарий сообщал, что «рабочие записи делались В.М. Шукшиным на полях или отдельных страницах общих тетрадей, в которых он писал черновые варианты текстов» [6. С. 349]. Под таким же заголовком еще 28 новых записей были опубликованы Л.А. Аннинским в 1980 г. в августовском номере журнала «Смена» [7. С. 10]. Наконец, в 1981 г. вышел из печати сборник публицистики Шукшина «Вопросы самому себе» [8. С. 246–254], в котором подборка рабочих записей увеличена до 80 единиц. При этом, естественно, изменился порядок записей (по сравнению с первой публикацией) в подборке, т.е., по существу, ее композиция. Л.А. Аннинским и Л.Н. Федосеевой-Шукшиной был расширен комментарий, в котором сделана попытка дать жанровое определение рабочим записям. В таком варианте корпус рабочих записей Шукшина приобрел стабильность и затем на протяжении многих лет просто воспроизводился в других изданиях (см., например: [9. С. 462–469]).

В 2006 г. опубликован сборник произведений В.М. Шукшина «Тесно жить» (редактор-составитель Г. Кострова), в который были включены уже 122 рабочие записи [10. С. 473–492]. Новаторство публикации заключается не только в увеличении количества записей, но и в том, что у 27 записей указаны даты их написания. В целом редактор-составитель сохраняет композицию подборки записей, предложенной в сборнике «Вопросы самому себе». Как и прежде, у рабочих записей отсутствует полноценный комментарий.

Ситуация кардинально изменилась с выходом в 2009 г. самого полного на сегодняшний день восьмитомного Собрания сочинений В.М. Шукшина, подготовленного к 80-летию писателя группой ученых-филологов Алтайского государственного университета. В восьмом томе Собрания, редактором-составителем которого является автор данной статьи, представлены публицистика, эпистолярный, автобиографии и личные документы Шукшина, а также его рабочие записи и автографы, что впервые позволило практически в полном объеме познакомить читателей с внелитературным творчеством В.М. Шукшина. По словам известного литературного критика С.С. Белякова: «Без восьмитомника теперь уже невозможно представить работу хоть сколько-нибудь серьезного исследователя жизни и творчества Шукшина...» [11. С. 438]. Раздел «Рабочие записи» включает 136 записей Шукшина [4. С. 278–293], 13 из них опубликованы впервые. Новшеством данного издания является и наличие развернутого комментария, в котором дается краткая история издания рабочих записей, общая оценка в жанровом и тематическом аспектах, а также впервые представлены примечания историко-культурного характера (так называемый «реальный комментарий») к 14 рабочим записям. 43 рабочие записи имеют датировку. Кроме того, впервые рабочие записи

были пронумерованы в надежде придать корпусу шукшинских записей определенную стабильность. Редактор-составитель 8-го тома взял за основу хронологический порядок следования рабочих записей, ориентируясь на прежние публикации: начало по сборнику «Нравственность есть Правда», далее записи, впервые вошедшие в сборник «Вопросы самому себе», в конце помещены (также в хронологическом порядке) рабочие записи, имеющие датировку. Насколько это было обоснованно и действительно ли такой прием структурирования корпуса рабочих записей В.М. Шукшина будет способствовать удобству их восприятия читателем и исследованию, покажет время и компетентное мнение научного сообщества.

Решение *проблемы целостности текста* заключается в установлении основного текста рабочей записи и сохранении его аутентичности при публикации. В рукописных источниках могут встречаться трудночитаемые и даже нечитаемые фрагменты, что легко объяснить: записи часто делались писателем наспех, чернила со временем выцветают и т.п. Так, например, в рабочей тетради № 3 одна из записей Шукшина осталась нерасшифрованной: «*На 1 [нрзб.] – 25 [нрзб.]*». При установлении границ текста рабочей записи по рукописи необходимо учитывать целый ряд косвенных признаков: направление письма, цвет чернил, наличие между записями разграничительного знака (у Шукшина это горизонтальная черта). Так, к сожалению, плохое качество ксерокопии с рукописи ввело в заблуждение нас при подготовке рабочих записей Шукшина из тетради № 3 для публикации в Собрании сочинений писателя. Запись № 93 выглядит в этом издании так: *В ночь с 15 на 16 августа 1961 г. сон о Наташе и о маме. Опять сон о родных*. Тщательное изучение оригинала показало, что вторая часть заметки – самостоятельная рабочая запись, отделенная от первой горизонтальной чертой и написанная в другой плоскости (по диагонали, в то время как первая часть – строго горизонтальная). Очевидно, вторая запись была сделана позже и должна рассматриваться отдельно.

Есть пример неверного определения границы рабочей записи и в печатном издании. В ряде изданий, в которых взят за основу сборник «Вопросы самому себе», допущена одна и та же ошибка: две разные рабочие записи *Вот рассказы, какими они должны быть...* и *В каждом рассказе должно быть что-то настоящее...* объединены в одну [9. С. 462], [10. С. 473], хотя в первой публикации рабочих записей Шукшина эти записи разделены и даже не соседствуют в тексте подборки [6. С. 285, 289]. Причина ошибки, очевидно, кроется в том, что в сборнике «Вопросы самому себе» данные записи следуют друг за другом и расположены на соседних страницах [8. С. 246–247]. При этом принятого в сборнике разделительного знака (черный кружок) между разными записями в данном случае нет. Досадная типографская ошибка создала прецедент, который ввел в заблуждение последующих публикаторов.

В рамках проблемы целостности авторского текста важен также вопрос, касающийся *сохранения авторской орфографии и пунктуации* при публикации рабочих записей. По мнению С.А. Рейсера, «понятие об авторской воле в отношении текста никак нельзя механически переносить на знаки препинания» [13. С. 183]. Изучение оригинальных текстов шукшинских тетрадей по-

казывает, что в них встречаются орфографические ошибки. По большей части это результат поспешности, с которой делались записи, следствие отсутствия должного контроля орфографии, т.к. записи не рассчитаны на иного адресата, кроме самого автора. Таким образом, редактору приходится следовать принципу, принятому в текстологии: «...сохранить всё индивидуальное, поскольку удается его выявить и поскольку оно имеет смысловое значение» [13. С. 184]. Так, в записи *Понял почему, когда заболеешь, – во сне то и дело видишь родных: ты болеешь – они о тебе беспокоятся, они беспокоятся – ты **беспокоишься***. Круг при публикации в 8-м томе Собрания сочинений орфографическая ошибка была нами исправлена, т.к. она явно не отражала авторского замысла, не несла определенной семантической нагрузки. Похожая ситуация, на наш взгляд, наблюдается и в следующей записи, также из тетради № 3: *Танка – штука сильная. Но **боятся** танку не надо. Как увидел танку, прыгай на нее и затыкай ей дыру фуфайкой. И тогда танка становится слепая*. Здесь вновь ошибка того же типа, что и в предыдущем случае (мягкий знак в окончании глаголов). И хотя сама запись явно носит игровой, миметический характер, вряд ли данная орфографическая ошибка сознательно сделана автором. Учитывая повторяемость ошибки, ее, можно сказать, типовой для тетради № 3 характер, при публикации рабочей записи в Собрании сочинений В.М. Шукшина редактор-составитель 8-го тома отказался от ее воспроизведения.

При публикации еще одной рабочей записи из тетради № 3 в сборнике «Тесно жить» по непонятным причинам утерян авторский восклицательный знак в конце записи [10. С. 489]. Между тем знакомство с рукописью не оставляет сомнений в наличии восклицательного знака в тексте заметки. В полном виде запись опубликована в юбилейном Собрании сочинений: *Читайте, братцы, Белинского. Читайте хоть тайно – ночами. Днем высказывайте его мысли, как свои, а ночами читайте его. Из него бы евангелие сделать!* Таким образом, даже опубликованные рабочие записи В.М. Шукшина нуждаются в тщательном текстологическом изучении с целью устранения важнейших и значительных расхождений с авторским текстом.

Проблема датировки рабочих записей актуальна не только в историко-литературном аспекте, важное значение она имеет при реконструкции биографии писателя. Верно установленная дата создания рабочей записи может дать представление о душевном и интеллектуальном состоянии писателя в определенный период, представить нравственные искания, владевшие Шукшиным в данный момент. В настоящее время только порядка 46 рабочих записей (т.е. около 32 %) имеют достаточно точно установленную дату создания. Даты для 19 записей определены нами по прямым и косвенным признакам при изучении четырех рабочих тетрадей В.М. Шукшина в фондах ВММЗВШ в с. Сростки. Даты остальных 27 записей приводятся в сборнике «Тесно жить». На какие источники опирался при этом редактор-составитель сборника Г. Кострова, неизвестно. По крайней мере, одна из датировок явно ошибочна. Известная уже нам запись «*Читайте, братцы, Белинского...*» в сборнике почему-то датирована 1970 г. [10. С. 489]. Однако запись эта встречается уже в тетради № 3, относящейся, как мы выше указывали, к 1961 г.!

Для установления датировки рабочих записей могут применяться следующие приемы.

1. **Следование авторской датировке.** У некоторых записей точная дата создания указана самим Шукшиным, например: *(10 августа 1961) Сон видел: ...* – запись из тетради № 3 (в полном виде ее текст – см. выше) и т.д. Однако количество таких записей ничтожно мало.

2. **Датировка по содержанию.** Например, в тетради № 3 содержится следующая запись: *Сейчас Титов летает черт его знает где! А в народе говорят: “Как же теперь Гагарин?..” Титов мой земляк, оказывается.* Наречие «сейчас» выполняет дейктическую функцию, а дейктические слова, группирующиеся вокруг координат «я – здесь – сейчас» «определяют конкретную ситуацию автокоммуникации в дневнике» [12. С. 16]. Полет в космос Г.С. Титова, как известно, состоялся 6–7 августа 1961 г. Наречие «сейчас» явно указывает на синхронный характер данной рабочей записи, что позволяет достаточно точно установить дату ее написания. *Чистых покойничков мы все жалеем и любим, вы полюбите живых и грязных.* Текст записи может быть датирован 1967 г., что объясняется датировкой рассказа «Охота жить», где данная фраза использована в несколько измененном виде в речи парня-беглеца: *Чистых, умытых покойничков мы все жалеем, все любим, а ты живых полюби, грязных.*

3. **Датировка по косвенным признакам.** Действие данного приема было нами проиллюстрировано выше. Так, время написания рабочей записи *“Контингент”* и *“экзистенциализм”* – два слова, которых В. никогда не смог правильно произносить может быть определено в связи с тем, что запись оставлена писателем в последней прижизненной тетради, которую он вел на съемках фильма «Они сражались за Родину», т.е. 1974 г. (конец мая – начало октября). Целый ряд записей из тетради № 2, например: *Истинно свободен тот, кто не боится смерти* и др., могут быть датированы 1971 г., т.к. сам автор на форзаце тетради обозначил дату *Янв. 71. Ленинград* и т.д. В случае определения по косвенным признакам желательнее найти дополнительные данные, указывающие на возможность именно такой датировки. В частности, в последнем случае дополнительным фактом, подтверждающим верность шукшинской датировки тетради, может служить телеграмма В.М. Шукшина и В. Трегубовича, отправленная 26 января 1971 г. из Ленинграда М.И. Ромму по случаю его дня рождения [4. С. 247]. Таким образом, Шукшин действительно в двадцатых числах января 1971 г. находился в северной столице. Иногда в качестве таких дополнительных источников верификации датировки может служить литературоведческий анализ текста рабочей записи.

Итак, проблемы текстологии – значительная по объему и весьма важная по значению часть исследовательской области, связанной с изучением творчества В.М. Шукшина. Обращение к вопросам текстологии должно стать первым этапом филологического анализа рабочих записей. Без этого невозможно полноценное исследование жанрового своеобразия текстов рабочих записей, особенностей их языка и поэтики, а в целом ряде случаев – адекватная интерпретация содержания. Решение данных проблем – ближайшая задача современного шукшиноведения.

Литература

1. Глушаков П.С. Этюды о поэтике Василия Шукшина // Шукшинский вестник. Вып. 2. Сrostки: [Б.и], 2008. С. 61–81.
2. *Всероссийский мемориальный музей-заповедник В.М. ОФ 9300.*
3. *Всероссийский мемориальный музей-заповедник В.М. Шукшина. ОФ 9301.*
4. *Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 8 т. / под общ. ред. О.Г. Левашовой. Т. 8: Публицистика. Статьи. Интервью. Беседы. Выступления. Письма. Рабочие записи. Автографы. Документы. Стихотворения / под ред. Д.В. Марьина. Барнаул: ООО «Издательский Дом «Барнаул», 2009.*
5. *Эйхенбаум Б.М. Основы текстологии // Редактор и книга: сб. ст. Вып. 3. М.: Искусство, 1962. С. 41–97.*
6. *Шукшин В.М. Нравственность есть Правда: [сб.] / сост. Л.Н. Федосеева-Шукшина; вступ. ст. Л.А. Аннинского; коммент. Л.А. Аннинского, Л.Н. Федосеевой-Шукшиной. М.: Сов. Россия, 1979.*
7. *Шукшин В.М. Из рабочих записей // Смена. 1980. № 16. С. 10.*
8. *Шукшин В.М. Вопросы самому себе: [сб.] / вступ. ст. Л.А. Аннинского; коммент. Л.Н. Федосеевой-Шукшиной, Л.А. Аннинского. М.: Мол. гвардия, 1981.*
9. *Шукшин В.М. Я пришел дать вам волю: Роман. Публицистика / общ. подгот. и послесл. В. Горна, коммент. Л. Аннинского, Л. Федосеевой-Шукшиной. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1991.*
10. *Шукшин В.М. Тесно жить. М.: Зебра Е, 2006.*
11. *Беляков С.С. Барнаулский Шукшин: многое впервые // Вопр. лит. 2011. № 5. С. 428–438.*
12. *Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы. М.: Флинта: Наука, 2002.*
13. *Рейсер С.А. Палеография и текстология. М.: Просвещение, 1970.*

УДК 811.161.1'38 + 821.161.1
DOI 10.17223/19986645/21/6

И.В. Никиенко

**ВОДА КАК ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ СРЕДА:
ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АДАПТАЦИИ
ФИЛОСОФСКОГО КОНЦЕПТА «ПЕРВОНАЧАЛО»
В «СОКРАТЕ СИБИРСКИХ АФИН» В.Д. КОЛУПАЕВА**

В статье рассматривается проблема адаптации нехудожественного (философского) концепта к художественному дискурсу. В ходе выявления индивидуально-авторских приращений смысла концепта «Вода (как первоначало)» в романе В.Д. Колупаева «Сократ Сибирских Афин» обнаруживается возможность развития значения «среда, окружение» на базе исходных компонентов семантической структуры концепта-прототипа («архе» и «стойчейон») с последующей актуализацией гносеологического аспекта представления первоначала (наряду с онтологическим). Доказывается, что появление семантического компонента «Вода как гносеологическая среда» в структуре описываемого концепта является закономерным для «пародийного» дискурса «Сократа Сибирских Афин».

Ключевые слова: В.Д. Колупаев, концепт «первоначало», художественная адаптация философского концепта.

Фантастическая пародия «Сократ Сибирских Афин» [1] (далее «Сократ») – последнее и самое сложное произведение томского писателя Виктора Дмитриевича Колупаева, подготовленное не только его художественными исканиями 1990-х гг., нашедшими отражение в сюжетной линии виртуального человека в романе «Безвременье» [2], но и прежде всего напряженными размышлениями о Пространстве и Времени, вылившимися в оригинальную концепцию мироустройства, которую трудно назвать сугубо физической (см. [3]). Несмотря на то, что исходная авторская жанровая квалификация «Сократа» как нельзя более точно отражает сущность использованного писателем метода (при этом *пародия* /др.-греч. *παρ-ᾠδία*/ понимается как «перепев» идей, а *фантастическое* допущение заключается в «явлении философа из Древней Греции в реальность конца XX в.» [4. С. 41]), в предшествующем эпиграфу обращении Колупаев предпочитает пользоваться более гибким, предоставляющим значительную «свободу маневрирования» сверхжанровым определением «роман», одновременно развивая тему фантастического пародирования и указывая на его объект: *Прошу прощения у всех когда-то живших, ныне живущих и еще не родившихся философов за то, что я в этом романе не только использовал их мысли и идеи, но и всячески их исказил и переврал* [1. С. 3]. Таким образом, предлагаемое вниманию читателей произведение мыслится как фантастическое, пародийное и вместе с тем философское.

Из прототекстов (пародируемых, «перепеваемых» и «перевираемых» источников) в текст «Сократа» попадает (заимствуется) множество философских и научных терминов (прежде всего методологически значимых, маркирующих принадлежность к той или иной парадигме, отражающих ту или иную картину мира), что вызывает необходимость адаптации стоящих за ни-

ми нехудожественных концептов к художественному дискурсу романа. При сохранении ряда существенных компонентов содержания и основных принципов его структурирования (именно поэтому речь идет об адаптации, «приспособлении» концепта к дискурсу, а не об ассимиляции, «уподоблении» вплоть до полного слияния с исконными, порожденными внутри дискурса концептуальными единицами) эти концепты в процессе «пародирования» приобретают индивидуально-авторские смысловые наращения, появление которых обусловлено местом той или иной единицы во внутридискурсивной концептуальной системе. Так, философский гиперконцепт «первоначало», представленный в «Сократе» целым рядом гипоконцептов, реализуется не только с опорой на сохраняющую для автора актуальность традиционную философскую оппозицию «архе – стойхейон», но и с учетом ассоциативного тяготения этих единиц к различным полюсам ключевого концепта романа («Сибирские Афины»), ср. Вода и Огонь – «афинские» первоначала, Грязь и Дерьмо – «сибирские»; «качественное» понимание первоначала (как «архе») – «афинское», «количественное» (как «стойхейон») – «сибирское» и т.п. (см. [5]). Кроме того, каждый из гипоконцептов, будучи вовлеченным в ассоциативно-смысловое взаимодействие с другими подчиненными ключевому концептам, может демонстрировать индивидуальную семантическую эволюцию как относительно философского, так и относительно внутридискурсивного инварианта содержания (точнее, семантической структуры).

Наиболее ярко эти индивидуальные особенности структурирования содержания концепта «Вода (как первоначало)» в «Сократе» проявляются в развитии у него семантической модификации «окружение, среда», далее конкретизирующейся в вариантах «онтологическая среда», «гносеологическая среда».

В качестве онтологической среды Вода характеризуется в романе (прежде всего в эпизодах, посвященных осмыслению рассказчиком /глобальным человеком/ учения Фалеса) как первоначало, внутри которого произошло зарождение и в «обстании» которого продолжается бытие всего сущего, что естественным образом развивает логику трактовки Воды как «архе» и «стойхейон» соответственно, ср.: все произошло (1) / вышло (2) из Воды, она источник и порождающая среда; все проникнуто (3) / окружено (4) Водой, она содержимое и контейнер:

- (1) *Вода – старейшее, все произошло из воды* [1. С. 70];
- (2) *рыбы и водные животные порождаются в воде в огромных количествах, и <...> мой предок когда-то вылез из воды* [1. С. 68];
- (3) *огурец на девяносто девять процентов, а не на девяносто пять, как ошибочно полагают некоторые, состоит из воды* [1. С. 67];
- (4) *Я <...> увидел общую панораму мира. Посреди Океана находился материк, не очень, правда, большой, стадиев этак тысяч десять в диаметре. А вокруг него была эта самая вода* [1. С. 74].

Однако не только внешний мир, но и внутреннее пространство, пространство мыслей и чувств глобального человека представляет собой водную среду, в связи с чем познание мира вещей и идей (будь то фалесова или иные философские и физические концепции), равно как и самопознание героя, получает возможность описания в терминах *погружения* (ухода на глубину,

ныряния) и всплытия (возвращения на поверхность, выныривания). При этом устойчивые метафоры (*И в этом глубинный смысл самого верного представления чисел <...>* [1. С. 205]; *я постепенно погружался в научные размышления* [1. С. 254] и др.) соседствуют в тексте «Сократа» с окказиональными буквализациями общезыковых и индивидуально-авторских косвенных номинаций, через оживление внутренней формы актуализирующими сопровождающее процесс познания и самопознания ощущение пребывания в водной среде (*услышал я Пифагора, всплывая из глубин своих мыслещи; я, видимо, так глубоко погрузился в себя, что снаружи почти ничего и не осталось* [1. С. 203]; *я <...> стал <...> тем самым старотайгинским ныряльщиком, которым, по словам Сократа, нужно быть, чтобы понять философию Гераклита* [1. С. 171], ср.: *<...> Еврипид дал ему <Сократу> сочинение Гераклита и спросил его мнение; он ответил: «Что я понял – прекрасно; чего не понял, наверное, тоже; только, право, для такой книги нужно быть делосским ныряльщиком»* [6. С. 100] <т.е. весьма искусным, как водолазы с острова Делос>). Названное субъективное ощущение объективируется в мотиве попадания рассказчика в различные естественные и искусственные водоемы (*бассейн во дворике Мыслильни гетеры Каллипиги, река Океан, Срединное Сибирское море, затопленное подполье Сократа*), плавания и утопания в них. Все эти средства описания процесса познания через контакт с водной стихией (метафора, буквализованная метафора, сюжетный мотив) в одинаковой степени информативны для моделирования компонента «гносеологическая среда» в смысловой структуре индивидуально-авторского концепта «Вода (как первоначало)».

Сквозь призму «водных» образов познание и самопознание в тексте «Сократа» предстает в таких частично связанных между собой аспектах, как активность, опасность, целенаправленность, успешность, самостоятельность.

С точки зрения степени активности субъекта *погружение* должно представлять собой нейтральный процесс, в то время как *утопание / утягивание на дно (течением)* однозначно характеризуют познание как пассивное, а *ныряние / выплывание* – как активное. Однако уровень познавательной активности при *погружении* также невелик, поскольку в романе оно обычно иницируется чьим-то высказыванием, а не актуальной познавательной потребностью индивида, хотя в целом и соотносится с его «гносеологической программой» (как он ее представляет в общих чертах), ср.:

– *Я не знаю, с чего начать. Я просто хочу знать, что такое Пространство, Время, Жизнь, Смерть, Бог* [1. С. 11];

Неподалеку стояла группка студенток, обмахивала себя конспектами, перемигивалась с парнями, лениво роняла фразы.

– *Пространство и Время*, – сказала одна из девушек, – *в качестве абстрактной внеположенности, в качестве пустого Пространства и пустого Времени представляют собой только субъективные формы, чистое созерцание.*

А я стоял на одной ноге, поджав другую, и погружался в размышления ни о чем <гегелевская пустота пародируется («перепевается») глобальным человеком в варианте ничто>, а именно в увлекательнейшую и трагичнейшую историю учений о *Пространстве и Времени* [1. С. 23];

Я снова начал было погружаться в омуты размышлений о Пространстве и Времени с учетом того, что сказал Анаксимен [1. С. 136].

Что же касается утягивания на глубину, то оно самопроизвольно запускает механизм анамнесиса (истинного познания – припоминания души о ее пребывании в мире эйдосов), чего субъект не всегда достигает даже путем активного стимулирования своей познавательной деятельности, ср.: *Я искренне сосредоточился, сказал себе: думай! думай!, но ничего не припомнил* [1. С. 25]; *Я <...> снова начал тонуть. А! Не привыкать, решил я и пошел ко дну. И тогда я вдруг припомнил* <следует описание череды перерождений глобального человека, которые он восстанавливает как «глубокое» знание о своей земной жизни> [1. С. 170–171]; *Тут меня снова утянуло в глубину и понесло течением припоминать* дальше [1. С. 203].

Максимально пассивным субъект представлен в ситуации, когда он достигает знания, даже не погружаясь, а созерцая поднышающую на поверхность, «саму собой» всплывшую «внутреннюю» истину, вызывающую у познающего гораздо большее доверие, чем озарение свыше, т.е. извне: *Этот критерий истины мне даже нравился больше, хотя он не упал на меня с неба, а всплыл из глубин души <...>* [1. С. 509].

Как видим, ни один из вариантов пассивного познания в «Сократе» не получает негативной оценки: данный гносеологический путь – один из возможных, а для некоторых случаев и вовсе оптимальный. Это свидетельствует о том, что познание понимается автором как процесс методологически сложный, требующий ситуативно обусловленного поведения субъекта.

Так, пассивное познание может переходить в активное – *выплывание*, которое мыслится как преодоление опасности (ср. *омуты размышлений*, т.е. нечто, способное затянуть и тем самым погубить) и возможность избежать гносеологической неудачи – *утопания*. Умение *выплывать* органически присуще человеку разумному, на что недвусмысленно намекает табличка у фонтана в Университетской роше («*Утонать и тонуть категорически воспрещается!*») [1. С. 24]); поэтому завершение истории с засмотревшимся на звезды и упавшим в колодец, но выбравшимся Фалесом рассматривается как доказательство его методологической адекватности, способности завершить «гносеологическое путешествие» (пусть пробное и не увенчавшееся пока успехом), вернувшись из идеального мира в реальный и оценив результат (*Не знаю, что говорили тогда боги, а служанка моя долго хохотала, приговаривая: звезды изучает, а что под ногами – не видит!* [1. С. 73]), а Сократ ни минуты не сомневается в «непотопляемости» глобального человека (*и этот выплывает* [1. С. 73]).

Однако *выплывание* (или *выныривание* как движение прочь, из воды) – это своего рода «оборонительная» деятельность, связанная с попытками субъекта упорядочить накатывающие валы мыслей (*на меня вдруг нахлынула мыслительная волна* [1. С. 242]), структурировать полученное пассивно знание, найти *дно* (= «исчерпать» идею), чтобы оттолкнуться от него (= ограничить количество фактического материала, чтобы выстроить непротиворечивую теорию): *Да и дно уже ощущалось под ногами. Я оттолкнулся и вынырнул из затопленного сократовского подполья* [1. С. 544], поскольку *бездна* (бесконечность) пугает и парализует познавательную деятельность: *Бес-*

пощадное солнце над головой, **бездонная** глубина подо мной. **Смысла не было** ни в одном из моих действий, впрочем, как и в бездействии [1. С. 74].

Что же касается «завоевательной» активности познающего, то она квалифицируется как **ныряние** и обязательно предполагает цель сознательного движения на глубину. В этом случае вода (ее толща, **глубина**) скрывает истину – **сокровище**, которое не видно наблюдателю с **поверхности** и которое должен добыть **ныряльщик**: *А случалось ли тебе, глобальный человек, видеть весною, как по беспредельной глади еще холодного Срединного Сибирского моря плывут ледяные горы? <...> Но вот **ныряльщики за жемчугом** утверждают, что **в глубине** моря все они соединены друг с другом огромной льдиной. И только **тем, кто на поверхности, кажется**, что эти горы отделены друг от друга* [1. С. 573]. Вода выступает как покров тайны бытия (инобытия) и в том случае, когда является средой, преодолеваемой изнутри в процессе **выныривания**, сознательного движения на поверхность (а не из воды): *Из-за медлительности своей и слабости он <воображаемый обитатель дна моря> никогда бы не достиг **поверхности**, никогда бы не **вынырнул** и не поднял голову **над водой**, чтобы увидеть, насколько чище и прекраснее здесь, у нас, чем в его краях, и даже не услышал бы об этом ни от кого другого, кто это видел* [1. С. 93].

Иногда водное пространство в качестве гносеологической среды изображается в «Сократе» как пересекаемое не по вертикали, а по горизонтали, и тогда духовный путь познающего субъекта представляет собой поиск <другого, дальнего> **берега**, невозможный, однако, в ситуации утраты исходной точки – **знакомого берега** как устойчивого элемента сложившейся до начала «гносеологического путешествия» картины мира. При потере берега из виду **плавание** превращается в обессиливающее и безнадежное блуждание в бесконечности по ту сторону горизонта от цели; эта невозможность структурировать мир вещей и идей, «запеленговать» в пространстве себя и свою мысль вновь создает угрозу **утопания**: *Я **плыл**, выбиваясь из сил и уже понимая, что если Океан **бесконечен**, то мне не добраться до берега. Или еще проще: впереди вообще нет никакого берега. <...> Но и **вернуться к знакомому берегу сил** у меня тоже уже не доставало* [1. С. 73]; ***Берега** начали отдаляться и вскоре скрылись за горизонтом. Я <...> снова начал тонуть* [1. С. 170].

Из всех познающих субъектов только **ныряльщик** самостоятельно способен справиться с опасностями, подстерегающими его на пути к истине; **пловцы** и **тонущие** же нуждаются в проводнике, для которого Вода будет представлять свою, родную стихию («стойхейон»); таким проводником, чувствующим себя в Воде «как рыба», становится дельфин Бим, сопровождающий глобального человека в наиболее длительных и опасных путешествиях, не дающий ему **утонуть** («захлебнуться» в идеях) или заблудиться, знающий верный путь («видящий» невидимый **берег**, клочок суши, **островок** в бескрайнем Океане познания), поднимающий из гносеологической пучины на **поверхность**, способный противостоять отвлекающему от цели **течению** и т.п.: *И пока я размышлял над этой проблемой, что-то **выпихнуло** меня **из воды**. От неожиданности я потерял ход своих никому уже не нужных мыслей и инстинктивно схватился за упругий клин, возникший перед моим лицом. Это был спинной плавник дельфина. <...> Серый Бим – Белое Брюхо, самец-*

белобочка, развернул меня и **понесся к невидимому берегу** <...> **Течение** здесь действительно было **сильное**, но Бим **ишутя справлялся** с ним [1. С. 74]; Я уже **заглотил** половину Срединного Сибирского моря и чуть было не лишил сибирских эллинов мореходства, но тут снова откуда-то взялся дельфин-белобочка Бим, мой старый приятель. Я привычно ухватился за его спинной плавник, **выплюнул** Океан и, когда волнение от этого моего действия немного успокоилось, увидел тот самый **островок** <...> [1. С. 171]; Исследовательский интерес настолько охватил меня, что я начал **тонуть**. <...> И тут упругий клин снова возник перед моим носом. Совершенно произвольно ухватился я за него обеими руками, и старый друг Бим **вынес** меня на поверхность бушующего потока [1. С. 539]; Бим **легко справлялся с любым течением** [1. С. 541]; Но **выплыл**, **выжил все-таки**. Спасибо Биму! [1. С. 544].

Образ дельфина используется Колупаевым в «Сократе» со всем «шлейфом» традиционных символических смыслов, идущих от античной мифологии, в которой дельфин является одним из ключевых бестиарных персонажей, фигурируя в легендах о Посейдоне, Афродите, Дионисе и Аполлоне [7]. Все эти смыслы так или иначе актуализированы в тексте романа, однако в аспекте исследуемой проблематики (Вода как гносеологическая среда) важнейшими характеристиками дельфина становятся указания на то, что он был символом водной стихии, спасителем потерпевших кораблекрушение и психопомпом, а также «морским конем» Аполлона и одним из его возможных воплощений (ср.: *Аполлон, бог искусств, недаром получил прозвище: «Delphinios», ибо не раз появлялся в образе дельфина, а также ездил на этом морском звере*) [7].

Роль психопомпа трактуется в романе расширительно: др.-греч. ψυχοπομπός (букв. «ведущий души») означало проводника усопших в царство мертвых, и хотя Бим действительно сопровождает сошедшего в Аид (точнее, провалившегося в Тартар) глобального человека как ангел-хранитель, обеспечивающий безопасный проход по весьма опасным местам [1. С. 539–544], его задача этим не исчерпывается: он – проводник души глобального человека в ее странствованиях по миру идей. В качестве такового дельфин в «Сократе» представлен еще и как посредник между сознательной и бессознательной сферами психики, рациональным и иррациональным познанием, аполлоническим и дионисийским. Эти смыслы индуцируются как важным для романа в целом юнгианским контекстом, так и «мистериальной» составляющей сюжета (см. «дельфийские главы» романа – I, 5; II, 22).

В аналитической психологии под психопомпом понимают *психический фактор, являющийся связующим звеном между бессознательными содержаниями и сознанием*, который очень часто персонифицируется в образе мудрого старца или старухи, иногда – помогающего животного, например *Серого Волка* [8]. Таким образом, наряду с Пифагором и Сократом («мудрыми старцами») *Серый Бим Белое Брюхо* является для глобального человека персонификацией этой возможности гармонизировать сферы сознательного и бессознательного. Дельфин обладает всеми необходимыми качествами животного-помощника: он дружелюбный и верный (как пес, ср. *Белый Бим Черное ухо*), опытный и мудрый (как волк, ср. *Иван Царевич и Серый Волк*, а также *морской волк*).

Описание Дельфийских мистерий в «Сократе», безусловно, дополнительно актуализирует образ дельфина-психопомпа: по существующей версии, ойконим *Дельфы* (др.-греч. Δέλφοι) может быть связан с зоонимом *дельфин* (др.-греч. δέλφις) через общий этимон δέλφύς «матка, лоно, утроба» (предполагается, что Дельфы названы так по причине близости расположения к т.н. Омфалу /Пупу Земли, т.е. центру мироздания, точке зарождения мира, своего рода космическому лону/, а дельфин – потому, что похож на младенца /новорожденного, выходящего из утробы/ или же кричит как ребенок) [9]. Вне зависимости от того, является ли приведенная этимология достоверной или нет, в тексте «Сократа» созвучие этих номинаций прочно сопрягает дельфина с Дельфами, что поддерживается паронимической отсылкой к *Дельфийским (Пифийским) играм: Бим ссадил меня <...> и умчался на поиски дельфинных игрищ* [1. С. 171], а также парафразом на тему орфических таинств: *Встретимся в Себастополесе, когда вы будете пытаться вывести у нас, дельфинов, в чем загадка Орфея* [1. С. 544] (ср.: *В святилищах Аполлона, которые владели Орфическим преданием, во время весеннего равноденствия праздновалось мистическое торжество. <...> Мистическое пение дельфийской жрицы давало указание на одну из тайн <...>* [10]); сами же Дельфы ассоциируются прежде всего с находящимся там прорицалищем, а также с выбитым на стене храма Аполлона Дельфийского известным изречением мудреца Хилона (*А там, на храме Аполлона между кумачовыми полотнищами: «Вперед, к материализму!» и «Назад, в будущее!» на камне выбито: «Познай самого себя»* [1. С. 185]), которое не сходит с уст самых разных персонажей романа – Сократа, глобального человека, Фалеса, Ксантиппы, Протагора [1. С. 8, 28, 36, 65, 138, 186, 198, 264, 530]. Что же касается посредничества дельфина между мирами Аполлона и Диониса, то здесь параллелью путешествиям глобального человека и Бима в подводно-подземные пространства (подсознание) и выплыванию на поверхность является совместное владение Дельфийским храмом богами, противопоставленными и дополняющими друг друга до совершенного целого: *Два бога владели храмом по очереди: Дионис со своими оргиями – властелин зимы; Аполлон, которому ясными, чистыми звуками поют пеан, правит летом. Увидеть в полночь солнце в сияющем блеске – такова была цель таинств* [1. С. 439] (ср. также: *<дельфин> обладает как лунными, так и солярными признаками* [7]). Показательно, что безуспешные попытки глобального человека пройти полное таинство, вывести бессознательное в «светлое поле» сознания (*Ты так и не долетел, глобальный человек, до вершины Парнаса и не впустил в свое сердце Аполлона* [1. С. 440]) изображены «в зимних декорациях», когда Вода пребывает в «твердом агрегатном состоянии» и, несмотря на сохранение некоторой иллюзии текучести (*волны снега бешено неслись мне в лицо; я <...> увидел Дельфы и Парнас, хотя сквозь метущиеся волны снега ничего нельзя было рассмотреть; знакомые ливни холодного, колющего и режущего снега* [1. С. 41, 437, 438]), не способна выступать в качестве гносеологической среды. Понятно, что дельфин (в других случаях вездесущий, так или иначе проникающий в любой водоем, даже не имеющий выхода в Океан, ср.: *И Бим был в бассейне, правда, на самом дне и в виде мозаики* [1. С. 99]) не может в данной ситуации выполнять функцию психопомпа.

Отдельного комментария заслуживают такие описанные в романе виды контакта с Водой, как *катание на дельфине* и *купание*. В отличие от *погружения*, *плавания*, *утопания*, *ныряния* и т.п. эти действия, будучи соотношенными со сферой физического (удовольствия), а не духовного (муки творчества, поиска), никак не связаны с гносеологическими интенциями или тем более усилиями. При этом *катающийся* или *купальщик* может характеризоваться как пребывающий в духовной спячке либо в принципе не нуждающийся в прохождении пути к Истине по причине исходной органической сопричастности ей.

Так, работая в дельфинарии Себастополиса, глобальный человек еще не задумывается о том, *что такое Пространство, Время, Жизнь, Смерть, Бог* [1. С. 11], а просто выполняет задание; именно поэтому ни он, ни его коллеги не проходят «проверку» Бима (*Амфибрахий схватился руками за спинной плавник, и дельфин резко ушел на глубину. Он не знал, что мы плохие пловцы. Амфибрахий тоже не ожидал такого резкого оборота дела, выпустил плавник, задыхаясь и отплевываясь <...>* [1. С. 78]), и общение с дельфином превращается в обычный аттракцион – приятный и безопасный, но, как и любое развлечение, глубокого смысла не имеющий; кроме того, в этой необычной «прогулке верхом» воля седока как бы «выключена»: он не только полностью подчинен морскому «коню» в выборе маршрута и «аллюра» – сама его жизнь зависит от того, насколько «сознательно» поведет себя дельфин: *Дельфин подошел, подставляя спинной плавник. Амфибрахий ухватился за него, готовый в любой момент ринуться на поверхность. Но Бим больше не делал попыток уйти на глубину. Он потаскал человека по поверхности, правда на довольно высокой скорости, так что казалось, что при повороте непременно врежется в сеть вольеры. Но этого ни разу не произошло. <...> Затем в плаванье ушел Белерофонт. Дельфин катал его только по поверхности. Настала и моя очередь. Не без внутреннего трепета сцепился я руками в плавник, вытянул ноги вдоль туловища длиною локтей в десять, приготовился к тому, что нахлебаюсь воды. Но дельфин шел с такой скоростью, что бурунчик воды резвился под моей нижней губой. Ощущение было потрясающее. Во-первых, скорость. Во-вторых, полная управляемость, вернее, видимость управляемости, так как я не делал к этому никаких попыток. Дельфин все знал сам [1. С. 78]. В данной ситуации то, что представляется людям опасным (*глубина*), с позиции дельфина выступает как <пока> для них недоступное.*

Впоследствии, когда глобальный человек выступает уже в качестве гносеологического субъекта, плавание с Бимом больше не воспринимается им как *катание*, увеселительная прогулка, а *купание* как развлечение не привлекает. Тем не менее сама номинация употребляется рассказчиком применительно к себе как то ли ироническая, то ли эвфемистическая замена *утопанию*: *Купание в море отрезвило меня* [1. С. 90]; – *Искупаемся напоследок, – предлагает Каллипига. Но <...> я еще помню свое купание в реке Океане* [1. С. 95]. Эта «водная процедура» не связывается глобальным человеком с физическим наслаждением и оценивается скорее как шоковая; он осознает ее необходимость и полезность ее отрезвляющего, бодрящего воздействия (*Я был бодр и готов следовать за Каллипигой хоть на край света* [1. С. 90]), но его еще слабая душа не жаждет повторения, хотя в ситуации вынужденного

погружения способность Воды остужать не только тело, но и душу воспринимается им уже как безусловное благо (см. эпизод после лечения чирьев крапивой, в котором Вода /озерцо/ выступает как антагонист другого первоначала – Огня /пылающий огненным шаром зад глобального человека, пожар в доме Милона, повлекший за собой смерть Пифагора, и, наконец, жжение в душе рассказчика, связанное с его гносеологической растерянностью/): **От холодной воды жжение в моей душе проходило. Я даже начал испытывать удовольствие от купания** <...> [1. С. 170].

Совсем иначе описывается купание и катание на дельфине гетеры Каллипиги: – *Как хотите, – говорит Каллипига, развязывает ремешки, сбрасывает с себя столу, бежит к кромке прибоя и бросается в волны. А я смотрю, как она резвится среди пенных барашков. Дельфины и морские наяды образовали вокруг нее веселый хоровод. Море светится и искрится. Мой старый знакомый Бим выносит Каллипигу на поверхность воды. <...> Так и носятся они, дельфины, наяды и Каллипига, веселой гурьбой, то удаляясь от берега, то приближаясь к нему вновь* [1. С. 95–96]. Для Каллипиги купание – чистое удовольствие, шалость, забава (резвится); она движется в водной стихии почти как дельфин – быстро и уверенно, свободно и беззаботно (бросается, носятся), как бы танцуя (хоровод), не боясь ни утонуть (бросается в волны – выносит на поверхность), ни потерять берег (то удаляясь от берега, то приближаясь к нему вновь), она – царица на празднике Воды, предводительница веселой купальной процессии.

Погружение в Воду не связано для Каллипиги со сложным, утомительным и часто опасным путем познания (ср. слова Сократа, обращенные к глобальному человеку, выплывшему-таки из бассейна Каллипиги: **Да разве мож ты утонуть в этом прекрасном бассейне, нанеся тем самым обиду нашей хозяйке?** <...> *Она обиделась бы не твоему утоплению, а тому, что это произошло в ее бассейне, предназначенном для игр и омовений* [1. С. 84]), потому что ее Красота по принципу калокагатийности (гармоническое сочетание внешних и внутренних достоинств, от др.-греч. *καλοκαγαθία* < *καλός* και *αγαθός* «прекрасный и хороший», «красивый и добрый», ср.: «Калос» – прекрасный, «агатос» – хороший, добрый. Вот человек и должен соединить в себе физическую красоту безупречного тела и внутреннее, нравственное благородство [1. С. 243]) обеспечивает ее заведомую приобщенность к Истине как высшему Благу. Будучи совершенной во всех отношениях, Каллипига, если захочет, может легко вступить в дискуссию с философами, вставить краткое, но глубокое замечание или дать развернутый комментарий по сложнейшей проблеме, и в арсенале ее аргументов не только слово, но и тело:

– *Как ты все это понимаешь?* – удивился я.

Каллипига теснее прижалась ко мне, и жар ее тела проникал сквозь прозрачную столу и мои пифагоровы штаны.

– *Слушай. Это же просто...* < Каллипига разъясняет глобальному человеку учение Ксенофана о Едином >

<...> *Странное дело, все, что говорила Каллипига, я воспринимал отчетливо. И тогда я понял: всех других я просто слышу, а Каллипига передает мне информацию всем свои упругим и горячим телом. И я с радостью принимаю ее* [1. С. 258].

Древняя мудрость полагает самопознание (познание микрокосма) возможным путем познания макрокосма (*Помните ту надпись на храме в Дельфах? «Познай самого себя!» Она ведь имеет продолжение <...> и полностью звучит так: «Познай самого себя, и ты познаешь богов и Вселенную». Значит, в душе человека заключено что-то соразмерное богам и всей Вселенной* [1. С. 530]), однако есть лучший, более приятный и более надежный путь – избрать для познания объект, лишенный несовершенств и обладающий не частичной (*что-то*), а полной соразмерностью богам (ср.: *Каллипига* – эпиклеса богини Афродиты) и Вселенной (*вначале возникла газово-пылевая материя, а затем – планеты, Каллипига и так далее и тому подобное* [1. С. 466–467]); поэтому предложение Каллипиги «погружаться в нее» (*Какой смысл погружаться в себя, правда ведь? Лучше погружайся, глобальный человек, в меня* [1. С. 562]) совершенно лишено вульгарности, но подразумевает преобразование физиологической потребности в гносеологическую с сохранением «эротической» составляющей (опять же в высоком смысле, ср.: у Платона <...> *мотив эроса как ностальгия по абсолюту переплетается с теорией припоминания* [11. С. 455]).

Таким образом, исследование специфики смыслового наполнения концепта «Вода (как первоначало)» в «Сократе» В.Д. Колупаева, начатое нами в [5] и продолженное в настоящей статье, показывает, что структура художественного концепта, с одной стороны, воспроизводит структуру философских концептов «первоначало» и «Первовлага» («Вода Фалеса») как прототипическую (о вербальных прототипах дискурсивно маркированных концептов, обнаруживаемых в иных дискурсивных средах, см. [12. С. 59]), с другой стороны, существенно усложнена относительно прототипа. Это связано не только со втягиванием гиперконцепта «первоначало» (и, соответственно, гипоконцепта «Вода») в ассоциативно-смысловое поле ключевого концепта романа – «Сибирские Афины» – и превращением оппозиции «архе – стойхейон» в аксиологически нагруженную (подробнее см. [5. С. 144–150]), но и с формированием особых зон в семантической структуре отдельных гиперконцептов. Для концепта «Вода» такой зоной, возникшей по метонимическому типу переноса значения и демонстрирующей максимальное индивидуально-авторское приращение смысла как на фоне концептов-прототипов (философского гиперконцепта и гипоконцепта), так и на фоне семантического инварианта концепта «первоначало» в романе (художественного гиперконцепта), является фрагмент, реализующий семантические варианты «<обязательное> окружение; порождающая / активизирующая / стимулирующая / иницирующая внешние и внутренние изменения / резонирующая и т.п. среда».

Необходимо отметить, что в тексте романа число актуализаций смысла «онтологическая среда» у концепта «Вода (как первоначало)» ничтожно мало, а репрезентанты его неспецифичны (представляют собой высказывания, в которых семантика окружения реализована различными локативными или директивными конструкциями, представляющими собой сочетания имени концепта с соответствующими предлогами или наречиями /*в воде, из воды, вокруг вода*/), что позволяет оценить данное направление семантического развития концепта как малопродуктивное. Напротив, смысл «гносеологическая среда» репрезентируется неоднократно, разнообразно и специфично,

причем специфика эта проявляется как в дискурсивно обусловленном наборе репрезентантов (*погружаться, тонуть / утонать, ныряльщик, дельфин* и др.), так и в принципе тождества и взаимообусловленности (взаимоперетекания) внутреннего и внешнего в познании мира рассказчиком. Внезапное окружение глобального человека водной стихией всякий раз мотивировано изменением его психического состояния, а именно формированием (или конкретизацией) гносеологического намерения; на речевом и сюжетном уровне в таких случаях наблюдается буквализация метафор (языковых и индивидуально-авторских, включая развернутые, ср. *погрузиться в себя, старотайгинский ныряльщик, я <...> начал тонуть*).

Наконец, высокая степень адаптированности философского концепта «Вода (как первоначало)» к художественному дискурсу проявляется в том, что репрезентанты смысла «гносеологическая среда» дополнительно к своей основной функции (экспликация индивидуально-авторской картины мира) являются маркерами типологической принадлежности персонажа, в связи с которым этот смысл актуализируется (ведущий – ведомый, посвященный – непосвященный и т.п.).

Литература

1. Колупаев В.Д. Сократ Сибирских Афин: фантаст. пародия. Томск, 2007. 612 с.
2. Колупаев В.Д., Марушкин Ю.И. Безвременье: фантаст. роман. Томск, 2000. 468 с.
3. Колупаев В.Д. Пространство и время для фантаста. Томск, 2004. 54 с.
4. Рыбальченко Т.Л. Проза из Сибирских Афин // Виктор Дмитриевич Колупаев: биобиблиогр. указ. / сост. А.В. Яковенко; ред. С.С. Быкова. Томск, 2005. С. 41–43.
5. Никиенко И.В. О смысловой структуре концептов, воплощающих идею первоначала в «Сократе Сибирских Афин» В.Д. Колупаева (на материале концепта «Вода») // Русская речевая культура и текст: материалы VII Междунар. науч. конф., 16–18 мая 2012 г. / под ред. Н.С. Болотновой. Томск, 2012. С. 142–150.
6. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / ред. и авт. вступ. ст. А.Ф. Лосев; пер. М.Л. Гаспарова. 2-е изд., испр. М., 1986. 572 с.
7. Дельфин [Электронный ресурс] // Краткая энцикл. символов. URL: <http://symbolarium.ru/index.php/Дельфин> (дата обращения: 30.08.2012).
8. Психопомп [Электронный ресурс] // Зеленский В. Словарь аналитической психологии. URL: http://www.goldbiblioteca.ru/online_psihologiya/online_psistr6/594.php (дата обращения: 30.08.2012).
9. Дельфы [Электронный ресурс]. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Дельфы (дата обращения: 30.08.2012).
10. Шюре Э. Доисторическая Греция. Вакханки. Появление Орфея [Электронный ресурс] // Шюре Э. Великие посвященные: очерк эзотеризма религий / пер. Е. Писаревой. Калуга, 1914. Кн. 5. Гл. 1. URL: <http://psylib.org.ua/books/shure01/txt25.htm> (дата обращения: 30.08.2012).
11. Лебедев А.В. Эрос // Новая филос. энцикл.: в 4 т. М., 2010. Т. 4: Т–Я. С. 455.
12. Орлова О.В. Роль культурного и вербального прототипов в дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2011. Вып. 3. С. 59–64.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-313.1

DOI 10.17223/19986645/21/7

Е.Е. Анисимова

«КОГДА ЛУНА ПОДНЯЛАСЬ И ЕЕ МЯТНЫЙ СВЕТ ОЗАРИЛ МИНИАТЮРНЫЙ БЮСТИК ЖУКОВСКОГО...»: «ЖУКОВСКИЙ КОД» В РОМАНЕ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ»

В статье рассматриваются репрезентации образа В.А. Жуковского в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Ключом к пониманию роли и литературной репутации Жуковского становится скульптурный код, одним из проявлений которого является описание бюста поэта. В процессе анализа сравниваются две редакции романа, расхождения между которыми проливают свет на первоначальные планы авторов относительно личности Жуковского, превращающегося под их пером в символ династии Романовых и одного из основных участников имперского дискурса «Двенадцати стульев». Другой гранью «Жуковского кода» становится балладный романтизм поэта, травестийно примененный писателями к деталям советского быта 1920-х гг. и тем самым сатирически переосмысленный.

Ключевые слова: Жуковский, Ильф, Петров, рецепция, памятник.

Общим местом работ, посвященных творчеству И. Ильфа и Е. Петрова, является дискуссия о том, можно ли считать этих авторов классиками [1]. Исследователи, отвергающие «эталонный» характер наследия романистов, приводят в качестве главного аргумента тот факт, что сатирики были слишком популярны у современников, меж тем как любой известный советский писатель представлялся тесно связанным с идеологической конъюнктурой и не мог на этом основании продолжать перечень монументальных фигур русских литераторов XIX – начала XX в. На наш взгляд, отказ писателям в статусе классиков по причине особой успешности творчества во многом предопределен установкой самих Ильфа и Петрова, стремившихся в идеологическом отношении не просто противопоставить советский «большой» нарратив старому имперскому, а символически развенчать оба этих проекта, угодив в этом смысле как про-, так и антисоветски настроенному читателю.

М. Липовецкий относит творчество Ильфа и Петрова к одному из параллельных соцреализму литературных течений, представители «которых пристально всматривались в оксюмороны архаизирующей (советской. – Е.А.) модерности и искали в них понимание не только советских истории и цивилизации, но и – сквозь них – основополагающих для модерности метанарративов истории, культуры и личности» [2. С. XV]. Именно эти альтернативные направления подготовили почву для постмодернизма, главной целью которого была деконструкция любых масштабных культурно-идеологических проектов. В. Паперный, анализируя замену одного типа культуры другим на рубеже 1920–1930-х гг. (авангарда – сталинским монументализмом, или, в терминологии исследователя, «культуры 1» «культурой 2»), отмечает главную тенденцию этих лет: «обе культуры, не согласные друг с другом <...> прак-

тически ни в чем, в какой-то момент оказались удивительно согласными и созвучными: обе хотели сноса» [3. С. 28]¹. Разрушение памяти и памятников старой культуры воспринималось многими современниками Ильфа и Петрова как расчистка территории для конструирования новой традиции. Ярким примером этому стали многочисленные архитектурные проекты рубежа 1920–1930-х гг.: символы прошлого сносились и/или переносились (Иверская часовня, храм Христа-Спасителя, памятник Минину и Пожарскому и т.д.), новые символы – воздвигались / проектировались (мавзолей Ленина, гостиница «Москва», так и не построенный Дворец Советов и т.д.). В литературе этот процесс нашел отражение в актуализации скульптурного и архитектурного кодов и ярко воплотился, в частности, в художественных и мемуарных текстах авторов «Двенадцати стульев»².

Важную смыслообразующую роль в романах Ильфа и Петрова играют точно схваченные и афористически зафиксированные детали раннего советского быта – «родимые пятна» эпохи. В творческом дуэте особенным вниманием к мелочам отличался Ильф, оттачивавший свое мастерство в записных книжках, материалы которых легко обнаружить в художественных текстах обоих соавторов. Ильф советовал вести подобные записи и Петрову: «Обязательно записывайте, – часто говорил он мне. – Все проходит, все забывается. Я понимаю – записывать не хочется. Хочется глазеть, а не записывать. Но тогда нужно заставить себя» [4]. Свидетельства о необычайной наблюдательности Ильфа проходят лейтмотивом по всем воспоминаниям его современников. Так, Г. Мунблит вспоминает: «Бродить с Ильфом по городу было удовольствием, ни с чем не сравнимым. Замечания его об архитектуре домов, об одежде прохожих, о тексте вывесок и объявлений и обо всем другом, что можно увидеть на городской улице, представляли собой такое великолепное сочетание иронии с деловитостью, что время и расстояние в таких прогулках начисто переставали существовать» [5]. Т. Лишина отмечает: «Смешное он (Ильф. – Е.А.) видел там, где мы ничего не замечали. Проходя подворотни, где висели доски с фамилиями жильцов, он всегда читал их и беззвучно смеялся. Запомнились мне фамилии Бенгес-Эмес, Лейбедев, Фунт, которые я потом встречала в книгах Ильфа и Петрова» [6].

Внимание Ильфа к деталям городского ландшафта – архитектуры, скульптуры, вывесок и т.п. – соединялось с его увлечением пластическими видами искусства, в которых он хорошо разбирался [7]. В семье и самом близком окружении Ильфа было много художников: братья, жена, общие одесские знакомые. Его письма и записные книжки сохранили немало записей об особо запомнившихся писателю памятниках. Например, «Памятник Марксу и надпись “Царю-Освободителю”» [8. С. 62]; «Здесь (в Москве. – Е.А.) поставили плохой памятник Тимирязеву» [9. С. 287]³. Как видно уже из этих примеров, писатель подмечает в памятнике тенденцию, подрывающую сам смысл возведения скульптур: если последние обычно создаются с целью

¹ Самих Ильфа и Петрова В. Паперный относит к представителям «культуры 1», т.е. культуры уходящей [3. С. 27].

² Так, В. Паперным тексты Ильфа и Петрова зачастую используются в качестве примеров «зрительского» восприятия раннесоветской архитектуры [3. С. 27, 38].

³ Этот «плохой» памятник появляется в полной версии главы «Клуб автомобилистов».

увекочить и как бы навсегда утвердить минувшее, то принципиальным для Ильфа становится вскрытый революцией конфликт этой установки с повседневной практикой раннесоветской эпохи, активно создававшей своё собственное «прошлое» и резко проблематизировавшей тем самым статус старинных монументов. Именно широко распространенный в 1920-е гг. феномен памятника, символический смысл которого был либо знаково репрессирован (вплоть до уничтожения самой скульптуры), либо подвергнут рутинному стиранию в потоке нового времени, систематически привлекал внимание обоих сатириков.

Ярким примером смены ценностных ориентиров стала судьба двух памятников в родной для писателей Одессе, которая, по замечанию Ильфа, вообще являлась «од[ним] из наиболее населенных памятниками городов» [8. С. 94]. Об этих монументах Ильф оставил следующую запись: «Во дворе была когда-то скульптурная мастерская. И до сих пор стоит посреди жилтоварищеского дома конная статуя Суворова и пешая какому-то герою 12-го года, а какому, уже нельзя узнать. Видны только баки Отечественной войны» [8. С. 73].

Более подробное описание скульптуры читаем в воспоминаниях Л. Славина:

Самый большой памятник в Одессе – фельдмаршал Суворов на коне, помещающийся во дворе жилтоварищества № 7 по Софиевскому переулку. Гигантский конь скачет, распустив по ветру бронзовый хвост, что представляет немалое удобство для домашних хозяек, просушивающих на хвосте белье. Безумное лицо фельдмаршала задрано к небесам, в огромных глазницах ласточки выют гнезда, древко победоносного знамени украшено отличной радиоантенной. Памятник этот был закончен скульптором Эдуардсом 1 марта 1917 года; вследствие внезапного падения популярности фельдмаршала среди трудящихся масс остался здесь, во дворе, подле ателье [8. С. 82–83].

Военные кампании А.В. Суворова и Отечественная война 1812 г. были иконографическими символами одновременно и имперского величия, и национального достоинства старой России. Прославленные герои этого времени, увековеченные в памятниках, ценность которых была поставлена новой эпохой под вопрос, неоднократно появляются на страницах «Двенадцати стульев» в окружении знаковых фрагментов культурного контекста начала XIX в. Одним из примеров этого контекста является дважды упомянутый в романе памятник В.А. Жуковскому, автору гимна Отечественной войны 1812 г. – «Певец во стане русских воинов».

Интертекстуальные коды диалогии Ильфа и Петрова неоднократно становились объектом пристального исследовательского внимания [10, 11, 12, 13, 14], однако «Жуковский текст» до сей поры не вызывал интереса комментаторов¹. Вместе с тем в «Двенадцати стульях», тексте вообще богатом на литературные аллюзии, именно имя Жуковского оказывается первым упомянутым литературным именем, именно оно открывает галерею классиков рома-

¹ Исключением является работа О.В. Барского, посвященная реконструкции сюжетной линии «Двенадцать спящих дев» В.А. Жуковского – «Руслан и Людмила» А.С. Пушкина – «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова [15].

на¹. Памятник «первому русскому романтику» появляется дважды в главе «Кончина мадам Петуховой»: организуя историческое и географическое пространство города N, он служит точкой отсчета походов Ипполита Матвеевича Воробьянинова и Остапа Бендера.

По мнению М.П. Одесского и Д.М. Фельдмана, «можно указать лишь один вставной эпизод, образцово манифестирующий основные особенности “петербургского текста” – “Рассказ о несчастной любви”» [16. С. 743]. В центре «петербургской» вставной новеллы – история современного ваятеля бюстов Васи и его невесты, увлекающейся Шиллером. Чтение Шиллера, данные в романтическом ключе ночные беседы влюбленных перемежаются с походом в кинематограф и работой над бюстом «человека с длинными усами и в толстовке» – «заведующего кооплавкой № 28» [17. С. 312]. Думается, что комментирующийся ниже эпизод, снабженный многообразными мотивными и антропонимическими подтекстами, не менее органично вписывается в «петербургскую» тему романа. Более того, всесторонне задействованный в тексте «скульптурный» код обнаруживает целый ряд характерных компонентов петербургского текста (имперскость, призрачность и др.).

Итак, первым в галерее бюстов становится памятник Жуковскому в городе N. Впервые упоминание о бюсте поэта встречается в главе II романа: «Посреди Старопанской площади, у бюстика поэта Жуковского с высеченной на цоколе надписью: “Поэзия есть бог в святых мечтах земли”, велись оживленные разговоры, вызванные известием о тяжелой болезни Клавдии Ивановны. Общее мнение собравшихся горожан сводилось к тому, что “все там будем” и что “бог дал, бог и взял”» [17. С. 33]². Вскоре к первому упоминанию добавляется смысловая рифма – данное более подробно описание того же памятника:

Когда луна поднялась и ее мятный свет озарил миниатюрный бюстик Жуковского, на медной его спинке можно было ясно разобрать крупно написанное мелом краткое ругательство. Впервые подобная надпись появилась на бюстике 15 июня 1897 года, в ночь, наступившую непосредственно после его открытия, и как представители полиции, а впоследствии милиции, ни старались, хулительная надпись аккуратно появлялась каждый день [17. С. 34–35].

Если сравнить поэтику «Двенадцати стульев» с кино, «важнейшим из искусств» в советской эстетике, то можно сказать, что памятник Жуковскому дан в романе кинематографично: сначала он появляется в качестве фона, затем дается крупным планом. При первом упоминании о бюсте поэтическая строка из «Камозенса» позволяет читателю безошибочно узнать в романной зарисовке настоящий монумент – бюст Жуковского работы В.П. Крейтана, установленный в петербургском Александровском саду лицом к Зимнему дворцу. Памятник Жуковскому, стоящий на центральной площади города N, располагает главными признаками крейтановского памятника: он выполнен в

¹ Далее в тексте романа, помимо бюста Жуковского, появляются памятники А.С. Пушкину и А.Н. Островскому.

² Любопытно, что главный участник дискуссии, рассуждающий под памятником Жуковскому о пользе гемоглобина, позднее умирает. Об этом мы узнаем из другой литературоцентричной («гоголевской») главы XXXIII «В театре Колумба».

форме бюста и имеет надпись «Поэзия есть бог в святых мечтах земли»¹. Этот знак имперского Петербурга, помещенный в центр города N, сразу маркирует его символическую топографию совершенно определенным образом.

При втором упоминании о бюсте выясняется, что памятник периодически подвергался осквернению: каждый день на его спинке «мистически» появлялось матерное ругательство. Причем обращает на себя внимание то, что акты вандализма в отношении памятника начались не с приходом советской власти, инициировавшей смену официальных и неофициальных государственных символов, а уже в конце XIX в., продолжаясь тем самым без малого 30 лет. Отнесенная сатириками еще к старому времени десакрализация эталонных культурных образцов демонстрировала и ту «легкость[ь], с которой разрушались в советской культуре институты христианства» [3. С. 16–17], и заведомую обреченность имперской символики. В «историческом» подтексте романа сами эти основы уже не представляются достаточно прочными, что подтверждают исключенные из первопубликации ретроспективные экскурсы писателей в детали биографий отца Федора и «предводителя дворянства» Воробьянинова – представителей основных дореволюционных сословий.

Так, в полном варианте текста содержится очередное слагаемое скульптурного «сюжета» «Двенадцати стульев», сюжета, начатого, как мы помним, памятником Жуковскому. В первопубликации этот эпизод о другом поруганном бюсте отсутствует, т.к. при издании он был изъят вместе с главой о юности Ипполита Матвеевича («Бойкий мальчик»). Речь идет о бюсте Александра I, у которого Воробьянинов-гимназист с приятелями отламывают нос.

Вдруг произошло самое ужасное: Савицкий оторвался от фикуса и спиной налетел на колонну красного дерева с золотыми ложбинками, на которой стоял мраморный бюст Александра I, Благословенного. Бюст зашатался, слепые глаза царя укоризненно посмотрели на притихших миглом гимназистов, и Благословенный, постояв секунду под углом в сорок пять градусов, как самоубийца в реку, кинулся головой вниз. Падение императора, хотя и заглушенное лежавшим на полу кавказским ковром, имело роковые последствия.

От лица царя отделился сверкающий как рафинад кусок, в котором гимназисты с ужасом узнали нос. Холодея от ужаса, товарищи подняли бюст и поставили его на прежнее место. Первым убежал Пыхтеев-Какуев.

– Что ж теперь будет, Воробьянинов? – спросил Савицкий.

– Это не я разбил, – быстро ответил Ипполит.

Он покинул актовый зал вторым. Оставшись один, Савицкий, не надеясь ни на что, пытался водворить нос на прежнее место. Нос не приставал. Тогда Савицкий пошел в уборную и утопил нос в дыре [17. С. 60–61].

Гоголевские аллюзии в данном эпизоде очевидны и не требуют специального комментария. Обращает на себя внимание другое. Во-первых, памятники Жуковскому и Александру I организуют вокруг себя топографии – соответственно города N и дворянской гимназии Старгорода. Во-вторых, в повествовании их символический статус ликвидируется: если на одном тайные

¹ О дате открытия памятника Ильф и Петров сообщают ошибочно, но с явным намеком в датировке: 15 июня 1897 г. вместо 4 июня 1887 г., когда памятник был действительно открыт. Отметим в данном случае знаковое в контексте революционной эпохи смещение календарных чисел июня в духе замены юлианского календаря на григорианский.

недоброжелатели ежедневно подписывают ругательство, то у другого гимназисты отламывают нос и спускают его в уборную (обсценная символика этих манипуляций, по сути, уравнивает судьбу обоих бюстов). Указанная авторами точная хронология событий позволяет реконструировать время «падения императора»: 1875 г. (год рождения И.М. Воробьянинова), 1883 г. – его поступление в гимназию, 1887 г. – инцидент в актовом зале. Последние две даты совпадают соответственно с празднованием 100-летнего юбилея со дня рождения Жуковского и установкой крейтановского памятника в Петербурге, первого из серии бюстов в Александровском саду¹. Очевидно, что Жуковский и Александр I, давно ставшие, по сути, символами своей эпохи [18], оказываются объектами комического развенчания².

Кульминацией этой скрытой идеологической линии романа является аукцион, на котором другой представитель царской династии идет с молотка.

– Бронзовый бюстик Александра Третьего. Может служить пресс-папье. Больше, кажется, ни на что не годен. Идет с предложенной цены бюстик Александра Третьего.

Публика заржала.

– Купите, предводитель, – съязвил Остап, – вы, кажется, любите!

Ипполит Матвеевич не отводил глаз от стульев и молчал.

– Нет желающих? Снимается с торга бронзовый бюстик Александра Третьего. Фигура, изображающая правосудие. Кажется, парная к только что купленной. Василий, покажите публике «Правосудие». Пять рублей. Кто больше? [17. С. 229–230].

Любопытно не только то, что бюст Александра III не покупается на аукционе даже в качестве пресс-папье, но и то, какими предметами он окружен: это статуэтка, изображающая правосудие, и бюст Наполеона. Если правосудие наряду с монархией относятся к числу утраченных в Советской России институций, то *бюст* Наполеона вообще каламбурно дан в одном ряду с *бюстгальтерами*:

... в продажу поступала сначала обычная аукционная гиль и дичь: разрозненные гербовые сервизы, соусник, серебряный подстаканник, пейзаж художника Петунина, бисерный ридикюль, совершенно новая горелка от прируса, бюстик Наполеона, полотняные бюстгальтеры»... [17. С. 229].

Бюстики Александра III и Наполеона, по всей видимости, эквивалентны сидящим в зале Воробьянинову и Бендеру: Остап подозревает Кису в любви к предпоследнему российскому императору, а сам, как выяснится во второй части диалогии, является обладателем travestированной татуировки с Наполеоном: «Он (Остап Бендер. – *Е.А.*) скинул костюм и рубашку, под которыми оказались купальные трусы, и, размахивая руками, полез в воду. На груди великого комбинатора была синяя пороховая татуировка, изображавшая На-

¹ В 1880-е гг. наблюдался очередной всплеск имперских скульптуры и архитектуры: именно в это время заканчивается строительство храма Христа-Спасителя, проектируются бюсты известных культурных деятелей для Александровского сада.

² Главный символ победы в Отечественной войне 1812 г. – храм Христа-Спасителя – был разрушен спустя три года после окончания романа – в 1931 г.

полеона в треугольной шляпе и с пивной кружкой в короткой руке» [19. С. 174]¹.

Финалом череды реализаций скульптурного кода в «Двенадцати стульях» является рассказ Персицкого о Васе – ваятеле советских бюстов. Вася в каком-то смысле является двойником литературного халтурщика и «балладника» Ляписа-Трубецкого, которому и рассказывается эта история, а вставная новелла концентрирует в романе актуальную для советских лет тему конъюнктуры. Из цепочки бюстов Жуковский – Александр I – Наполеон – Александр III – заведующий кооплавкой № 28 в опубликованном при жизни писателя варианте романа остались только Жуковский, Наполеон и Александр III, а сама тема поруганного памятника и, следовательно, поруганной памяти стала звучать приглушенно. Тем не менее даже в таком усеченном ряду памятник Жуковскому оказывается помещенным во вполне определенный – «имперский» – контекст. В этом смысле закономерна его связь с символикой Петербурга: город N, как и северная столица, является городом прошлого, символом утратившей конъюнктурную ценность имперской истории России. В этом контексте Петербург явно противопоставлен Москве и рождает целый комплекс смысловых оппозиций: прошлое – настоящее, призрачное – бытовое, имперское – советское и т.д.

Эпизод с памятником Жуковскому открывает целый ряд мотивных и сюжетных линий романа. Во-первых, с бюста Жуковского начинается галерея бюстов – знаков уходящей эпохи². Так, в романе появляются бюсты Александру I, Александру III, Наполеону и, наконец, заведующему кооплавкой. Во-вторых, здесь намечается связь Воробьянинова с образом Жуковского, который сопровождает его на протяжении всего романа. Гуляя неподалеку от памятника поэту, Ипполит Матвеевич решает пуститься в авантюру; Остап называет его «особ[ой], приближенн[ой] к императору» [17. С. 163] и подозревает в том, что он может запеть «Боже, царя храни» [17. С. 353]. В-третьих, ночной романтический пейзаж, в котором появляется бюст Жуковского, задает пародийно-балладную линию в «Двенадцати стульях»: от скачек по Дому Народов до фигуры балладника Ляписа-Трубецкого. В свою очередь, скульптуры заведующего кооплавкой и баллады о современных советских персонажах Ляписа-Трубецкого встают в один ряд с ежедневным осквернением памятника Жуковскому. Недаром одна из баллад поэта-халтурщика называется «Эолова флейта», в названии которой комбинируются классическая баллада «Эолова арфа» Жуковского и футуристическая поэма «Флейта-позвоночник»³.

Контекст, в который помещен авторами памятник Жуковскому, свидетельствует о том, что поэт воспринимается в качестве официального символа той эпохи, которую в целом представляет провинциальный город N. В то же время благодаря точному описанию памятника город N приобретает черты

¹ О других наполеоновских подтекстах образа Бендера см.: [19. С. 520].

² Не случайно скульптурная галерея «Двенадцати стульев», как и названного в честь Александр II петербургского Александровского сада, представлена именно бюстами. Бюст в отличие от статуи не столько изображает, сколько символизирует человека.

³ О других шпильках в адрес Маяковского и главного советского балладника – Н.С. Тихонова (Энтиха) см.: [17. С. 511–515].

Петербурга, а точнее, его имперского центра – с Дворцовой площадью, Александровским садом и памятником Жуковскому работы Крейтана. Любопытно, что Москва Ильфа и Петрова носит вполне конкретный, узнаваемый характер (вплоть до редакции «Гудка» и общежития, в котором поселился Ильф), а Петербург (Петроградом и Ленинградом город в романе не называется) – мифологический. Петербург «принадлежит к числу <...> сверхнасыщенных реальностей», когда само появление в литературном тексте темы Петербурга автоматически подразумевает и «“петербургск<ую>” иде<ю> русской истории», впрочем, сильно осложненной исторической же мифологией [20. С. 259–260].

Ипполит Матвеевич, гуляющий неподалеку от «петербургского» памятника Жуковскому, делает попытку повернуть колесо истории вспять и обрести утраченные привилегии. Символом ушедшего времени становится Жуковский, а наблюдателем – гробовых дел мастер Безенчук. Фигура гробовщика дана в том же мотивном окружении, что и памятник Жуковскому, и с учетом славы поэта как автора «страшных» романтических баллад они становятся в этом эпизоде двойниками и словно предрекают мрачный исход всей истории: «Когда луна поднялась и ее мятный свет озарил миниатюрный бюстик Жуковского...» [17. С. 34] – «В зеленом свете луны стоял гробовых дел мастер Безенчук» [17. С. 35].

Вообще говоря, луна – знак романтизма и много позаимствовавшего у него символизма, а в случае Жуковского – «страшного» балладного романтизма [21]. В балладах «первого русского романтика» страсти и преступления, как правило, разыгрываются ночью при свете луны. Не случайно лейтмотивом туалета Воробьянинова становится «лунный жилет» [17. С. 23]. Именно в городском саду города N, в центре которого стоит памятник Жуковскому, Ипполит Матвеевич предается мечтаниям о возвращении к былой жизни. И именно в лунном свете вещи начинают представляться ему не тем, чем являются на самом деле:

Ипполит Матвеевич бродил по саду, натываясь без пенсне на скамьи, принимая окаменевшие от ранней весенней любви парочки за кусты, а сверкающие под луной кусты принимая за бриллиантовые кущи [17. С. 38].

Жуковский представлен в романе не только как образцовый «придворный» поэт, но и как поэт-романтик, балладник. Образ Жуковского имеет несколько проекций: первая – «имперская» – распространяется на И.М. Воробьянинова и других «старорежимных» персонажей, вторая – романтическая – на О.И. Бендера, третьей – балладной – пронизана вся повествовательная ткань романа. В отношении упоминаний конкретных произведений поэта в романе характерна та же многоплановость. В «Двенадцати стульях» встречаются реминисценции официального гимна «Боже, царя храни» [17. С. 353], романтического «Камозэнса» [17. С. 33] и баллады «Эолова арфа» [17. С. 305].

Появление в романе бюста Жуковского наряду с упоминанием российских императоров представляется вполне закономерным. Главный поэт Отечественной войны 1812 г., «историк и идеолог николаевского царствования» [22], автор национального гимна [23], наставник Александра II как нельзя лучше подходил для олицетворения уходящей эпохи, т.к., не являясь в бук-

вальном смысле членом императорской семьи, он сделался ее символом. По словам Р.С. Уортмана, «семья великого князя Николая стала для него (Жуковского. – Е.А.) идеалом домашнего счастья. Жуковский обратил свою риторику сентиментализма на службу дому Романовых, создавая будущему императору образ добропорядочного семьянина и тем самым утверждая культ династической семейственности» [24. С. 247–248]. Более того, «как и для многих его друзей и поклонников, спасением от неприглядных реалий государственной жизни было для Жуковского полное саморастворение в царе, самоидентификация с правителем» [24. С. 251].

В полном варианте «Двенадцати стульев» содержался эпизод празднования трехсотлетия дома Романовых, состоявшегося в 1913 г.:

В старгородской газете «Ведомости градоначальства» появился ликующий стишок, принадлежащий перу местного цензора Плаксина:

Скажи, дорогая мамаша,
Какой нынче праздник у нас,
В блестящем мундире папаша,
Не ходит брат Митенька в класс?

Брат Митенька не ходил в класс по случаю трехсотлетия дома Романовых. И папаша – действительно в блестящих мундирах и просторных трехуголках – катили на пролетках к стрельбищному полю, на котором назначен был парад частей гарнизона, кадетского корпуса и казенных гимназий [17. С. 72].

Любопытно, что подобные стихи писал в 1913 г. и В.П. Катаев – родной брат Е. Петрова-Катаева и друг И. Ильфа-Файнзильберга. Финальные строки его стихотворения открыто перекликаются с гимном Жуковского «Боже, царя храни» (в одной из версий – «Молитва русского народа»).

Взошла для нас заря.
Колени преклоняя
И в любящей душе
Молитву сотворяя:
Храни, Господь, Россию и царя [1. С. 38].

Вероятно, что в кругу близких знакомых Ильфа и Петрова этот подтекст не был секретом. Изъятые из окончательного варианта романа главы «Бойкий мальчик» и «Продолжение предыдущей» раскрывали особенности психологии и образа жизни Воробьянинова и людей его круга. Перечень многочисленных знаков ушедшей царской эпохи в окончательной редакции романа был сокращен. Так, например, были изъятые эпизоды падения бюста Александра I в гимназии, празднования трехсотлетия дома Романовых и др. В опубликованном варианте «Двенадцати стульев» реминисцентное поле империи Романовых, сократившись, свелось, по сути, к одному образу – В.А. Жуковского.

«Жуковский текст» в романе не исчерпывается его ролью «особы, приближенной к императору» и проекциями в сторону Ипполита Матвеевича. Так, второй ложной парой для Бендера, помимо Воробьянинова, становится другой представитель (вернее, представительница) старого режима – мадам Грицацуева, образ которой создан с привлечением элементов балладной поэтики с устойчивыми мотивами гаданий на суженого, свадьбы/похорон,

мертвого жениха/мужа, стремительной скачки/бега, гроба/замкнутого помещения (ср. сюжет «Светланы» Жуковского). На связь с балладным жанром указывает и то, что в сюжете романа балладно-пародийная история мадам Грицацуевой-Бендер плавно перетекает в сюжет о поэте Ляписе-Трубецком, в творчестве которого этот жанр также травестируется.

Другое направление реализации «Жуковского кода» связано с романтизированным образом Остапа Бендера. На его романтический генезис указывают не только тип поведения, но и некоторые характерные признаки, такие как «наполеоновская» татуировка или турецкая фамилия. В.В. Худяков выдвинул гипотезу, возводящую происхождение фамилии Бендера к названию бывшей турецкой крепости Бендеры¹. Главными аргументами, высказанными исследователем, являются, во-первых, очевидное созвучие топонима и антропонима, во-вторых, лейтмотив полутурецкого происхождения главного героя («мой папа был турецкоподданный»), в-третьих, топографический намек – появляющаяся на страницах «Двенадцати стульев» Жоржетта Тираспольских и переход Остапом советской границы в финале дилогии неподалеку от Бендер и Тирасполя [26. С. 84–85]. Однако в истории русской литературы город Бендеры известен не только в связи с легендой о пушкинском авторстве замысла «Мертвых душ» Н.В. Гоголя². Не менее популярный «бендерский» сюжет связан с полутурецким происхождением Жуковского: при взятии крепости Бендеры попала в плен и была вывезена в Россию его мать – турчанка Сальха [27. С. 7 второй пагинации]. В этом смысле мотив полутурецкого происхождения Остапа Бендера также может быть обязан своим происхождением широко известной в литературных кругах истории жизни Жуковского³.

Полигенетизм образа Бендера, соединившего в себе, с одной стороны, романтическую, демоническую традицию, а с другой – авантюрную, плутовскую, неоднократно отмечался исследователями [28. С. 23]. В России эти литературные линии связаны, прежде всего, с именами Жуковского и Гоголя. Именно их произведения включаются в ассоциативно-интертекстуальное поле романа и проецируются на советскую действительность. По наблюдению Ю.К. Щеглова, в основе образа Бендера лежат «“фамильные” признаки, в том числе и потенциальные, т.е. такие, которыми он *мог бы* обладать или даже обладает, но в недо воплощенном или размытом виде» [28. С. 23]. К их числу, вероятно, и относится «бендерский» код в романе⁴.

Итак, «Жуковский код» в «Двенадцати стульях» реализован как непосредственно, так и в виде перевертышей, созданных советской эпохой: бюст поэта эквивалентен бюст заведующего кооплавкой (затем предусмотрительно изъятый из романа), балладнику Жуковскому – балладник Никифор Ляпис-

¹ А позднее и, думается, независимо от него в схожем ключе высказался А.Д. Вентцель – (см.: [25. С. 378–379]).

² Кстати, роман начинается именно с того, что в городе N никто не умирает, как по пушкинской легенде в Бендерах.

³ Так, в литературных кругах Одессы на рубеже 1910–1920-х гг. были распространены слухи о внебрачном и полутурецком происхождении Мити Ширмакера, ставшего затем одним из прототипов образа Остапа Бендера [9. С. 36].

⁴ Прямым источником фамилии главного героя стали, вероятно, многочисленные одесские Бендеры (см.: [9. С. 17]).

Трубецкой, «первому русскому романтику» – «романтик» Остап Бендер. Эти повествовательные пары не укладываются в упрощенную схему «хорошо – плохо», «должное – недолжное», а, скорее, фиксируют ситуацию слома культур. «Жуковское» находится в одном смысловом поле с уходящей имперской культурой, включающей классическую русскую литературу и систему взаимоотношений «поэт – царь». Советский дискурс в романе, напротив, соответствует пришедшим ей на смену социальным и идеологическим веяниям, обусловившим, в частности, общую демократизацию культуры и становление нового типа отношений с властью. Наиболее ярко эти два социально-исторических этапа представлены в памятниках: литературных, насыщающих сюжетную ткань романа, и скульптурных, размечающих его историко-географическое пространство.

Литература

1. *Лурье Я.С.* В краю непуганых идиотов: Книга об Ильфе и Петрове. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2005.
2. *Липовецкий М.* Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М.: Новое лит. обозрение, 2008.
3. *Паперный В.* Культура «Два». М.: Новое лит. обозрение, 1996.
4. *Петров Е.* Из воспоминаний об Ильфе [Электронный ресурс] // Сб. воспоминаний об И. Ильфе и Е. Петрове. М.: Сов. писатель, 1963. URL: http://lib.ru/ILFPETROV/vospominaniya.txt_Ascii.txt (дата обращения: 19.06.2012).
5. *Мунблит Г.* Илья Ильф [Электронный ресурс] // Сб. воспоминаний об И. Ильфе и Е. Петрове. М.: Сов. писатель, 1963. URL: http://www.gramotey.com/?open_file=1269064409#ТОС_id1195783 (дата обращения: 24.05.2012).
6. *Лищина Т.* Веселый, голодный, худой [Электронный ресурс] // Сб. воспоминаний об И. Ильфе и Е. Петрове. М.: Сов. писатель, 1963. URL: http://www.gramotey.com/?open_file=1269064409#ТОС_id1195783 (дата обращения: 24.05.2012).
7. *Ардов В.* Чудодеи [Электронный ресурс] // Сб. воспоминаний об И. Ильфе и Е. Петрове. М.: Сов. писатель, 1963. URL: http://www.gramotey.com/?open_file=1269064409#ТОС_id1195783 (дата обращения: 24.05.2012).
8. *Ильф И.* Записные книжки: Первое полное издание художественных записей / сост., предисл. и коммент. А.И. Ильф. М.: Текст, 2008.
9. *Ильф А.И.* Илья Ильф, или Письма о любви: Неизвестная переписка Ильфа: биогр. очерк; коммент. М.: Текст, 2004.
10. *Варакин А.* Где и когда родился Остап Бендер? // Лит. Россия. 1997. № 38. С. 8–9.
11. *Саатчан Г.Р.* Ильф и Петров в гоголевской шинели: заметки читателя-источниковеда // Народ и власть: исторические источники и методы исследования. М.: ИАИ РГГУ, 2004. С. 311–314.
12. *Соколянский М.Г.* О гоголевских традициях в дилогии И. Ильфа и Е. Петрова // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2009. Т. 68, № 1. С. 38–44.
13. *Заварницына Н.М.* Герой-авантюрист: традиции гоголевской сатиры в прозе 20–30-х гг. XX в. (на примере романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев») // Н.В. Гоголь и языки культуры. Самара: Самар. гос. акад. культуры и искусств, 2009. С. 108–122.
14. *Наривская В.Д.* Евгений Онегин как самоидентификация Остапа Бендера // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 112–121.
15. *Барский О.В.* Код Жуковского – Пушкина в «Двенадцати стульях» И. Ильфа и Е. Петрова // Вопросы филологии и журналистики. Омск: Изд-во ОмГА, 2008. Вып. 3. С. 23–28.
16. *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Москва Ильфа и Петрова («Двенадцать стульев») // Лотмановский сборник. Т. 2. М.: Изд-во РГГУ: ИЦ-Гарант, 1997. С. 743–761.
17. *Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев: Первый полный вариант романа с комментариями М. Одесского и Д. Фельдмана. М.: Вагриус, 1999.
18. *Зорин А.Л.* Послание «Императору Александру» В.А. Жуковского и идеология христианского универсализма // Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла...: Русская литература и государ-

ственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое лит. обозрение, 2001. С. 267–295.

19. *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок: роман; коммент. Ю.К. Щеглова. М.: Панорама, 1995.

20. *Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 259–367.

21. *Янушкевич А.С.* Мотив луны и его русская традиция в литературе XIX века // Роль традиции в литературной жизни эпохи: Сюжеты и мотивы. Новосибирск, 1995. С. 53–61.

22. *Гузаиров Т.* Жуковский – историк и идеолог николаевского царствования. PhD диссертация. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007.

23. *Киселева Л.Н.* Карамзинисты – творцы официальной идеологии (заметки о российском гимне) // Тыняновский сборник. М.: Кн. палата, 1998. Вып. 10. С. 24–40.

24. *Уртман Р.С.* Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

25. *Вентцель А.Д.* И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев», «Золотой теленок»: Комментарии к комментариям, комментарии, примечания к комментариям, примечания к комментариям к комментариям и комментарии к примечаниям / предисл. Ю. Щеглова. М.: Новое лит. обозрение, 2005.

26. *Худяков В.В.* Афера Чичикова и Остап Бендер // В цветущих акациях город: (Бендеры: люди, события, факты). Бендеры: Полиграфист, 1999. С. 83–85.

27. *Зейдлиц К.К.* Жизнь и поэзия В.А. Жуковского. 1783–1852: По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб.: Изд. редакции «Вестника Европы», 1883.

28. *Щеглов Ю.К.* Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009.

УДК82-311.6Шаров
DOI 10.17223/19986645/21/8

И.В. Ащеулова

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА В. ШАРОВА В КОНТЕКСТЕ
РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XX – НАЧАЛА XXI в.**

В статье рассматриваются ближние (русская постмодернистская альтернативно-историческая проза и историко-альтернативная русская фантастика) и дальние (различные типы русского реалистического исторического романа 1920–30-х и 1960–80-х гг.) контексты постмодернистской исторической прозы В. Шарова. Обнаруживается точка пересечения контекстов – отношение исторического повествования к документу, описывающему событие истории. Выдвигается гипотеза о существовании прозы В. Шарова на пересечении реалистического и постмодернистского дискурсов.

Ключевые слова: Шаров, историческое повествование, документ, событие, реалистический исторический роман, постмодернистский альтернативно-исторический роман.

В современном российском литературном процессе В. Шаров занимает заметное место, привлекая внимание как критиков, так и ученых-литературоведов, характеризующих его как интеллектуального писателя, стремящегося к философскому осмыслению русской истории с позиции исторической альтернативы, возможного допущения иной версии развития истории. Первые романы Шарова «След в след» (1991), «Репетиции» (1992), «До и во время» (1993) выразили тенденцию пересмотра и деконструкции советской и русской истории. Проза рубежа 1980–1990-х гг. («Палисандрия» (1985) Саши Соколова, «Роммат» (1990) В. Пьецуха, «Остров Крым» (1977, 1981) В. Аксенова, «Чапаев и Пустота» (1996) В. Пелевина, «Борис и Глеб» (1997) Ю. Буйды и др.) формирует скептическое отношение к мифам и клише советской истории и деконструктивистскую поэтику постмодернистского исторического романа. Последующие романы В. Шарова («Мне ли не пожалеть...» 1995, «Старая девочка» 1998, «Воскрешение Лазаря» 2003, «Будьте как дети» 2007), продолжая стратегию альтернативного исторического повествования, свидетельствуют о более глубокой задаче, нежели разрушение социальных мифов. Определяя отношение к русской традиции исторического повествования, Шаров в нескольких интервью упорно возражает против отнесения его прозы как к исторической, так и к альтернативно-исторической, квазиисторической, псевдоисторической. «Это, точно, не историческая проза, по-моему, и писать, и читать ее не интересно. И это, безусловно, не альтернативная история» [1. С. 191]. «Это романы-притчи. Притча, расплывчатая метафора, позволяющая понять многое из того, что в стране было и есть, то, что не на поверхности, подосновы взаимоотношений людей» [1. С. 191]. «Для меня роман – модель, образ XX века (мне хочется на это надеяться), способ познания души истории, а исторический роман лишь имитирует историю» [2]. «Я в принципе не люблю историческую прозу. <...> И поползновений писать такую прозу у меня никогда не было, сама идея реконструкции мне не

близка» [3]. Однако в подобных высказываниях обнаруживается не только несогласие с критикой, но и возможность обнаружения авторской стратегии. Как писателя исторического повествования Шарова интересуют живые люди и их судьбы в контексте истории, люди, увлекающиеся идеями и пытающиеся воплотить их в реальность, оставляющие письменные и устные свидетельства, которые становятся неустеребованными документами эпохи. Создавая вымышленные судьбы людей в реальных исторических событиях, Шаров выстраивает модели истории, воспринимаемые им как метафоры и притчи, служащие для объяснения хода истории. Писатель ищет варианты, способные открыть истинный онтологический смысл истории, в котором он сомневается. Романы Шарова формируют единый текст писателя о вариантах русской истории и поэтому прочитываются в контексте постмодернистской исторической прозы. Однако понять «исторический текст» Шарова невозможно вне более широкого контекста русской исторической прозы второй половины XX в., развивавшейся в разных направлениях.

Традиции русской психологической исторической прозы XIX в., ставившей в центр повествования человека (как субъекта и как свидетеля истории – линия пушкинских «Бориса Годунова» и «Капитанской дочки»), равно как и традиции эпического исторического повествования (условно – линия гоголевского «Тараса Бульбы»), не были отброшены модернистской прозой на исторические сюжеты начала XX в. Однако в этот период появляются образцы символистского «романа философии истории» (Л. Колобаева), примером которого служат романы Д. Мережковского. В 1920–1930-е гг. историческая проза активизировала прежде всего поэтику исторического повествования, «освещающего прошлое с точки зрения исторической преемственности» [4. С. 3]. Романы эпической направленности, исследующие революционные выступления народа в истории, историко-революционные романы А. Чапыгина «Степан Разин» (1926), «Повесть о Болотникове» Г. Шторма (1929), «Петр Первый» А. Толстого (1929–1934), «Емельян Пугачев» В. Шишкова (1935–1945), формировали новую художественную и идеологическую парадигму социалистического реализма. В жанровой парадигме литературы 1920–1930-х гг. эти романы заняли важное место, так как раскрывали сущность классовой борьбы прошлого, показывали реального исторического героя «из народа». По мнению исследователей Н.С. Выгона и Л.А. Трубиной, «мета-сюжет русской исторической прозы 20–30-х гг. – власть и народ в ситуации исторического перелома — объединяет, несмотря на различие историософских концепций, советскую литературу и литературу русского зарубежья единой художественной задачей: осмыслить пути послереволюционной России и феномен революции в истории» [5. С. 103]. Вместе с тем историко-биографические, психологические романы Ю. Тынянова «Кюхля» (1925), «Смерть Вазир-Мухтара» (1927) и О. Форш «Одеты камнем» (1925), «Современники» (1926), «Радищев» (1934–1937) восстанавливали классическую традицию изображения исторической личности как «частного человека» в исторической эпохе. Чаще всего это романы об интеллектуальных предшественниках революции 1917 г., русских интеллигентах: декабристах, народниках и писателях. Обращаться к прошлому писателей заставляли как поиски корней исторических потрясений XX в. («исследовать истоки развернувших-

ся на их глазах конфликтов, понять их закономерности и движущие силы» [5. С. 71]), так и поиски исторических аналогий для понимания современности. Среди исторической прозы, предвещающей прозу рубежа XX–XXI вв. нельзя не назвать и игровую, экспериментальную, гротесковую прозу на историческом материале. В романах «Подпоручик Киж» (1927) и «Восковая персона» (1931) Ю. Тынянов обращается к приемам гротеска, фантазмагии, метафоричности. Основой сюжета становятся анекдоты эпохи Павла I и Петра I, символизирующие гротесковый и мистический характер государственной власти, отрицающей значение жизни конкретного человека и утверждающей силу бумаги, фантома, деспота. Форма анекдота становится для Тынянова возможностью передачи «сущности деспотического, тоталитарного государства, в котором человек – помеха» [5. С. 85].

В это же время в русском литературном зарубежье к историческому повествованию обращается М. Алданов. В наиболее известных романах: тетралогии «Мыслитель» (1921–1927), цикле «Ключ», «Бегство», «Пещера» (1928–1936), романе «Самоубийство» (1957) – писатель предпринимает попытку изучить истоки русской революции. По мнению авторитетного исследователя творчества М. Алданова Т.И. Дроновой, «в его исторических романах сюжет определяется не столько развитием событий и характеров, сколько движением мысли и столкновением идей. При этом писатель отказывается от прямого высказывания собственных взглядов, обращаясь к игровой поэтике повествования» [6. С. 56]. Отсюда ирония в романах, определяющая как художественную структуру, от стилистики до философских споров персонажей, так и мироощущение писателя, его взгляд на историю и место личности в ней. Ирония рождает скепсис по отношению к «суду истории», история предстает как набор повторяющихся, разыгрываемых сцен («театр истории»), историей управляет Случай. Алданов дает нравственно-философскую оценку истории, что рождает особый историзм писателя и жанровую природу его романов, с ярко выраженным авторским интеллектуальным началом. Алданов продолжает традицию философского осмысления истории, заложенную Толстым, и открывает возможность личностного, субъективного постижения истории, что проявится в историческом повествовании второй половины XX в.

Разные поэтики прозы на материале прошлого проявились в 1960–1970-е гг., когда новый социальный перелом вызвал интерес к разной проблематике прошлого: роль традиций национального уклада в историческом времени, роль идей (консервативных и преобразовательных) в социальной жизни, последствия разного персонального самоопределения личности в меняющихся исторических обстоятельствах, столкновение массового (народного) и личностного сознания в социальных коллизиях, столкновение личностного самоопределения и власти, общее и вариативное в истории разных социумов и т.д. Ведущими повествовательными формами этого периода становятся: социально-аналитический роман эпопейного типа (Д. Балашов. «Государя Московские» (1975–1997); Н. Задорнов. «Цусима» (1971), «Сидома» (1975), «Хэда» (1979); А. Солженицын. «Красное Колесо»; панорамный роман-хроника (романы В. Пикуля); историко-документальный роман-жизнеописание (Н. Эйдельман. «Апостол Сергей» (1975), «Большой Жанно» (1982); В. Савченко. «Тайна клеенчатой тетради» (1976), «Власть разума»

(1982); Я. Гордин. «Хроника одной судьбы» (1980); Ю. Помпеев. «Февральский вихрь» (1985); Ю. Трифонов. «Отблеск костра» (1965); Ю. Давыдов. «Герман Лопатин, его друзья и враги» (1984); интеллектуальная историческая проза: философский роман-притча (Б. Окуджава. «Глоток свободы» (1970), «Свидание с Бонапартом» (1979–1983); авантюрно-исторический роман (Б. Окуджава. «Путешествие дилетантов» (1971–1977); психологический роман-притча (В. Шукшин. «Я пришел дать вам волю» (1971); нравственно-философский роман-расследование (Ю. Трифонов. «Нетерпение» (1973); Ю. Давыдов. «Две связки писем» (1982); «Глухая пора листопада» (1969), «Судьба Усольцева» (1973), «Завещаю вам, братья» (1975), «Соломенная сторожка» (1972–1982)¹.

Появление альтернативной версионной прозы В. Сосноры (исторические повести «Державин до Державина», «Спасительница Отечества», «Две маски» (1968) и В. Аксенова («Остров Крым», 1977, 1981) ознаменовало принципиальный конструктивный слом в художественном воплощении истории, прежде всего текстовую природу знаний о прошлом. Можно сказать, что познание национальной модели истории было связано с поиском вариантов исторического развития (например, в романах Балашова о возможности тверского, а не московского пути России, в романе Шукшина о несостоявшемся варианте народного царства воли, в романе Аксенова о возможности европеизации и капитализации постреволюционной России), однако историческое повествование создавало авторский миф, хотя бы и противоположный официальным историческим мифам. Психологизм исторической прозы открывал экзистенциальную проблему выбора исторического поступка как реальной исторической личностью, так и частным лицом прошлого времени, однако вариативность ограничивалась столкновением разных точек зрения на время, разных субъективных версий исторических событий, документально подтверждённых, но лишённых полноты понимания (например, «Свидание с Бонапартом» Б. Окуджава, «На скаковом поле» Ю. Давыдова).

Историческая проза второй половины XX в. исследовалась с нескольких позиций: теоретическое осмысление жанра исторического романа, генезис, периодизация и классификация; тип героя, актуализация исторического материала. Проза В. Шарова, проявляя постмодернистскую эстетику, может быть изучена и в аспекте реалистических форм исторической прозы, поскольку смешивает разные дискурсы (нередко стилизуя повествовательные формы) и разные жанровые модели, становясь то повествованием о народном жизнестроительстве, то судьбой личности в обстоятельствах прошлого, то реализацией исторических идей прошлого, не реализованных в действительности.

¹ Типология исторического романа — одна из актуальных проблем современного русского литературоведения. Т.И. Дронова вычленяет три типа повествований: «собственно историческую прозу» (романы Д. Балашова), «роман о прошлом, ищущий ответа на современные вопросы в толще истории» (В. Шукшин), «параболические повествования, построенные на историческом материале» (Б. Окуджава). И.П. Варфоломеев определяет как важнейшие типы историко-реалистический, историко-романтический, историко-очерковый романы. И.Т. Изотов выделяет историко-биографический, роман-эпопею, военно-исторический, социально-исторический. В.Д. Оскоцкий рассматривает социально-аналитический роман, тяготеющий к эпопее, исторический бытописательский роман, философско-психологический роман-притчу, романтический роман. В обзоре мы попытались учесть все тенденции.

Аспектом исследования, позволяющим обнаружить схождения и расхождения реалистической исторической прозы 1970–1980-х гг. и прозы Шарова, может быть проявляющееся в тексте и в образном мире (экстра-, интра- и метадиегетически, по Женетту) соотношение исторического события и документа, его описывающего. Проблема объективности и субъективности в описании исторического факта всегда стоит, но по-разному решается как историками, интерпретирующими документальное подтверждение факта, так и писателями, создающими фикционный образ исчезнувшей реальности по документальным (текстовым) источникам. Любой текст, в том числе и документ, – это субъективная версия события, даже если писатель принимает позицию неангажированного отношения к документу и сталкивает множество документальных свидетельств (так были наполнены множеством разных «голосов», мнений, закреплённых текстами, исторические романы Ю. Трифонова, Ю. Давыдова, Б. Окуджавы). Если проза 1970–1980-х гг. избегала тенденциозной селективности, то последующая проза поставила под сомнение возможность извлечения истинных сведений из документа о прошлом событии. Отказ от селекции неизменно подводил к неиерархичности. Так, в постмодернистских романах на историческую тему документ и документальный облик личности отрицается, Чапаев в романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота» (1996) предстает последним мистиком XX в., человеком утонченным, загадочным, не имеющим ничего общего с советским образом Д. Фурманова и братьев Васильевых. В романе В. Пьецуха «Роммат» (1990) документальные источники не отрицаются, но полностью переосмысливаются, часто прямо противоположно официальной точке зрения толкуют судьбы декабристов и происходящие события. В этом смысле Шаров более близок реалистическому историческому дискурсу. Он не отрицает ценность документа, «голос» истины, но предполагает наличие скрытых, возможных документов, не менее ценных для понимания движения истории. С помощью документа той или иной эпохи писатель выстраивает авторскую модель истории, используя нереалистические приемы мистификации, эксперимента, гипотезы, гротеска, иронии. О подобной художественной стратегии писал в 1970–1980-х гг. критик В. Кардин, анализируя романы Ю. Семенова, В. Богомолова, Ю. Давыдова, Ю. Трифонова, Б. Окуджавы. «Историческая романистика наших дней тяготеет к документу, к достоверности, но не отрекается от вымысла, иногда и вымышленных персонажей. Нет раз навсегда закреплённой пропорции между документом и продолжающим его домислом. Нет и быть не может. Есть органическое соединение документа с беллетристикой, именуемое документально-художественной прозой. <...> Прием «достоверной выдумки» давно уже отвоевал себе место в художественной документалистике вообще» [7. С. 235]. Кардин допускает и прием стилизации, и прием мистификации в исторической прозе, если эти приемы направлены на определенное авторское задание – изобразить психологию, жизненную идею исторического лица, приблизить его к современности. Шаров преследует цель через вымышленный документ, мистификацию события и исторической личности воссоздать модель развития истории, воскресить идеи и поступки людей. Как и Трифонова, Давыдова, Окуджаву, Шарова интересуют живые люди в истории, от которых, к сожалению, не осталось никаких следов.

Отношение к закреплённому в текстах или в преданиях историческому факту рождает проблемы, связанные с отношением к тексту/текстам о нем, вопросы о подлинности зафиксированного в тексте факта или о его мистификации; вопросы о полноте описания события-факта; вопросы о соответствии факта и его трактовки в документе-тексте; вопросы о границах интерпретации фактов, событий, текстов читателем-историком, пишущим новый текст о факте (или мистифицированном событии). Для русской исторической прозы 1960–1980-х гг. эти проблемы были значимы как необходимость преодолеть иллюзию абстрактного знания прошлого, а не только советские «тексты»-мифы о прошлом. Изменения картины мира и концепции человека побуждают к аналитическому изображению как настоящего, так и прошлого. Документ может стать основой, а может быть только толчком для реконструкции события, пропущенного через психологию исторической личности и нескольких личностей. Художник-аналитик стремится допускать минимальную долю художественного домысла (Н. Эйдельман, Д. Балашов, Ю. Давыдов в романе «Герман Лопатин, его друзья и враги») и искать разную ценностную оценку события прошлого и персонажа прошлого. Документ является только отправной точкой для авторских размышлений, подчас субъективных, касающихся интерпретации исторических проблем, исторически подтверждённых поступков, их последствий в историческом процессе. В данном случае сюжет внешне связан с документами эпохи (протоколы допросов декабристов в романе Б. Окуджавы «Бедный Авросимов», директивы Троцкого, протоколы суда в «Старике» и документальные свидетельства в «Нетерпении» Ю. Трифонова, кружок С. Нечаева в романах Ю. Давыдова), но становится философским размышлением писателя о психологии поступка человека той эпохи, в которой жил человек, а также о значимости поступка человека прошлого для современности – значимости результатов и значимости нравственного урока.

Не менее важным сюжетным событием, каким остаётся исторически произошедшее событие, в современном романе оказывается интерпретация события-факта повествователем, писателем-историком, без альтернативного домысливания, но с возможностями обрести истинный смысл, скрытый в документе. Обращение к истории, документально подтверждаемой, обусловлено попытками понять настоящее. Поэтому позиция автора-аналитика во многом субъективна, усиление субъективности и даже эссеизма отмечают в современной исторической интеллектуальной прозе многие исследователи (Н.М. Щедрина, Т.И. Дронова, Л.М. Чмыхов). Центральное место занимает не подчинённая исторической хронологии причинно-следственная связь событий, фактов, а авторский сюжет разгадывания мотивов, причин, последствий, стоящих за фактом. Однако в повествовательный дискурс врывается и знание автора из перспективы другой эпохи, и (главное) авторская концепция истории, которая вносит не простую субъективность, не трагизм или иронию в понимании последствий изображаемых событий, но интеллектуализм философского размышления о законах истории (обнаруживающих нелинейность, нетелеологичность истории). Так в сюжетную прозу входит возможность гипотезы, версияности, поскольку события не иллюстрируют документ, не реконструируются по документу, но переосмысливаются, выявляя

универсальные механизмы поведения человека в меняющихся исторических ситуациях.

Скептическое отношение к документу связано с пониманием намеренных искажений в нём, обусловленных политическими, идеологическими, личными причинами. Документ может «лгать», сознательно или бессознательно фальсифицировать историческую действительность, и задача писателя «заглянуть за документ», увидеть иную (легендарную) версию события. Версионное отношение к историческим событиям обнаруживается в поэтике исторических повестей В. Сосноры «Державин до Державина», «Спасительница Отечества», «Две маски» (все 1968 г.).

Наконец, исторический романист может абсолютно не доверять подлинности самого документа, что рождает альтернативные формы исторического романа. Как полагает исследователь Ю.А. Арская, «принципиальное отличие постмодернистского исторического романа от классического в том, что европейская история и культура осмысливаются в нем как единый текст, и авторы рассматривают интересующие их проблемы на всем его протяжении, приходя, как правило, к выводам в духе постфилософии — об отсутствии новизны в истории, об ограниченном количестве исторических сценариев, о несостоятельности детерминизма и прогрессивного мышления в истории. В постмодернистском романе происходит размыкание жанровой структуры исторического романа — средствами пародии, иронии, наличия анахронизмов, смешения вымысла и реальности, отмены причин и следствий, изображения обратного хода истории» [8. С. 22].

Возможны разные формы альтернативного образа исторического прошлого. В. Пелевин отменяет официальный советский образ Чапаева как героя гражданской, народной войны и предлагает альтернативный образ философа-буддиста («Чапаев и Пустота», 1996), увлекшего народ в утопию, в пустоту гармонии. Ю. Буйда выдвигает концепцию самозванства как альтернативную историческую модель развития России («Борис и Глеб», 1997). В. Пьецух устремляется в игру сослагательного наклонения «что было бы, если бы...» («Роммат», 1990) и обнаруживает тотальную фатальность исторического события, невозможность позитивного разрешения декабристских планов. Саша Соколов создает мистификацию и сочиняет новые документы советской эпохи («Палисандрия», 1985), открывая ложь и театрализованность власти и социума. Мистифицируют читателя В. Отрошенко («Персона вне достоверности», 1997), Хольм ван Зайчик («Дело о полку Игореве», 2001), В. Сорокин («День опричника», 2008).

В этом ближнем контексте В. Шаров оказывается на пересечении разных тенденций. Не доверяя подлинности документов (письменным свидетельствам, мемуарам, учебникам), писатель обращается к возможным учениям многочисленных пророков XX в., учивших устно, и находит в них обоснование фактическим событиям. В романах появляются многочисленные «реальные» тексты (философские трактаты, письма, воспоминания, рассказы и повести, записки и т. д.), зафиксировавшие не событийную, а ментальную природу исторических обстоятельств. Выражая нарративный характер истории как «рассказа», «повествования», Шаров мистифицирует тексты (сюжеты их создания, поиска тайных документов), имитирующих скрытые или искажённые

интерпретации исторических событий. Так появляется архив, исчезнувшей в катастрофах XX в., семьи Крейцвальдов в романе «След в след» (1989), архив религиозной секты, ждущей второго пришествия Христа и готовящей историческую мистерию, в романе «Репетиции» (1992), новое Священное Писание, составленное краеведом Александром Трептом в романе «Мне ли не пожалеть» (1995), дневник Веры Радостиной в романе «Старая девочка» (1998), переписка героев в романе «Воскрешение Лазаря» (2003), жизнеописание Ленина 1920-х гг. в романе «Будьте как дети» (2007).

На пересечении этих текстов Шаров выстраивает нарратацию, повествование о возможном ходе известных событий, доказывая возможность отмены официальных или общеизвестных версий исторических событий и биографий исторических деятелей. Альтернативная версия события позволяет образно, а не декларативно развить реализацию авторской концепции русской истории. Предмет художественной интерпретации Шарова – движение от раскола XVII в. к расколам петровского и постпетровского времени и революционному расколу XX в. Историческая проза В. Шарова становится точкой пересечения реалистического и постмодернистского дискурсов.

Шаров не оспорил бы декларацию Ю.Н. Тынянова 1930 г.: «Есть парадные документы, и они лгут. <...> Там, где кончается документ, там я начинаю. Представление о том, что вся жизнь документирована, ни на чем не основано: бывают годы без документов. Кроме того, есть такие документы: регистрируются состояние здоровья жены и детей, а сам человек отсутствует. И потом сам человек – сколько он скрывает, как иногда похожи его письма на торопливые отписки! Человек не говорит главного, а за тем, что он сам считает главным, есть еще более главное. Ну, и приходится заняться его делами и договаривать за него, приходится обходиться самыми малыми документами. Важные вещи проявляются иногда в мимолетных и не очень внушительных формах. Если вы вошли в жизнь вашего героя, вашего человека, вы можете иногда о многом догадаться сами» [9. С. 154]. Тынянов, соответственно своему времени, не отрицал содержательности документа, тем более факта закреплённого в документе события, и говорил не только о праве, но о предназначении художника «заглянуть за документ», дополнить факты и документы смыслом, человеческим пониманием истории и пониманием, даваемым временной перспективой. Историческая проза не иллюстрация документа, но и не мистификация, но интерпретация исторической ситуации, стоящей за документами. Цель интерпретации – определение ценностного смысла возможного и гипотетически подлинного факта, смысла, актуального для интерпретатора, живущего в другой исторической ситуации. Неизбежная субъективность интерпретации преодолевается внаходимостью художника по отношению к изображаемой ситуации. Находясь в другой исторической и экзистенциальной ситуации, художник обретает временную перспективу, и на схождении прошлого героев и настоящего самого автора выходит к надвременной – философской — перспективе, позволяющей прозревать в событии прошлого смыслы, актуальные для настоящего, а в судьбах исторических личностей варианты личностных поступков, свойственных человеку разных исторических эпох, но похожих бытовых, межличностных, ментальных и этических положений. По мнению Б.М. Эйхенбаума, в романе «Кюхля»

(1925) Тынянов подтвердил литературоведческие изыскания художественными приемами, разработанными в структуре повествования: «...книга стала писаться как новая проза – с демонстрацией, с борьбой, с опытами нового стиля и поисками нового жанра» [10. С. 397]. Эйхенбаум выделяет черты нового стиля: описание быта как литературного факта, развертывание «кусковой композиции», отсутствие развития фабулы и авантюристичности, наличие лирической интонации, совпадающей с голосом персонажа, авторский комментарий, введение в повествование подлинных документов и свидетельств (дневники и письма Кюхельбекера, переписка литовского и рижского губернаторов с военным министром), особая смысловая нагрузка диалогов. В следующем романе «Смерть Вазир-Мухтара» (1927–1928) к перечисленному добавляется новый прием — самоанализ героя, внутренняя рефлексия, внутренний монолог при минимальном авторском комментарии. Последний год Грибоедова восстановлен подробно и аллюзивно создает судьбу «гамлетовского» человека, трагически вступившего в конфликт со временем. Художественно интерпретируя документы, «заглядывая за документ», Тынянов выходит к экзистенциальной проблеме исторической прозы, «проблеме личной судьбы и поведения человека в истории, сочетания свободы и необходимости» [10. С. 383].

Эта проблема занимала и М. Алданова, чьи исторические романы посвящены поведению психологии человека в историческом времени (тетралогия «Мыслитель», 1920-е гг.; трилогия «Ключ», «Бегство», «Пещера», 1930-е гг.; «Истоки» и «Самоубийство», 1950-е гг.). Алдановская художественная интерпретация мировой истории опиралась на концепцию исторического индетерминизма: «Случай вершит миром, выбрасывая вверх то и дело глупцов, порою даже преступников, а умные, одаренные волею случая попадают на Олимп редко. Коли жизнь на Земле случайное осложнение слепых, никуда не ведущих, бессмысленных космических процессов, разумно ли искать логику в истории?» [11. С. 102]. Поведение человека в той или иной ситуации обусловлено случайностями, вспышками гнева, сострадания, тщеславия, зависти, и потому он либо подчинялся случаю-обстоятельствам, либо становился их жертвой. «Алданов опирается на представление о двомерности человеческой души, темная, разрушительная сила которой раскрывается в истории» [11. С. 82]. Исторические личности в романах Алданова наделены монструозными чертами (Наполеон, Павел I, Робеспьер, Ленин). Опираясь на исторические документы, Алданов выделяет случайные обстоятельства, выявляющие разрушительные силы в личности. История волею случая проверяет и искушает природу человека, обнаруживая как стихийное, порочное, дьявольское, так и истинное, свободное, божественное. Только за рамками истории, становясь частным лицом, человек начинает анализировать собственные поступки и исторические события (Наполеон в романе «Святая Елена, маленький остров»). Между историей и свободой Алданов выбирает свободу, поэтому реальным историческим личностям противостоят вымышленные персонажи как частные люди (А. Де Бальмен, Сузи Джонсон, Ю. Штааль в «Мыслителе», Мамонтов в «Истоках», Ласточкин в «Самоубийстве»). Не будучи субъектами событий, вызванных стечением случайностей, они становятся независимыми наблюдателями. Автор вводит в повествование их за-

писки, мемуары, письма, дневники, делая частные свидетельства более глубокими свидетельствами истории. Автор не высказывает собственную точку зрения, но использует таких персонажей в качестве выразителей собственных мнений. Так, профессор Муравьев в романе «Истоки» высказывает мысли самого Алданова об историческом процессе как следствии случайностей.

Такой прием выражения авторской концепции свойствен и В. Шарову, который не только выстраивает повествование как рассказы вымышленных частных людей или подлинных исторических деятелей, но отдаёт им идеи не только определенной исторической эпохи, но и собственные версии. Например, в романе «След в след» (1989) один из персонажей Петр Шейкеман создает историософский трактат «Психология русской истории», основные положения которого соответствуют тезисам статьи Шарова «Между двух революций». Шаров отталкивается от эссеизма, свойственного реалистической исторической прозе 1960–1980-х гг., отказывается от сюжета прямой интерпретации документов и наследует приём опосредованного выражения разных версий фактов в голосах персонажей-резонёров.

Экзистенциальная историческая проза 1960–1970-х гг. (Б. Окуджава, Ю. Трифонов, Ю. Давыдов) представляла феноменальность исторических фактов и личностей, но искала сходение, общую направленность, инвариантность человеческого смысла исторических поступков и исторических событий. Для этой прозы характерно не столько сомнение в документе (и в действительности самого события), сколько внимание к документу как недостоверному, но единственному источнику знания о прошлом, требующему не игры в альтернативные варианты события и его толкования, а объяснение причин известного варианта и его последствий, видимых из настоящего: на первое место выходит интерпретация. Интерпретация прошлого позволяла писателям самовыражаться, искать собственную нравственную опору в истории, искать «ответы на современные вопросы в толще истории» [9. С. 5]. По мысли Н.М. Щедриной, в исторической прозе 1960–1970-х «сливаются понятия “истории” и “нравственности”. Закономерна потребность в высоконравственной истории и достойной ее личности. <...> Наряду с повышением уровня философского осмысления истории в жанре современного исторического романа отмечается увеличение интереса к духовным ценностям» [11. С. 92]. Показательны в этом смысле высказывания самих писателей. Б. Окуджава: «В начале своей работы мне пришлось отчаянно балансировать между требованием исторического материала и *моей* современной сутью»; «исторический факт, событие — всего лишь побуждающая причина, во все века и времена главная задача искусства заключалась в том, чтобы рассказать *о своем*» [12. С. 127]. Ю. Трифонов: «...в старых полевых книжках отпечатались эта далекая, взбудораженная, кому-то уже непонятная сейчас жизнь. Зачем же я ворошу ее страницы? <...> они о времени, когда все начиналось. *Когда начинались мы*» [13. С. 97]. Ю. Давыдов: «История, по-моему, удивительная штука. Каждый может переживать по-своему. <...> Возражения, споры, согласия, свои концепции, — история принадлежит каждому из нас... У меня страсть *создать свою версию*» [14. С. 178] (курсив везде мой. — И.А.). Версия как интерпретация события-факта и документа о нем становится отправной точкой в формировании исторического философско-психологического рома-

на во второй половине XX в. Попытаемся выделить основные повествовательные принципы подобного романа.

Н.Б. Иванова, изучая прозу Трифонова, отнесла его исторические романы к историко-документальному жанрово-стилистическому направлению в противовес беллетристическому, стилизаторскому. Она связала такую поэтику не с эстетикой внимания к документу как к свидетельству, а с «недостатком воображения» (о чём Трифонов писал как о собственном писательском изъяне). Повествование и в «Нетерпении», и в «Старике» связано с интерпретацией документов, «поисковой работой сознания, закрепляющей свободное движение мысли от факта к его истолкованию, от реальных деталей — к ассоциации» [15. С. 76]. Свободное истолкование рождает главный конструктивный принцип произведений — монтаж разных времен, что в постмодернистских романах вырождается в коллажность, монтаж различных нарративов.

Прозу Окуджавы Ю. Латынина назвала «историческими фантазиями», полагая, что «открытость вымыслу» позволяет проявить «точное ощущение эпохи, интимное постижение ее». «Б. Окуджава достаточно равнодушен к достоверности внешних деталей. Судьба человека в определенном времени и внутреннее место этой индивидуальной судьбы в цепи событий, составляющих нашу историю, — вот что заботит Окуджаву» [16. С. 240]. Судьба частного человека в романах Окуджавы (Авросимова, Мятлева, Опочинина, Шипова) раскрывает, по мнению Г.А. Белой, серьезнейшие и глубочайшие философские размышления писателя о фактах, событиях, закономерностях русской истории, что, в свою очередь, позволяет Окуджаве сформировать собственную концепцию («представления о жизни») [17. С. 12–13], раскрывающую смыслы человеческого существования в любой исторической эпохе. Критериями подлинной жизни становятся порядочность, наличие поступка, самостоятельность суждений, т.е. те качества, что определяются не конкретной исторической эпохой, а нравственностью человека. Факт и документ для Окуджавы — это поле исследования человека, его поведения в истории. Окуджава, вводя документы в художественное повествование, включается в игру-интерпретацию документов в поиске личностных поступков, устремлений, которые были созвучны и прошлому, и современности автора. Повествование ведется с точки зрения частного человека, не участника, но свидетеля событий, отсюда лиризм, психологизм, отсутствие пафоса, ирония, т.е. субъективность в оценке событий, и даже элементы фантазмагии, игры, смешения различных дискурсов. Ю. Давыдов в романах 1960–1980-х гг. («Глухая пора листопада», 1969; «Судьба Усольцева», 1973; «Завещаю вам, братья», 1975, «Соломенная сторожка», 1972–1982; «Две связки писем», 1982; «Герман Лопатин, его друзья и враги», 1984) обращается к народовольчеству как духовному феномену в русской истории и выявляет в поступках исторических личностей важность критериев нравственности при выборе исторической цели и средств ее достижения. По мнению Т.Л. Рыбальченко, позиция Давыдова заключается в диалогическом отношении к прошлому и свидетельствам о нем: «Диалогическая позиция предполагает вопрошание, личную интенцию автора, экзистенциальную необходимость рефлексии по поводу бытия, свободу постановки проблемы и поиск ответа на вопрос, а не подтасовку фактов под концепцию» [18. С. 246]. «Личная заинтересованность

в решении экзистенциальной проблемы рождает потребность оценки прошлого, учитывающей как можно большее число фактов, возможно, противоречащих друг другу» [18. С. 247]. В 1990-е гг. Давыдов максимально использовал приемы неклассического письма: нелинейность повествования, гипертекстовость, эссеистичность, ассоциативность, ироничность, что приближает позднюю прозу к постмодернистскому дискурсу, но не к постмодернистской эстетике [19].

Названные повествовательные принципы авторов исторической прозы, позволяют утверждать, что они, «заглядывая за документ», прибегали к интерпретации фактов, судеб исторических лиц, используя элементы фантастической, гротеска, иронии, аллюзивности, монтажа времен и событий. Создавая художественные версии событий истории, писатели формировали собственную концепцию истории, которая, что при всех различиях, трагична и пессимистична.

Предтечей постмодернистской исторической прозы можно назвать авангардистские опыты исторической прозы В. Сосноры 1968 г.: «Державин до Державина», «Спасительница Отечества», «Две маски». Задача Сосноры заключается в том, чтобы, во-первых, поколебать уверенность читателя в обладании истиной; во-вторых, изменить представление читателя об историческом событии и, в-третьих, представить собственное понимание смыслов документа, а значит, смыслов свершившегося исторического события. Авторская стратегия Сосноры – опора на автобиографические, мемуарные и документальные источники («Записки» Державина, «Записки» Екатерины, стихи В. Мировича и доклады коменданта Шлиссельбурга Овцына, архивы Шлиссельбургской крепости, протоколы суда, свидетельства современников). Они не вызывают сомнений в подлинности, но грешат «страстью к самоописанию», вводят читателя в круг субъективной мифологизации. Поэтому Соснора предлагает читателю возможность интерпретации, расследования события и ставит не проблему подлинности события, но проблему понимания документов о событии. В процессе столкновения и анализа появляются дополнительные, ранее скрытые варианты понимания события и поведения исторической личности, что меняет семантику исторической значимости события. Историческая проза Сосноры обнаруживает повторяемость исторических ситуаций как ситуаций подавления человека государством. Поэт-авангардист, предвосхищая русских постмодернистов, заговорил о роли слова в документе как хранителе исторической памяти и обнаружил девальвацию понимания документа, показал необходимость прочитывать документ боковым зрением, обнаруживая вариативность исторических смыслов и даже исторических событий.

Для поэтики романов Шарова характерны все те принципы, которые были накоплены исторической прозой XX в., именно исторического романа, а не исторического эпического повествования. Это вариативность сюжетных (исторических) событий, пересечение различных дискурсов, гипертекстуальность (нарушение литейной наррации), характерные для постмодернистской модели истории: ризомность, разнонаправленность вместо линейной каузальности; альтернативность и повторяемость исторических процессов; гетерогенность, т.е. неорганичность процессов в истории, обесмысливание любого телеологического процесса; наконец, замещения истории текстами об

истории. Историк Шаров скептически относится к понятию исторической истины и подлинности документальных свидетельств. В интервью М. Липовецкому Шаров проговаривается, что его интересует «отсутствие бумажки», а не наличие учебников истории. Сюжеты романов писателя поэтому основаны не на разгадывании документов, но и не на мистификации как ёрнической игре. В сюжетах Шаров создаёт не разнообразие точек зрения на события прошлого, зафиксированные в документах, не реконструкцию реальности из документального свидетельства, а мистическую возможность вариативного развития событий, допущение того, как гетерогенные исторические идеи и поступки могли определить ход национальной истории. Событие, документально подтвержденное, только отправная точка повествования, а фокусом изображаемой реальности становятся идеи, определявшие эти события: идея готовности Руси ко второму пришествию Христа, которая отражена в строительстве патриархом Никоном Нового Иерусалима («Репетиции»), идея воскрешения конкретного человека и «текста» его жизни («След в след», «Старая девочка»), идея проверки философского наследия предков («Воскрешение Лазаря»), идея революции как построения на земле Царствия Небесного («До и во время», «Будьте как дети»).

Идея становится сюжетной ситуацией, движущейся тайными или подлинными, но искажёнными документами событий, идея сама трансформируется в реальных исторических условиях. Более всего Шарова интересует утопическая идея Н. Федорова о воскрешении предков, идея о создании на земле Царствия Небесного и достижениирая, идея движения ко второму пришествию Христа, идея о новом крестовом походе и т.п. В отталкивании от официальных документов, в возможности выхода с «исторической магистрали» на боковые тропинки, в тупики, ответвления заложено схождение прозы Шарова с реалистической исторической прозой 1960–1980-х гг. Возможность иного истолкования не только документа, но и события, не простое выдвижение версии, но её художественное развёртывание в нескольких сюжетных романских историях – вот в чём видится связь романов Шарова с реалистическими романами. И цель создания версий событий истории не игровая, цель – поиск духовных импульсов истории, обнаружение диалогических связей между разными временами. Важным инструментом для Шарова остаётся ирония (как пафос и как приём поэтики сюжета, разрушения иллюзий в финале), направленная на повторяемость русской истории, хотя она стремится к цели, идеалу, вечности. Тупиковость повторов проявляется в театральности национальной истории, в разыгрывании одних и тех же ситуаций, в неадекватном распределении ролей. Ирония писателя связана с историческим пессимизмом.

Исторический дискурс современной отечественной литературы и жанр исторического романа на рубеже XX–XXI вв. представлен количественно очень сильно, при этом нельзя говорить о четких жанровых формах современной исторической прозы, что свидетельствует о размывании жанрового содержания при сохранении жанровых формул. Жанр психологического исторического романа представлен мало и слабо: «Недолгий век, или Андрей Ярославович» Ф. Гримберг, «Летоисчисление по Иоанну» А. Иванова. Два мощных жанровых течения доминируют в прозе об историческом прошлом: альтернативно-историческая фантастика (АИФ) и постмодернистская альтер-

нативно-историческая проза (ПАИП), последнее точнее назвать «псевдоисторическая» проза, что связано не с поиском вариантов реальных событий, а с отрицанием истории как реальности. Как охарактеризовал семантику определения «псевдо» М. Эпштейн, это «преступление границ реальности, нарастающее иллюзорности, что характерно для второй половины XX века, постепенное осознание мнимости предшествующих построений» [20. С. 31].

Б. Невский утверждает: «Предметом альтернативно-исторической фантастики (АИФ) являются показ «развилки», ключевого момента, из-за которого история пошла другим путем, или рассказ о последствиях изменения исторического процесса» [21. С. 7]. Критик выделяет два типа АИФ:

а) чистая альтернатива, когда изменение истории происходит в соответствии с известными законами физического мира и формальной логики (например, из-за действий конкретной реальной личности, в результате пошедшего иным путем исторического события);

б) фантастическая альтернатива, когда изменение истории происходит в результате абсолютно нереального, даже сверхъестественного вмешательства (пришельцев из космоса, путешественников во времени, изобретение магии).

По мнению Е. Петуховой и И. Черного, авторов учебного пособия «Современный русский историко-фантастический роман», ««альтернативная история» является наиболее распространенным типом романа в русской исторической фантастике 1990-х годов в двух разновидностях: конспирологический роман, историко-этнографический роман и альтернативно-исторический» [22]. В «чистой» альтернативно-исторической фантастике может действовать как историческое лицо, так и вымышленный персонаж, действия которого приводят к исторической развилке («точке искривления времени»). В альтернативно-историческом фантастическом романе, в отличие от реалистического, предполагается иная онтология – наличие параллельной реальности в прошлом или настоящем; остаётся более радикальное отталкивание от документа, не ограничивающееся его авторской интерпретацией. Примерами альтернативно-исторического фантастического романа могут служить следующие произведения: «Андреевское братство» (1997) В. Звягинцева, роман-цикл К. Булычева «Река Хронос» (1992–2003), роман Р. Злотникова «Русские сказки» (2001), цикл романов А. Валентинова «Око силы» (1996–2010), романы Л. Вершинина «Лихолетье Ойкумены» (1998), «Время царей» (1998), «Иное небо» (1990) А. Лазарчука, «Секунданты» (1995) Д. Трускиновской, «Гравилет «Цесаревич»» (1994) В. Рыбакова.

Постмодернистская историческая проза выразила новое отношение как к прошлому, так и к реальности, поставив под сомнение не только подлинность событий и документов, но и самой реальности. И.С. Скоропанова вписывает прозу Шарова в контекст прозы русского постмодернизма рубежа XX–XXI вв.: В. Пьецух. «Государственное дитя» (1996), А. Королев. «Голова Гоголя» (1992), М. Шишкин «Всех ожидает одна ночь» (1993), Н. Исаев «Теория катастроф» (1994), Ю. Буйда «Борис и Глеб» (1998), В. Пелевин «Чапаев и Пустота» (1996). Всех их объединяет отношение к истории с позиции постисторизма. Постистория – понятие философии постмодернизма, сменившее традиционное «история» и фундированное отказом от линейного видения истории, от логики истории, от реальности истории, восприятием настоящего

как повторяющегося события истории («уже было»). Постисторическое постмодернистское мышление предполагает отрицание линейной концепции времени, отрицание целостности исторического прошлого, однозначной интерпретации события, на месте исторической целостности возникает история-нарратив (нарративная история: А. Тойнби, Рикёр, А. Карр, Ф. Кермоуд) с установкой на интерпретационную плюральность [23. С. 595–596]. В постмодернистских исторических произведениях исчезает объективное повествование, как и цитирование документа: событие прошлого – это всегда чей-то рассказ о нем, «та или иная их версия, включая ссылки на документы и свидетельства очевидцев. Тем самым писатель демонстрирует постмодернистское отношение к историческому знанию как к нарративу, представленному совокупностью самых разнообразных текстов, дающих те или иные, подчас в корне расходящиеся между собой интерпретации описываемого» [24. С. 177].

В. Курицын пишет, что, как все постмодернисты, Шаров «радикально ставит вопрос о текстуальности истории <...> Если оттепельно-перестроечные исторические романы были призваны обнаружить истинный облик истории, убрать из ее описания обман и расчистить искомую верную дорогу к Храму, то постмодернистское сознание рассматривает Историю прежде всего как рассказывание историй, как увлекательный текст – отнюдь не священный, конструируемый по законам художественным, в связи с идеологической надобностью, в ладу с тем или иным психическим расстройством, но никак не имеющий отношение к категории “как это было на самом деле”» [25]. Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий постисторизм постмодернизма называют «постмодернистским квазиисторизмом»: «...либо ищут родство советских исторических мифов с любыми и всякими попытками упорядочить историю всегда, во все времена, либо вообще выходят за пределы “советского мира”, исследуя вопрос об абсурдности истории и исторического сознания вообще и о возможности (точнее, невозможности) “исторической правды” как таковой» [26. С. 116]. А. Немзер рассматривал принцип исторической альтернативы в современной отечественной словесности (В. Пьецух, В. Аксенов, Саша Соколов, Е. Попов, отчасти В. Войнович, Ф. Искандер, Ю. Алешковский) [27] как проявление философской аналитичности литературы.

Шаров, обращаясь к мифам русской и советской истории, демифологизируя их и рассматривая альтернативу как смысл истории, проявляет стратегию постмодернизма. Прошлое оказывается той призмой, через которую можно рассматривать и настоящее, вечно повторяющееся в человеческой истории, лишённой направленности. Шаров обращается к «переходным эпохам», к точкам бифуркации, смещения ценностей и интенций, когда возможно разное развитие ситуации. Далее он представляет разные возможные варианты как реализацию текстов. Во-первых, история предстаёт как попытка выправить реальность по текстам (идеям, идеалам, неизменно иллюзорным, заканчивающимся насилием и крушением замысла), как происходит в романах «Репетиции» (подстраивание реальности под действие мистерии), «Старая девочка» (попытка изменения реальности по тексту дневника героини), «Воскрешение Лазаря» (воплощение утопических идеалов в реальность). Во-вторых, текстовый характер истории проявляется в том, что прошлое предстаёт в различных текстовых свидетельствах, в наборе вариантов, как в рома-

нах «След в след» (хроника рода в текстах его представителей), «Воскрешение Лазаря» (разбирание архива отца). В-третьих, тексты-мистификации становятся основой для новых мифов, материализуются в новых идеях и поступках людей нового времени, случайность в том, что случайно найденные тексты становятся целью, гетерогенной силой, калечащей реальность, или фантастической реальностью.

Восприятие истории как незаконченного нарратива связывает Шарова не только с эстетикой постмодернизма, как уже говорилось, но и с нарративной историей (или «новой историей»), в рамках которой «смысл события трактуется не как фундированный онтологией исторического процесса, но как возникающий в контексте рассказа о событии и имманентно связанный с интерпретацией» [23. С. 491]. Отсюда особое отношение альтернативно-исторического постмодернистского романа (и Шарова, в частности) к документу. Как правило, все писатели этого направления имеют либо историческое образование и ученую степень (В. Пьецух, В. Шаров, В. Пелевин), либо опыт работы с историческими источниками (Ю. Буйда, В. Аксенов).

Изучая документы, становящиеся основой мифологизации истории, писатели предпочитают строить свои версии на так называемых частных документах (письмах, записках, мемуарах), стилизованных под эпоху, выдуманных, мистифицирующих эпоху, но отражающих суть истории как нарратива (story). В этом смысле альтернативности применительно к постмодернистской прозе об истории: вымышленная, художественно обработанная версия события подтверждена рассказами-документами свидетелей, оставшимися неизвестными официальной историографии. В интервью М. Липовецкому Шаров говорит об этом так: «...от тех же большевиков остался огромный корпус источников, документов, в том числе и учебников, по которым мы все учились. Многое осталось и от белого движения, а от проповедников, которые по маленьким городкам, по селам и деревням учили без бумаги и ручки, как в древности, из уст в уста, – мало или почти ничего. Мы же по-прежнему убеждены, что, коли нет бумажки, не было и человека» [28]. Романы Шарова становятся той «бумажкой», что обнаруживает возможные варианты исторических процессов.

К демифологизирующей роли документов в псевдоисторической прозе нужно отнести и демифологизацию национальных идей: о мессианском предназначении России, о духовном преображении материи (федоровская «идея жизни»). Шаров считает постреволюционную современность XX в. закономерным следствием предшествующих кардинальных проектов изменения мира (русский раскол, Петровские реформы).

Таким образом, поэтика романов Шарова соответствует поэтике альтернативно-исторического (псевдоисторического) постмодернистского романа. История (story) предстает как незавершенный текст, состоящий из отдельных нарративов (рассказов), документов-мнений, требующий дешифровки и дополнения. Это определяет структуру романов как разного уровня повествования (система рассказчиков-повествователей и читателей текстов; структура текст в тексте; метатекстовая структура). Наряду с реальным историческим событием изображается псевдореальное (не документированное и не детерминированное) событие, демонстрирующее нелинейность исторического

процесса (ризомность сюжетов). Постмодернистский дискурс проявляется в художественных приемах: игра, ирония, гротеск, фантазмагория, мистификация, интертекст.

«Заглядывая за документ», Шаров не создает параллельный альтернативный мир (как историческая фантастика), но домысливает события, выходя к интерпретации русской истории. По словам писателя, «мир представляется мне столкновением большого количества разных правд. У всех есть свои основания и резоны. Я пытаюсь вернуть огромный пласт жизни или даже чаще просто помянуть миллионы людей, которые жили, рожали детей, воевали и много о чем думали. Большинство из них погибло. Но у них была своя правда, и, какие бы ошметки, ничтожные обрывки от нее ни остались, восстанавливать эту правду необходимо. Иначе мы ничего не поймем в нашей общей судьбе» [29].

В конструктивно постмодернистском романе Шаров продолжает попытки реалистического исторического романа определить в форме поиск исторической истины, смыслов истории. Через мистификацию документов воскрешаются возможные мысли, идеи, судьбы людей, безвозвратно исчезнувших в хаотическом потоке истории. Шаров показывает историю «частным образом», продолжая традиции русской реалистической прозы.

Литература

1. Шаров В. «Я не чувствую себя ни учителем, ни пророком»: Беседу ведет Н. Игрунова // Дружба народов. 2004. № 8. С. 191–198.
2. Шаров В. «Пытаюсь написать душу истории...» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.club366.ru/articales/sharov.shtml> (дата обращения 9.07.2012).
3. Шаров В. «Есть еще история, которая существует всегда, – это история мысли, идей, настроений... Я ее пишу». Творческий вечер писателя в клубе ЖЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/km/anons/club/sharov/sh.html> (дата обращения: 09.07.2012).
4. Пауткин А.И. Советский исторический роман (в русской литературе). М.: Знание, 1970.
5. Выгон Н.С., Трубина Л.А. Русский исторический роман 20–30-х годов // История русской литературы. XX век: в 2 ч. Ч. 2: учеб. для студентов вузов / В.В. Агеносов и др.; под ред В.В. Агеносова. М., 2007.
6. Дронова Т.И. М.А. Алданов // Русская литература XX века: учеб. пособие: в 2 т. / под ред. Л.П. Кременцова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд. центр «Академия», 2005. Т. 2. С. 54–64.
7. Кардин В. По существу ли эти споры? М.: Современник, 1989.
8. Арская Ю.А. История на службе у творчества: некоторые особенности жанра исторического романа в немецком постмодернизме // Судьба жанра в литературном процессе. Иркутск, 2005. С. 13–22.
9. Тынянов Ю.Н. Как мы пишем // Тынянов Ю.Н. Литературный факт. М., 1993. С. 150–157.
10. Эйхенбаум Б.М. Творчество Ю. Тынянова // Эйхенбаум Б.М. О прозе: сб. ст. Л., 1969. С. 380–420.
11. Щедрин Н.М. «Красное колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века. М.: Памятники исторической мысли, 2010.
12. «Минувшее меня объемлет живо...» (Ю. Давыдов, Я. Кросс, Б. Окуджав, О. Чиладзе об историческом романе) // Вопр. литературы. 1980. № 8. С. 124–154.
13. Трифонов Ю. Отблеск костра // Трифонов Ю. Собр. соч.: в 4 т. М., 1987. Т. 4.
14. Давыдов Ю. Наш век – это век Иуды // Знамя. 2000. №2. С. 177–178.
15. Иванова Н.Б. Проза Юрия Трифонова. М.: Сов. писатель, 1984.
16. Латынина Ю. Знаки времени: Заметки о литературном процессе, 1970–80-е годы. М.: Сов. писатель, 1987.
17. Белая Г.А. О Б. Окуджаве // Окуджав Б.Ш. Избр. произв.: в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 3–22.

18. Рыбальченко Т.Л. Роман Ю. Давыдова «Бестселлер»: проблема истины в истории // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 7: Версии истории в литературе XX века / ред. Т.Л. Рыбальченко. Томск, 2005. С. 246–277.
19. Сидоров А.В. Историческая проза Ю. Давыдова 1960–2000-х годов: проблематика и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2009.
20. Эпитейн М. Постмодерн в России: литература и теория. М., 2000.
21. Невский Б. Носик Клеопатры: Альтернативно-историческая фантастика // Мир Фантастики. 2004. № 6. С. 7–11.
22. Петухова Е.И., Черный И.В. Современный русский историко-фантастический роман [Электронный ресурс]. М.: Мануфактура, 2003. URL: http://www.fandom.ru/about_fan/cherny_17_3.htm (дата обращения: 17.10.2012).
23. Постмодернизм: Энцикл. Минск: Книжный Дом, 2001.
24. Скоропанова И. С. Деконструкция исторического нарратива в романе В. Шарова «До и во время» // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 7: Версии истории в русской литературе XX века / ред. Т.Л. Рыбальченко. Томск, 2005. С. 177–190.
25. Курицын В. Русский литературный постмодернизм. Гл. 5: Великие мифы и скромные деконструкции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guelman.ru/slava/postmod/5.html> (дата обращения: 09.07.2012).
26. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература – 1950–1990-е годы: в 2 т. М., 2004.
27. Немзер А. Несбывшееся. Альтернативы истории в зеркале словесности // Немзер А. Замечательное десятилетие. М., 2003. С. 19–42.
28. Шаров В. «Каждый мой новый роман дополняет предыдущие...»: Беседа с М. Липовецким // Неприкосновенный запас. 2008. № 3(59).
29. Шаров В. «Я люблю бумагу...»: беседа с Н. Кирилловым. URL: http://www.chaskor.ru/article/vladimir_sharov_ya_lyublyu_bumagu__13558 (дата обращения: 29.04.2012).

УДК 882–1+840

DOI 10.17223/19986645/21/9

А.Б. Стрельникова

ИЗ НЕИЗДАННЫХ ПЕРЕВОДОВ Ф. СОЛОГУБА: «МАЛЕНЬКИЕ ПОЭМЫ В ПРОЗЕ» Ш. БОДЛЕРА

Статья представляет собой публикацию ранее не издававшихся переводов Ф. Сологуба из «Маленьких поэм в прозе» Ш. Бодлера. Данные переводы хранятся в архиве Ф. Сологуба в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Переводы стихотворений «Чужеземец», «Отчаяние старухи», «Le confiteur de l'artiste», «Толпа», «Шут и Венера», «Собака и духи» являются законченными работами и дают представление об одном из аспектов переводческой деятельности Ф. Сологуба.

Ключевые слова: Сологуб, Бодлер, стихотворения в прозе.

Ф. Сологуб много переводил с французского – из Вольтера, О. де Бальзака, А. де Ренье, Г. де Мопассана, Т. Готье, В. Гюго, П. Верлена, А. Рембо, С. Малларме и др. Хотя в авторской картотеке переводов, обнаруженной в архиве писателя, нет упоминания о Ш. Бодлере, в архивах Ф. Сологуба есть переводы некоторых стихотворений в прозе из «Маленьких поэм в прозе» (позже публиковавшихся под заглавием «Парижский сплин»).

К 1898 г. Ф. Сологубом уже опубликованы три книги: «Стихи, книга первая», роман «Тяжёлые сны» и «Тени» – объединённый сборник рассказов и второй книги стихов. Причин обращения Ф. Сологуба к творчеству Ш. Бодлера на этом этапе творческой деятельности может быть как минимум две.

Во-первых, в 1897 г. Сологуб порывает с редакцией «Северного вестника», в котором начал свою литературную деятельность, из-за разногласий в идейно-литературных вопросах. В декабре 1896 г. вышла статья редактора «Северного вестника» А.Л. Волинского, обличающая декадентов, к числу которых был причислен и Сологуб. Символизм в России стал ассоциироваться с духовностью и высокими идеалами, в то время как декадентство приравнивалось к безнравственности и «упадку». Сологуб напишет ответную статью «Не постыдно ли быть декадентом?», в которой объясняет естественную преемственность между декадентством и символизмом. Во Франции, где зародились эти литературные направления, подобного противостояния не было: «Манифест символизма» Ж. Мореаса (1886 г.), напротив, объединял под знаменем символизма тех, кого именовали декадентами, – Ш. Бодлера, П. Верлена, С. Малларме. Таким образом, работу Ф. Сологуба в начале 1898 г. над переводами из Ш. Бодлера – одной из центральных фигур символизма – можно объяснить внутренней потребностью обращения к литературным первоисточкам.

Примечателен и выбор поэтического произведения. Известность Ш. Бодлеру принес сборник «Цветы зла» («Les Fleurs du mal») 1857 г., появление которого связывают с началом нового этапа в развитии французской поэзии. Однако объектом сологубовского интереса становится сборник «Маленькие поэмы в прозе» («Petits poèmes en prose»), опубликованный посмертно в 1869 г. В состав сборника вошли 50 стихотворений, написанные в период с

1855 по 1864 г. и выходившие при жизни поэта в различных литературных журналах. Сборник «Маленькие поэмы в прозе» (позже «Парижский сплин: Маленькие поэмы в прозе») стал новаторским и по форме, и по содержанию. В нем лиричность сочеталась с афористичностью, циклизация реализовывалась через фрагментарность. Как пишет сам Ш. Бодлер в предисловии к сборнику, это «произведение, у которого нет ни головы, ни хвоста... Удалите любой отрезок – и две половинки этой извилистой фантазии без труда соединятся друг с другом» [1. С. 295]. Новая жанровая форма текстов есть стремление Ш. Бодлера, с его собственных слов, «создать чудо стихотворной прозы, музыкальной без ритма и рифмы, достаточно гибкой и неровной, чтобы приспособиться к лирическим порывам души, к поворотам фантазии, к метаниям совести» [1. С. 295]. Вероятно, эта новаторская форма заинтересовала и Ф. Сологуба: в этом жанре он переводит также из А. Рембо и О. Уайльда.

В начале XX в. «Маленькие поэмы в прозе» стали издаваться на русском языке в переводе А. Александровича [2], М. Волкова [3], Эллиса [4]. Из сологубовских переводов был опубликован только один текст – стихотворение в прозе «Каждому своя химера» [5] (оригинальное «Chacun sa chimère»), что зафиксировано и в авторской библиографии 1909 г. [6]. Остальные переводы не издавались и публикуются впервые со ссылкой на архивы Ф. Сологуба [7], хранящиеся в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН¹.

Тексты печатаются по правилам современной орфографии и пунктуации. Явные опiski автора и опечатки в машинописи исправлены в тексте без оговорок. Заглавия стихотворений воспроизводятся по архивным данным. В каждом случае приводится произведение в оригинале, дается ссылка на архивный источник (номер описи, единицы хранения и листа в скобках), указывается дата перевода (если есть).

L'ÉTRANGER

– Qui aimes-tu le mieux, homme énigmatique, dis ? ton père, ta mère, ta sœur ou ton frère?

– Je n'ai ni père, ni mère, ni sœur, ni frère.

– Tes amis?

– Vous vous servez là d'une parole dont le sens m'est resté jusqu'à ce jour inconnu.

– Ta patrie?

– J'ignore sous quelle latitude elle est située.

– La beauté?

– Je l'aimerais volontiers, déesse et immortelle.

– L'or?

– Je le hais comme vous haïssez Dieu.

– Eh! qu'aimes-tu donc, extraordinaire étranger?

– J'aime les nuages... les nuages qui passent... là-bas... les merveilleux nuages!

[8. С. 7]

¹ Бесконечная благодарность старшему научному сотруднику ИРЛИ РАН М.М. Павловой, всячески способствовавшей организации работы в архиве.

ЧУЖЕЗЕМЕЦ

Из «Маленьких поэм в прозе» Ш. Бодлера

- Кого же ты больше всех любишь, странный человек, скажи? Отца, мать, сестру или брата?
- Нет у меня ни отца, ни матери, ни сестры, ни брата.
- Друзей?
- Не понимаю этого слова.
- Отечество?
- Не знаю, где оно.
- Красоту?
- Да, я охотно полюбил бы ее, будь она божественною и бессмертною.
- Золото?
- Я его так же ненавижу, как вы ненавидите Бога.
- Так что же ты любишь, странный чужеземец?
- Я люблю облака... облака, которые проходят... там... дивные облака!
- [7. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 10–11]

LE DÉSESPOIR DE LA VIEILLE

La petite vieille ratatinée se sentit toute réjouie en voyant ce joli enfant à qui chacun faisait fête, à qui tout le monde voulait plaire ; ce joli être, si fragile comme elle, la petite vieille, et, comme elle aussi, sans dents et sans cheveux.

Et elle s'approcha de lui, voulant lui faire des risettes et des mines agréables.

Mais l'enfant épouvanté se débattait sous les caresses de la bonne femme décrépète, et remplissait la maison de ses glapissements.

Alors la bonne vieille se retira dans sa solitude éternelle, et elle pleurait dans un coin, se disant: – «Ah! pour nous, malheureuses vieilles femelles, l'âge est passé de plaire, même aux innocents ; et nous faisons horreur aux petits enfants que nous voulons aimer!»

[8. С. 8]

ОТЧАЯНИЕ СТАРУХИ

Из «Маленьких поэм в прозе» Ш. Бодлера

Обрадовалась маленькая сморщенная старушка: она увидела ребенка, которого все ласкали и забавляли, – милое существо, слабое, как и она, маленькая старушка, и так же, как она, беззубое и безволосое.

И она подошла к нему, посмеиваясь, с ласковыми ужимками.

Но испугался ребенок доброй дряхлой женщины, и, отбиваясь от ее ласк, завизжал на весь дом.

И добрая старушка вернулась навсегда к своему одиночеству. Она плакала у себя в углу и приговаривала:

– Несчастные мы старушонки, прошло наше время: несмыслёночка полюбишь, – и того напугаешь!

[7. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 16]

LE CONFITEOR DE L'ARTISTE

Que les fins de journées d'automne sont pénétrantes! Ah! pénétrantes jusqu'à la douleur! car il est de certaines sensations délicieuses dont le vague n'exclut pas l'intensité; et il n'est pas de pointe plus acérée que celle de l'Infini.

Grand délice que celui de noyer son regard dans l'immensité du ciel et de la mer! Solitude, silence, incomparable chasteté de l'azur! une petite voile frissonnante à l'horizon, et qui par sa petitesse et son isolement imite mon irrémédiable existence, mélodie monotone de la houle, toutes ces choses pensent par moi, ou je pense par elles (car dans la grandeur de la rêverie, le *moi* se perd vite!); elles pensent, dis-je, mais musicalement et pittoresquement, sans arguties, sans syllogismes, sans déductions.

Toutefois, ces pensées, qu'elles sortent de moi ou s'élancent des choses, deviennent bientôt trop intenses. L'énergie dans la volupté crée un malaise et une souffrance positive. Mes nerfs trop tendus ne donnent plus que des vibrations criardes et douloureuses.

Et maintenant la profondeur du ciel me consterne; sa limpidité m'exaspère. L'insensibilité de la mer, l'immutabilité du spectacle, me révoltent... Ah! faut-il éternellement souffrir, ou fuir éternellement le beau? Nature, enchanteresse sans pitié, rivale toujours victorieuse, laisse-moi! Cesse de tenter mes désirs et mon orgueil! L'étude du beau est un duel où l'artiste crie de frayeur avant d'être vaincu.

[8. С. 9–10]

*Le confiteor de l'artiste*¹

Из «Маленьких поэм в прозе» Ш. Бодлера

Как обаятельны осенние вечера! Ах! Обаятельны даже до печали! Есть в них эти нежные волнения, неясные, но мощные; и нет жала острее твоего, о беспредельность!

Какая великая радость погружать свой взор в неизмеримость неба и моря! Уединение, молчание, несравненная чистота лазури! Парус, трепещущий на горизонте, ничтожный и безнадежно уединенный, как я, однозвучная мелодия волн, все эти предметы мыслят мною, или я ими (ибо в величии мечтаний «я» теряется скоро!); они мыслят, но музыкально и живописно, без ухищрений, без силлогизмов и дедукций.

Однако эти мысли, исходят ли они от меня или извергаются предметами, становятся вскоре слишком напряженными. Энергия упоения создает тягость и положительное страдание. По моим, слишком натянутым, нервам пробегают только кричащие и скорбные колебания.

И теперь небесная глубина ужасает меня, небесная ясность приводит меня в отчаяние. Нечувствительность моря, невозможность зрелища меня возмущают. Ах! Надо ли вечно страдать, или вечно бежать от прекрасного? Природа, немилосердная очаровательница, соперница всегда побеждающая, оставь меня! Перестань искушать мои желания и мою гордость! Постигание прекрасного – такой поединок, в котором художнику быть побежденным – слишком ужасно.

15.02.98

[7. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 40–42]

LES FOULES

Il n'est pas donné à chacun de prendre un bain de multitude: jouer de la foule est un art; et celui-là seul peut faire, aux dépens du genre humain, une ribote de vitalité, à qui une fée a insufflé dans son berceau le goût du travestissement et du masque, la haine du domicile et la passion du voyage.

¹ Приписано рукой Ф. Сологуба.

Multitude, solitude : termes égaux et convertibles pour le poète actif et fécond. Qui ne sait pas peupler sa solitude, ne sait pas non plus être seul dans une foule affairée.

Le poète jouit de cet incomparable privilège, qu'il peut à sa guise être lui-même et autrui. Comme ces âmes errantes qui cherchent un corps, il entre, quand il veut, dans le personnage de chacun. Pour lui seul, tout est vacant ; et si de certaines places paraissent lui êtres fermées, c'est qu'à ses yeux elles ne valent pas la peine d'être visitées.

Le promeneur solitaire et pensif tire une singulière ivresse de cette universelle communion. Celui-là qui épouse facilement la foule connaît des jouissances fiévreuses, dont seront éternellement privés l'égoïste, fermé comme un coffre, et le paresseux, interné comme un mollusque. Il adopte comme siennes toutes les professions, toutes les joies et toutes les misères que la circonstance lui présente.

Ce que les hommes nomment amour est bien petit, bien restreint et bien faible, comparé à cette ineffable orgie, à cette sainte prostitution de l'âme qui se donne tout entière, poésie et charité, à l'imprévu qui se montre, à l'inconnu qui passe.

Il est bon d'apprendre quelquefois aux heureux de ce monde, ne fût-ce que pour humilier un instant leur sot orgueil, qu'il est des bonheurs supérieurs au leur, plus vastes et plus raffinés. Les fondateurs de colonies, les pasteurs de peuples, les prêtres missionnaires exilés au bout du monde, connaissent sans doute quelque chose de ces mystérieuses ivresses; et, au sein de la vaste famille que leur génie s'est faite, ils doivent rire quelquefois de ceux qui les plaignent pour leur fortune si agitée et pour leur vie si chaste.

[8. C. 31–32]

ТОЛПА

Из «Маленьких поэм» Ш. Бодлера

Не каждому дана радость многолюдства: веселиться в толпе – искусство; и только тот может пиршествовать на счет человеческого рода, кому фея навевала в колыбели вкус к переодеваниям и личинам, ненависть к домашнему очагу и страсть к путешествиям.

Многолюдство, одиночество: положения одинаковые и взаимозаменяемые для поэта деятельного и плодовитого. Кто не умеет населить свое одиночество, тот тем более не сумеет быть один в толпе занятых чем-нибудь людей.

Поэт пользуется тем несравненным преимуществом, что он может по воле быть или самим собою, или иным. Как одна из тех блуждающих душ, что ищут себе тела, он входит, когда хочет, в личность каждого. Ему одному все открыто, и если иные места кажутся ему замкнутыми, так это потому, что, на его взгляд, их и посещать не стоит.

В страннике одиноком и размышляющем удивительный восторг производит это всемирное общение. Кто легко сочетается с толпой, тот испытывает лихорадочные радости, которых навсегда лишен эгоист, замкнутый, как сундук, и ленивец, спрятавшийся, как улитка. Ему как свои все занятия, все радости и все печали, которые покажет ему случай.

То, что люди именуют любовью, так мало, узко и слабо в сравнении с этим неизреченным разгулом, с этим священным распутством души, которая отдается всецело, со всюю поэзией и благостью, непредвиденному и неизвестному, всему, что является и приходит.

Хорошо бы узнать иногда счастливым этого мира, хотя бы для краткого уничтожения их глупой спеси, что есть счастье более высокое, обширное и утон-

ченое. Основатели колоний, пастыри народов, миссионеры, заброшенные на край света, причастны, без сомнения, этим таинственным восторгам; и на лоне обширной семьи, созданной их гением, они должны иногда смеяться над теми, кто их жалеет за такую беспокойную судьбу и за такую непорочную жизнь.

20.02.98

[7. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 40–42]

LE FOU ET LA VÉNUS

Quelle admirable journée! Le vaste parc se pâme sous l'œil brûlant du soleil, comme la jeunesse sous la domination de l'Amour.

L'extase universelle des choses ne s'exprime par aucun bruit; les eaux elles-mêmes sont comme endormies. Bien différente des fêtes humaines, c'est ici une orgie silencieuse.

On dirait qu'une lumière toujours croissante fait de plus en plus étinceler les objets; que les fleurs excitées brûlent du désir de rivaliser avec l'azur du ciel par l'énergie de leurs couleurs, et que la chaleur, rendant visibles les parfums, les fait monter vers l'astre comme des fumées.

Cependant, dans cette jouissance universelle, j'ai aperçu un être affligé.

Aux pieds d'une colossale Vénus, un de ces fous artificiels, un de ces bouffons volontaires chargés de faire rire les rois quand le Remords ou l'Ennui les obsède, affublé d'un costume éclatant et ridicule, coiffé de cornes et de sonnettes, tout ramassé contre le piédestal, lève des yeux pleins de larmes vers l'immortelle Déesse.

Et ses yeux disent: – « Je suis le dernier et le plus solitaire des humains, privé d'amour et d'amitié, et bien inférieur en cela au plus imparfait des animaux. Cependant je suis fait, moi aussi, pour comprendre et sentir l'immortelle Beauté! Ah! Déesse! ayez pitié de ma tristesse et de mon délire!»

Mais l'implacable Vénus regarde au loin je ne sais quoi avec ses yeux de marbre.

[8. С. 18–19]

ШУТ И ВЕНЕРА

Из «Маленьких поэм в прозе» Ш. Бодлера

Какой дивный день! Обширный парк замер под знойным взором солнца, как юность под владычеством любви.

Всемирный восторг не выражается никаким шумом; даже воды словно спят. Совсем непохожая на человеческие торжества, эта – молчаливая оргия.

Кажется, что в непрерывно возрастающем свете все предметы блистают все ярче и ярче, что возбуденные цветы пылают желанием соперничать с лазурью неба энергией своих красок и что зной, деля благоухания видимыми, подымает их, как дым, к светилу.

Однако среди этой всеобщей радости я замечаю огорченное существо.

У ног колоссальной Венеры один из этих глупых искусников, этих добровольных шутов, обязанных смешить царей, когда их томит скука или совесть, – одетый пестро и смешно, с рожками и гремушками в прическе, тянется к пьедесталу и подымает к бессмертной богине глаза, полные слез.

И глаза его говорят: «Я – самый последний и самый одинокий из людей, – я лишен любви и дружбы, и самые ничтожнейшие животные превосходят в этом меня. Но и я создан, чтобы понимать и чувствовать бессмертную красоту. О, богиня, сжалась над моей печалью и моим безумием!»

Но неумолимая Венера смотрит вдаль куда-то своими мраморными глазами.
[7. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 61–62]

LE CHIEN ET LE FLACON

« – Mon beau chien, mon bon chien, mon cher toutou, approchez et venez respirer un excellent parfum acheté chez le meilleur parfumeur de la ville».

Et le chien, en frétilant de la queue, ce qui est, je crois, chez ces pauvres êtres, le signe correspondant du rire et du sourire, s'approche et pose curieusement son nez humide sur le flacon débouché ; puis, reculant soudainement avec effroi, il aboie contre moi en manière de reproche.

« – Ah! misérable chien, si je vous avais offert un paquet d'excréments, vous l'auriez flairé avec délices et peut-être dévoré. Ainsi, vous-même, indigne compagnon de ma triste vie, vous ressemblez au public, à qui il ne faut jamais présenter des parfums délicats qui l'exaspèrent, mais des ordures soigneusement choisies».

[8. С. 20]

СОБАКА И ДУХИ

Из «Маленьких поэм» Ш. Бодлера

– Милая моя собачка, славный мой песик, подойди, понюхай эти прелестные духи; они – от лучшего в городе парфюмера.

И собака, помахивая хвостиком, – знак, который соответствует, я думаю, у этих бедных животных смеху и улыбке, – подошла и с любопытством протянула свой влажный нос к открытому флакону; потом, в ужасе попятившись, она укоризненно залаяла на меня.

– Ах ты, негодная собака! если бы я поднес тебе сверток с испражнениями, ты бы их с наслаждением обнюхала и, может быть, сожрала бы. Недостойный товарищ моей печальной жизни! И ты похож на читающую толпу, которой надо всегда предлагать не тонкие ароматы, выводящие ее из себя, а тщательно выбранную дрянь.

[7. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 68]

Литература

1. Бодлер Ш. Посвящение // Бодлер Ш. Цветы зла и Стихотворения в прозе в переводе Эллиса. Томск: Водолей, 1993. С. 295–296.
2. Бодлэр Ш. Маленькие поэмы в прозе / пер. и вступ. ст. А. Александровича [А.А. Булгакова]. М., 1902. 128 с.
3. Бодлэр Ш. Маленькие поэмы в прозе / пер. с фр. М. Волкова. СПб., 1909. 100 с.
4. Бодлэр Ш. Стихотворения в прозе / пер. Эллиса [Л.Л. Кобылинского]. М.: Мусагет, 1910. 185 с.
5. Новая жизнь. Иностранная литература. 1905. № 9. С. 4.
6. Библиография сочинений Федора Сологуба. Ч. 1. СПб., 1909. 31 с.
7. Архивный фонд ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 289. Ф.К. Сологуб.
8. Baudelaire Ch. Petits poèmes en prose, Les Paradis artificiels. Paris: Michel Lévy frères, 1869. 468 p.

УДК 882 Жуковский
DOI 10.17223/19986645/21/10

А.С. Янушкевич

ПУТЬ В.А. ЖУКОВСКОГО ОТ РУССКОЙ ИДИЛЛИИ К РУССКОЙ ПОВЕСТИ: ДЕРЕВЕНСКИЙ ТОПОС

Статья посвящена осмыслению «деревенского топоса» Жуковского как с точки зрения его жанрового содержания (путь от русской идиллии к русской повести), так и в аспекте нарративных стратегий поэта (движение от лирики к эпосу). Делается попытка рассмотреть его деревенский дискурс как синтез этико-философских, общественно-политических и педагогических взглядов 1800–1840-х гг. и как органическую составную русской словесной культуры, как «форму времени».

Ключевые слова: деревенский топос, русская идиллия, русская повесть, нарративные стратегии.

Два «Сельских кладбища» Жуковского 1802 и 1839 гг. стали своеобразной рамой в творческих исканиях поэта. В эту раму деревенского дискурса он вместил свои раздумья о малой родине – селе Мишенском Тульской губернии, о судьбе поселян и их образовании, о крепостных крестьянах, многочисленные рисунки окрестностей Белева и свои эксперименты в области новых форм поэзии. Деревенский дискурс первого русского романтика занял свое место и в историко-литературном процессе 1810–1820-х гг. как репрезентант поисков русской словесной культуры в формировании и становлении идей народности и национального искусства.

Многочисленные «чувствования поселянина», рожденные в недрах сентиментализма, были лишены конкретики деревенской жизни и насыщены риторикой. Деревенское пространство – это поистине «ландшафт моих воображений». Только Карамзин сумел внести в деревенский топос новое содержание: он прежде всего расширил его пространство за счет идей гуманизма. Его поселянка Лиза не просто «любить умеет», но и пытается отстоять свое человеческое достоинство. В «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев конкретизировал социальные проблемы русской деревни. От «Бедной Лизы» Карамзина и «Путешествия» Радищева к «Деревне» и «Повестям Белкина» Пушкина русская литература проделала огромный путь постижения провинциальной деревенской России. И на этом пути важнейший этап связан с именем Жуковского.

Когда в 1897 г. В.С. Соловьев в примечании к стихотворению «Родина русской поэзии», обратившись к элегии «Сельское кладбище» Жуковского, говорил, что она «может считаться началом истинно человеческой поэзии в России», то он настойчиво подчеркивал органичную связь новой поэзии с ее родиной – русской деревней, с атмосферой жизни провинциальной России:

На сельском кладбище явилась ты недаром,
О гений сладостный земли моей родной [1. С. 347].

Через 100 лет один из лучших исследователей русской лирики пушкинской поры В.Э. Вацуро, акцентируя причины обращения Жуковского к переводу «Элегии, написанной на сельском кладбище» Томаса Грея, замечал: «Прежде всего в ней манифестировались центральные темы сентименталистской эстетики и философии: тема “естественного” и “чувствительного” человека, тема природы и – едва ли не самое важное – социальная тема внесловного равенства» [2. С. 48]. Но не менее значимо для автора книги об «элегической школе» русской поэзии было и то, что поэтика «Сельского кладбища» неразрывно связана с персонификацией элегического субъекта и формированием нового взгляда на окружающий мир. В отличие от чувствительного героя сентиментальной поэзии он самосознающая личность. Именно поэтому «распространяется душа» лирического героя, вбирая в себя деревенский топос как пространство русской жизни вообще.

«Юноша» из «Сельского кладбища» Жуковского – «почивших друг, певец уединенный», нашедший свой последний приют на сельском кладбище, – вряд ли может быть назван автобиографическим или лирическим героем. Его место и значение в элегии определяет автор: жизнь и судьба юноши – постскрипtum к тексту элегии. Он приходит в пространство сельской жизни и сельского кладбища уже в самом конце произведения (строфы 26–32 из 35), а эпитафия на его могиле (заключительные три строфы), выделенные курсивом, – слово автора о персонаже. Но для элегии Жуковского важен ее автопсихологический подтекст. «Юноша» – выразитель его жизненной философии, но не ее носитель. Он не больше чем «сочувственник». Жуковский же в дневниках и письмах к Александру Тургеневу, в лирике мишенско-муратовского и долбинского уединения 1805–1806 гг. осмысляет поэзию сельской жизни как свою жизненную философию и общественную позицию.

Поэт пытается осмыслить необходимость деревенского уединения для самоусовершенствования и творческого поиска. Так, читая в Мишенском сочинение немецкого философа и моралиста Христиана Гарве «Об обществе и уединении», он 19 июля 1805 г. записывает в дневнике: «Уединение есть занятие самим собою, обдумывание того, что видел в обществе, изучение природы, занятие какою-нибудь наукою» [3. Т. 13. С. 23]. С деревенской жизнью он связывает и планы будущей семейной жизни. Не чужда ему и социальная проблематика. В письме к А.И. Тургеневу и Д.Н. Блудову от декабря 1806 г. по поводу Манифеста 30 ноября 1806 г. «О составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции» Жуковский особое значение придает проблеме простого народа, мужиков и их вознаграждения за участие в этой акции: «<...> определить бы и награду и для самих мужиков, и вот, мне кажется, благоприятный случай для дарования многих прав крестьянству, которые бы приблизили его несколько к свободному состоянию» [4. С. 26].

Весь этот разнообразный этико-философский и общественный контекст размышлений Жуковского 1805–1806 гг. о деревенской жизни и ее проблемах находит свое развитие в текстах его «деревенских» произведений. И дело не в том, что они написаны были в деревне, а в том, что в их центре – деревенская проблематика: сельские пейзажи, образы деревенских жителей, вопросы крестьянской жизни. В этом отношении принципиальное значение приобретают замыслы двух сочинений: перевод поэмы английского поэта Оливера

Гольдсмита «Опустевшая деревня» («The Desserted Village») и планы оригинальной описательной поэмы «Весна». Показательно, что интерес Жуковского к поэме Гольдсмита относится к 1802 г., но, как убедительно показал В.Н. Топоров, параллельная работа над переложением элегии Грея «Сельское кладбище» и поэмы Гольдсмита была невозможна, так как «в известных отношениях «элегическая» часть этой поэмы, наиболее привлекающая Жуковского и в конце-концов им только и переведенная позже, довольно сильно напоминает некоторые места "Греевой элегии"» [5. С. 22].

Но, вероятно, дело было и в том, что для освоения модели описательной поэмы еще не пришло время. Только в период своего деревенского уединения и лирического взрыва 1805–1806 гг. поэт возвращается к работе над переводом «Опустевшей деревни». И хотя из 430 стихов поэмы Гольдсмита он перевел лишь 102, которым у русского переводчика соответствует 115, можно говорить о внутренней целостности и законченной незаконченности этого текста. В нем Жуковский выразил свои чувства по поводу возвращения в родное Мишенское и ностальгию по утраченному раю. Уже первый стих: «О родина моя, Обурн благословенный!», рождающий поток восклицаний: «О сладостный Обурн! Как здесь я счастлив был!», «О, родина моя, о сладость прежних лет!», «О родина моя, где счастье процветало!», вводит читателя в атмосферу райских прежних дней. Но эта музыка счастливых воспоминаний скоро сменяется грустной мелодией утраты и многократным повторением вопросительного слова «где»:

Но где они? Где вы, луга, цветущий рай?
Где игры поселян, весельем оживленных?
Где пышность и краса полей одушевленных?
Где счастье? Где любовь? Исчезло всё – их нет!.. (З. Т. I. С. 64–65).

И это «всё» – обобщение темы утраченных иллюзий. В.Н. Топоров убедительно показал через сравнение оригинала и подлинника, что многочисленные отклонения Жуковского нередко выступают как «места введения или концентрации “лично-биографического”, связанного с русскими реалиями и с самим Жуковским» [5. С. 23]. «Поэтические отзвуки» Мишенского, о которых исследователь говорит в примечании к этому наблюдению [5. С. 79. Примеч. 43], расширяют пространство текста-источника и определяют его русскую прописку, являясь прологом к пушкинской «Деревне».

Но не менее важно другое: Жуковский разрабатывает нарративные стратегии описательной поэмы о русской деревне. Многочисленные планы поэмы «Весна», восходящие к образцам мировой поэзии (немецкого поэта Э. Клейста, французского – Сен-Ламбера, английского – Дж. Томсона), позволяют говорить, что «содержанием будущей поэмы должна была стать история возрождения, становления, самопознания творческой личности» [6. С. 121]. Тем значимее, что эта история развивается в контексте деревенского дискурса. Поэт ищет концепты этого дискурса, определяет его нарратив через систему следующих определений: «Возвращение на родину и призывание музы. <...> Жизнь сельская семейственная. <...> Восхождение солнца – жаворонок – стада. Вид деревни. Кладбище и дом сельского священника». Изображение сельского человека, *благочестивого* крестьянина. <...> Деревенские игры.

Больница. Училище. <...> Любить природу и уметь ею восхищаться» и т.д. (З. Т. 4. С. 360–365). Стихотворный зачин к поэме фиксирует вхождение поэта в этот мир как обитель уединения и творчества:

<...> Смиранный друг полей,
Простившийся надолго с пыльным градом,
Спешит в село, чтоб прелесть вешних дней
И тишину вкусить в уединенье!
О мирное к пенатам возвращенье! (З. Т. 4. С. 310–311).

Деревенский топос включает в себя установку на описание, изображение весны, сельского быта и сельского человека, творческого процесса. От дискриптивной поэзии своих предшественников, от «Садов» Делиля, переводом которых будет заниматься друг-соперник Александр Воейков, Жуковский идет к созданию «русской поэмы», в центре которой образ самосознающего поэта и процесс его весеннего, деревенского возрождения. Деревня из абстрактного топоса превращается в российское пространство и мир творческого созидания.

Разумеется, вхождение в этот мир, стремление его воссоздать и описать имело свои границы. Поэт редуцирует социальный пафос «Опустевшей деревни» Гольдсмита, хотя в его зарисовках утраченного рая и его превращения в пустыню нельзя не услышать инвективы будущей «Деревни» Пушкина:

Дни счастья! Их нет! Короткою рукой
Оратай отчужден от хижин родной!
Где прежде нив моря, блистая, волновались,
Где роши и холмы стадами оглашались,
Там ныне хищников владычество одно!
Там всё под горами богатств погребено!
Там муками сует безумие страдает!
Там роскошь посреди сокровищ издыхает... (З. Т. 1. С. 66).

Деревенский дискурс раннего Жуковского невозможно представить без элегии «Вечер» (1806). В ней зарисовки сельского быта не самоцельны. Поэт не забывает упомянуть и стада, которые “бегут к реке”, сказать о рыбаке, плывущем «у берега меж кустами», описать, как «... плуги обратив, по глыбистым браздам // С полей оратаи съезжают» (З. Т. 1. С. 75). Но главное – музыка деревенского вечера. Образы песни, Музы, лиры, гармонии, звуков заполняют пространство элегии и определяют позицию ее автора. «Так петь есть мой удел...» – в финале своей песенной сюиты Жуковский формулирует свою позицию и своеобразие деревенского дискурса.

Деревенский дискурс раннего Жуковского, поэтически воссозданный в элегиях и опытах описательной поэмы, – это прежде всего поиск самой манеры изображения новой сферы бытия, выработка новых жанровых моделей, а главное – расширение самого топоса деревни до масштабов общероссийского пространства и его озвучивание. Мирозидательным началом этого дискурса становятся музыка жизни и образ самосознающего поэта. Он пытается заразить читателя миром деревенской природы и заставляет его вслушиваться в мелодии ее бескрайних просторов. Он приучает ухо русского читателя слушать музыку русской деревни. Его песни и романсы как особое выражение лирической суггестии буквально сотканы из мелодий деревенского топоса.

В нем еще почти не присутствуют темы и образы крестьянской жизни, но зато отчетливо звучат ее мелодии и возникает особая «плавность движения зрительных картин» [2. С. 70].

«И солнце, восходя, по рощам голубым // Спокойно блеск свой разливат-ет» [3. Т. 1. С. 77]; «Поля, холмы родные, // Родного неба милый свет, // Знакомые потоки <...> О родина святая, // Какое сердце не дрожит, // Тебя благославляя?» [3. Т. 1. С. 227]; «На сумраке листок трепещущий блесит, // Смущая тишину паденьем... [3. Т. 2. С. 21]; «О родина! все дни твои прекрасны! // Где б ни был я, но всё с тобой // Душой» [3. Т. 2. С. 36]; «И дым клубится из печей; // И будит мельницу ручей; // И тихо рдеет бор; // И звучно в нем звучит топор» [3. Т. 2. С. 67]; «Природа вся с душою говорила» [3. Т. 2. С. 133] – эти и многие другие фрагменты из стихотворений Жуковского входили в сердце и сознание читателя. И в этом смысле его деревенская сюита, сопрягающая сельские пейзажи с рефлексией о родине, – это, по его собственному выражению, «Посол души, внимаемый душой...» [3. Т. 2. С. 135].

Балладное семилетие поэта (1808–1814), в течение которого он произвел своими «маленькими драмами» переворот в русской словесной культуре и общественном сознании, то, что внятно выговорил его собрат по «Арзамасу» Ф. Вигель: «Надобен был его чудный дар, чтобы заставить нас не только без отвращения читать его баллады, но, наконец, даже полюбить их. Не знаю, испортил ли он нам вкус; по крайней мере создал нам новые ощущения, новые наслаждения. Вот и начало у нас романтизма» [7. С. 342–343], – внесло коррективы в деревенский дискурс. Кажется, в этих драмах борения с судьбой нет ему места: их шиллеровско-бюргеровские источники рождают другой мир. Но русские баллады поэта-романтика, и прежде всего «Людмила» и «Светлана», – ощутимый прорыв русской литературы в мир народности и национального сознания. Их фольклорно-мифологический колорит, образная система открыли окно в мир русской души. Антропологизация мира народной (деревенской) жизни – вот важнейшее завоевание «русского балладника». На смену «бедной Лизе», крестьянке, которая «тоже любить умеет», пришли героини, обыкновенные русские девушки, которые способны бороться за свою любовь, вступать в поединок с судьбой. Предпосылая своей первой балладе «Людмила» подзаголовок: «Русская баллада. Подражание Биргеровой Леноре», Жуковский акцентировал момент соревнования с балладным классиком. Он не пытался переложить немецкую балладу на русские нравы. Он стремился дать национальную модель популярного, но малоизвестного в России жанра, а главное – воссоздать русский мир и русскую душу. Нравственные проблемы личности, фольклорно-мифологический колорит вносили в деревенский дискурс драматизм и психологическое начало. Фантастический и таинственный колорит, сны и видения, ведьмы, мертвецы привлекали внимание читателя к загадкам простых материй народной жизни.

И тем не менее поэт в 1816 г. почти на три года покидает «территорию фантастического». 21 октября 1816 г. в письме к А.И. Тургеневу он сообщает:

Между тем написал, т.е. перевел с немецкого пьесу под титулом «Овсяный кисель»; не думай, что этот кисель был для «Арзамаса»; нет, но надеюсь, что он покажется вкусным для арзамасцев, хотя и не разведен на бессмыслице. Это перевод из Гебеля, вероятно, тебе неизвестного поэта, ибо он писал на Швабском диалекте и для поселян. Но я ничего лучше не

знаю. Поэзия во всем совершенстве простоты и непорочности. Переведу еще многое. Совершенно новый и нам еще неизвестный род [4. С. 164].

Чтение «Овсяного киселя» на заседании «Арзамаса» в конце 1816 г., а затем в 1817 г. на 31-м заседании Общества любителей российской словесности при Имп. Московском университете, подряд три публикации в различных изданиях – свидетельство того, что Жуковский придавал своей идиллии особое значение. Начиная с третьего прижизненного издания 1824 г. идиллия входила в рубрику «Сельские стихотворения». Несмотря на то, что «Овсяный кисель» был переводом стихотворения немецкого поэта И.П. Гебеля «Das Habermtus», русский поэт почувствовал важные резервы его смысла для русской словесности. Русский балладник на глазах читающей публики превращался в русского идиллика и приучал ее к новой поэзии. «Поэзия во всем совершенстве простоты и непорочности» расширяла пространство провинциальной, деревенской жизни и обостряла интерес к простым материям быта. Благодаря выбору гекзаметра происходило развитие повествовательного рода поэзии. Идиллические опыты Жуковского корреспондировали с внедрением в русскую поэзию эпической поэзии Гомера. Перевод «Илиады» Гнедича и обращение к поэзии Овидия и Вергилия самого Жуковского активизировали рождение национального лиро-эпоса. Перевод из Гебеля был не просто «вольным», но и «своевольным». Достаточно посмотреть на заключительные стихи:

Вот с серпами пришли и Иван, и Лука, и Дуняша. <...>
 Вот и Гнедко потащился на мельницу с возом тяжелым;
 Начал жернов молоть; и зернышки стали мукою;
 Вот молочка надоила от пестрой коровки родная
 Полный горшочек; сварила кисель, чтоб детушкам кушать;
 Детушки скушали, ложки обтерли, сказали: «спасибо» (З. Т. 2. С. 36) –

и становится ясно: переводчик стремился к русификации текста немецкого поэта. Но делал это осторожно и целенаправленно: «<...> он попытался воспроизвести самый способ мышления русского крестьянина» [8. С. 125]. Весь поэтический строй «Овсяного киселя» – это сфера народного, крестьянского быта и стихия национального бытия. В цитированном выше письме к А.И. Тургеневу, где Жуковский говорит о причинах обращения к переводу «сельских стихотворений» Гебеля, он, в частности, замечает:

Поэзия час от часу становится для меня чем-то возвышенным... Не надобно думать, что она только забава воображения! Этим она может быть только для Петербургского света. Но она должна иметь влияние на душу своего народа, и она будет иметь это благотворное влияние, если поэт обратит свой дар к этой цели. *Поэзия принадлежит к народному воспитанию.* И дай Бог в течение жизни сделать хоть шаг к этой прекрасной цели (курсив мой. – А.Я.) [4. С. 163].

Этот эстетический манифест поэта, как убедительно показал И. Виноцкий, был реализован в поэтической семантике «Овсяного киселя». Ориентация на разные слои русского общества и разные вкусы расширяла само пространство поэтической рефлексии. Деревенский дискурс идиллического мирообраза обрел черты общенационального масштаба. Как остроумно замечает исследователь: «Выбор русского киселя в качестве праздничного угощения был символическим. Поэт как бы приглашал за рождественский стол соотечественников самых

разных убеждений, состояний и вкусов» [9. С. 69]. Концепция народного воспитания получала свою реализацию через последовательное приобщение читающей публики к идеям национальной жизни и ее мирообразу.

В центре идиллий Жуковского (кроме «Овсяного киселя») им были переложены на русский язык и другие «Алеманнские стихотворения» Гебеля: «Утренняя звезда», «Тленность», «Летний вечер», «*Деревенский* сторож в полночь», «Воскресное утро в *деревне*») – природа, будни, мысли обитателей того пространства, которое можно назвать деревенским. Русский поэт это акцентирует и подчеркивает отсутствующими у Гебеля уточнениями: «деревенский», «в деревне». Но это пространство в совокупности содержания и в поэтической системе обретает масштаб своеобразного космоса национально-го бытия. Произрастание из зернышка колоса, мотив жатвы, сельского труда и трапезы в «Овсяном киселе», мысли о жизни и смерти, о божественном Промысле деревенского сторожа, разговор внука и бабушки о тайнах жизни, о тленности и вечности, путь утренней звезды, освещающей жизнь селянина и предвосхищающей восход солнца, поэзия летнего вечера и приход воскресного праздника на «смену заботливо-трудной недели» – все эти события сельской жизни складывались в единую картину буден и праздников вечных тружеников – крестьян. Лишенные социального пафоса, эти на первый взгляд идиллические сценки превращаются у Жуковского в летопись той идеальной жизни, которую хотел видеть Жуковский в окружающем его социуме. Он не идеализировал деревенскую жизнь, тем более жизнь крепостных крестьян: известно, сколько он сделал для освобождения их отдельных представителей. Он с помощью своего немецкого собрата попытался воспитать в русском читателе уважение и любовь к этому миру.

Идиллии Жуковского завораживают своей картинностью. Размеренный ритм гекзаметра и белого пятистопного ямба способствует воссозданию несуетного, но пронизанного высшими смыслами бытия, где голоса природы и Бога, пение птиц, движение светил, смена времен года и суток, отзвуки вечной жизни сливаются в единую симфонию патриархального мира. В течение буквально двух-трех лет он ввел в русское культурное сознание новый мирообраз, поистине разрыхляя русскую душу для вслушивания в голоса национальной стихии. И в этом смысле он выступил в роли сеятеля зерен деревенской темы в русской словесной культуре.

Следующее десятилетие (1818–1828 гг.) – период активной педагогической деятельности Жуковского. Учитель русского языка великой княгини Александры Федоровны и наставник наследника, великого князя Александра Николаевича – два этапа этого сложного, но важного пути поэта отмечены активным постижением проблем национальной истории. Воспитание и обучение наследника стало и для самого учителя школой осмысления государственной власти, ее взаимоотношений с обществом и народом. Это десятилетие вобрало в себя уроки первого заграничного путешествия, когда Жуковский воочию увидел Европу, познакомился на примере прусского королевского двора с институтами высшей власти, а во время посещения Швейцарии с демократическим миропорядком; трагедию декабристского движения и его участников через судьбу братьев Тургеневых; конфликт с молодым императором по поводу оппозиционных настроений в обществе и обвинений в свой

адрес. «Педагогическая поэма» Жуковского не была дворцовой идиллией и не превратила его в придворного.

Итогом его раздумий стал журнал «Собиратель», два номера которого появились в 1829 г. По-видимому, конфликт с Николаем I не позволил осуществить в полной мере замысел периодического издания. В планах к «Собирателю» Жуковский пишет: «Каждые две недели будет выходить книжка». Материалы к журналу, хранящиеся в архиве поэта, содержат интересные тексты, связанные с развитием его деревенского дискурса. То, что это должно было произойти, кажется закономерным. Размышляя в статье «Полезность истории для государей», открывающей первый номер журнала, об острых вопросах национальной политики монарха, Жуковский не мог пройти мимо проблемы взаимоотношений народа и власти.

Уважай закон и научи уважать его своим примером: закон, пренебрегаемый Царем, не будет храним и народом. Люби и распространяй просвещение: оно сильнейшая подпора благонамеренной власти; народ без просвещения есть народ без достоинства; им кажется легко управлять только тому, кто хочет властвовать для одной власти; но из слепых рабов легче сделать свирепых мятежников, нежели из подданных просвещенных, умеющих ценить благо порядка и законов. <...> Любовь к свободе в Царе утверждает любовь к повиновению в подданных. Владычествуй не силою, а порядком: истинное могущество Государя не в числе его воинов, а в твердом благосостоянии народа. <...> Люби народ свой: без любви Царя к народу нет любви народа к Царю [10. № 1. С. 11] –

эти фрагменты из статьи намечают новые черты деревенского дискурса – социально-публицистическое начало. На страницах журнала не назойливо, но последовательно возникает мотив «власти земли». Статьи «Природа, преобразованная человеком», «Уважение древних римлян к земледелию», текст шиллеровской загадки «Плуг» («Der Pflug») – гимн земледельцу и его ратному труду. Вслед за Плинием Жуковский говорит о том, что «полевые работы <...> были главным и самым почтенным упражнением наших предков», он подчеркивает «уважение к земледелию», когда «великие люди так же пеклись о удобрении поля, как о победе, и засеивали землю с таким же тщанием, с каким разбивали военные станы свои» [10. № 2. С. 28–29]. Вместе с тем статья «Уважение древних римлян к земледелию» заканчивается характерным вопросом:

Но в наши времена самые сии поля оставлены на произвол обремененных цепями рабов и заклеянных железом преступников: земля, как и прежде, не отвращает слуха от наших молений; но можем ли уповать, чтобы к рабам была она столько же благосклонна, как некогда к полководцам? [10. № 2. С. 29].

Можно только догадываться, к кому обращен этот вопрос, но царственный ученик, читатель журнала, не мог не обратить на него внимания и не задуматься.

Пожалуй, особый интерес для эволюции деревенского дискурса в творчестве Жуковского представляют два незавершенных текста: один черновой под условным заглавием: «Переписка», другой – «Подмосковная деревня. Русская повесть», перебеленный, с указанием: «Писано рукою П.А. Плетнёва». Не исключено, что эти тексты были связаны общим замыслом. Но очевидно одно: они своеобразно развивали педагогические идеи Жуковского,

которые он пытался реализовать в «Собирателе». Только местом их реализации становится русская деревня.

Еще в годы юности на страницах редактируемого «Вестника Европы» Жуковский в рецензии на перевод Настасьей Плещеевой книги французской писательницы Мари-Жанны Ле Пренс де Бомон «Училище бедных» попытался изложить свою программу образования для простолюдинов. Подробно говоря о формировании специальной библиотеки для поселян и ремесленников, о необходимости иметь «Академию для просвещения простолюдинов», автор завершает статью следующим пассажем: «Желаем искренно, чтобы <...> наконец, в России и самые хижины земледельцев сделались жилищем людей образованных, следовательно, счастливых и знающих цену своего счастья!» [11. С. 76]¹. Через двадцать лет он возвращается к этой проблеме, во многом предвосхищая идеи Льва Толстого. И герой «Переписки», думающей о создании «народной школы», и герой «Подмосковной деревни», излагающей в специальном журнале свою программу воспитания, – предшественники яснополянского помещика.

Жуковский мучительно ищет язык для прозаической повести. Повествование от первого лица он заменяет объективным рассказом. Традиционный жанр романа в письмах сменяет «русская повесть». Деревенские помещики, их семьи, подробные описания сельской жизни, картины природы и усадьбы – всё это не просто антураж, а органичная часть быта и бытия провинциальной России. Через два года появятся «Повести Белкина» Пушкина, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя – книги народной жизни, в центре которых – обыкновенный человек и простые материи жизни. И Жуковский в первое издание книги «Баллад и повестей», вышедшей одновременно с ними, включает «Дедушкины рассказы», переложения идиллий Гебеля и повестей Саути. Три книги 1831 г. – эти три своеобразных поэтических мира – выразили потребность в национальном эпосе, обозначили три пути его формирования.

Что касается публикуемых ниже текстов, оставшихся в архиве поэта среди материалов к «Собирателю», то они интересны как эксперименты в области прозаического языка, как своеобразный синтез деревенского и педагогического дискурса.

«Переписка» под заглавием «Письмо к издателю», с подписью NN и указанием на место и дату написания: «Село Покровское. 1829 июня 12», была через два года опубликована в другом педагогическом журнале Жуковского – «Муравейник» (1831. № 2. С. 1–12). Ее включение в данную статью обусловлено двумя моментами: возможностью знакомства с черновым вариантом и ее отсутствием во всех собраниях сочинений поэта: «Письмо к издателю» так и осталось на страницах малотиражного «Муравейника» и стало текстом, почти не известным последующему поколению читателей, да и исследователей [12. С. 293–296].

¹ Показательно, что в архиве поэта (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 21) сохранился печатный экземпляр рецензии: листки, вырванные из «Вестника Европы», с характерной правкой автора: кроме стилистических изменений, Жуковский зачеркивает первый и последний абзацы и меняет заглавие: «Нечто о просвещении поселян», тем самым превращая рецензию на книгу в программную статью.

I.

[Переписка]

Л. 2 об.

Июля. [Февраля 20] 2. 1829. [Москва]. С.Петербург

Мы [сбираемся в] не на шутку собираемся в деревню. Я радуюсь мыслию, что увижу свою родину, которую так давно покинул. Жена радуется, воображая спокойствие, уединение и деятельность, посвященную семейной жизни; дети, которые никогда не покидали [Москвы] Петербурга, работают воображением, стараясь наперед угадать, что такое деревня, [деревенская жизнь], большое озеро, старинный каменный дом на горе.

Я переселяюсь в деревню на несколько лет; хочу [устроить свое хозяйство] заняться своим хозяйством, [в то же время], как следует помещику, то есть пожить для пользы моих крестьян и утвердить на их счастье [на основаниях] собственное мое благосостояние. В то же время и я и жена [хотим] имеем намерение сделаться [содержателями] инспекторами благородного пансиона, составленного из восьми детей, шести наших и двух моего брата, и попечителями народной школы, которая заведется по приезду нашем на мою родину и в которую приняты будут мальчики и девочки [из нашего села] нашей деревни.

Для [нашего] моего хозяйства я не делаю наперед никаких пышных планов. [Знаю] Уверен в одном: [благосостояние] успех зависит от знания своего постоянства, умеренности и порядка в его исполнении. [Надобно видеть ясно свою цель и потом благоразумно спрашивать у места и обстоятельств, что нужно для достижения этой цели, как этой цели достигнуть]. Знание – знай решительно чего хочешь, какой имеешь способ, каким правилам должен следовать; постоянство и умеренность – думай беспрестанно о том, на что один раз решился. Действуй без спешки, спрашиваясь с обстоятельствами; не думай их пересилить, а [тихо] давать им хорошее направление; наконец порядок начинать с начала и не перепрыгивать к концу через середину. Из всего этого вы можете [догадаться] заключить, что я еду в деревню не с гордыми замыслами разрушителя, а с скромными желаниями образователя. Я много видел в моих путешествиях, много собрал полезных знаний и в тишине кабинета и в обществе просвещенных людей. Но этот запас есть не что иное как жертва, которую намерен я благоговейно приносить могущим богам места и времени. Без их оракула ничто не удастся.

Л. 3.

Что же касается до воспитания, то это было другое: тут могу я действовать вольнее, ибо знаю характер детей моих и знаком с хорошими методами. Но и здесь я враг всякой системы. Имей общие правила: остальные укажут обстоятельства. [Но об этом предмете буду подробно говорить в других моих письмах].

[Теперь хочу] Прежде всего мне надобно познакомить вас со всеми моими и брата Ардалиона и с будущим местом моего пребывания. Жену мою вы знаете. Из наших детей вы знакомы с одними только старшими близнецами Григорием и Иваном. Но это знакомство сделали вы с ними в их колыбели. Обоим теперь почти одиннадцать лет. Я очень доволен сердцем Гриши: оно склонно ко всему доброму; он кажется будет иметь здравый ум. Еще не умею сказать ничего о его характере: воля его не проснулась; надеюсь, что ум, созревая, пробудит ее, а чувство должности, которое буду строго укоренять в нем, сделает ее твердою. Иван гораздо живее, [имеет более деятельности] в уме, любопытен, одарен хорошою памятью, вообще имеет более для всего таланта. Ум его столько же дельный, гораздо любопытнее и оживлен воображением. Он за всё принимается с большим жаром, но еще как ребенок не имеет постоянства: он утвердится в нем [нрзб.] и развитием душевных способностей и успехом. Они в семье у нас слывут Кастором и Поллуком. Петруша, который моложе их годом, премилый мальчик, совершенно добросердечен, неглуп, но ветрен и великий лентяй. [Маша] Вера, девяти лет, удивительный и странный ребенок. Сердце ее прекрасное, но ум ее представляется мне каким-то необыкновенным феноменом, которого я по сию пору разгадать не умею; он, можно сказать, беспрестанно переходит от блистательного [откровения] света к [совершенному] глубокому затмению. Она совершенная недотрога: то развернется, то свернется, а от чего угадать нельзя. Она может сделаться прелестным творением, если только живость ее оступенится. Но в этом-то и [затруднения] и трудность. Надобно уметь [найти] узду для ее [вертяного] гения. Лилия, кроткий, благоразумный ребенок: она не имеет гениальности Машиной, никогда не будет из нее того, что могло бы быть из сестры ее, когда бы нам удалось овладеть ею; но образовать, то есть сделать из нее всё то, что позволяет ее особенная натура, будет легко, и с нею нельзя бояться неудачи. Софья, которой еще не более пяти лет, игрушка всего нашего семейства: она обещает иметь много ума, теперь уже показывает глубокую чувствительность и, верно, будет иметь

твердый, оригинальный характер. Она [буфон] нашей детской труппы.

Теперь вы знакомы с главными действующими лицами начинающейся нашей драмы. Дай Бог, чтобы из этой драмы не вышло ни печальной трагедии, ни смешной комедии, а просто приятная, занимательная семейственная картина. Всего плана ее я не знаю: и мое дело стараться хорошо самому играть мою роль и заставлять других хорошо играть ее. Пожелайте успеха. *[Напротив этого и следующего фрагментов, выделенных отчеркиванием, стоит на полях значок #, что скорее всего означает перемену их местами.]*

О брате Ардалионе я не имею нужды говорить вам: хотя вы и давно не видели его, но вы найдете его точно таким же, каким он был за [12]14 лет перед сим. Всё тот же чудак, важный характером, добрый сердцем и забавный умом. Он не отстал от привычки говорить пословицы, делать сравнения [по большей части смешные] и рассказывать анекдоты. Сожалею, но вы не знали прелестной жены его. Ее не было в Москве в то время, когда вы через нее проезжали. Она умерла в мае

Л. 3 об.

прошлого года. [Когда-нибудь опишу вам ее] Мой бедный брат осиротел совершенно, переселился в дом наш с детьми и хочет быть главным инспектором классов в нашем пансионе. Дети его очень милы и образованны; на них осталось благословение матери; во всех их привычках, чувствах и мыслях ошутительно святое влияние души ее. Почитаю великим счастьем для собственных детей моих, что они будут вместе с ними: в них будут иметь они живое наставление. Старшему Леониду одиннадцать лет, а [Вере] Маше, его сестре, десять.

[Далее л. 3 об.–4 об. заполнены опубликованными в «Собирателе» материалами: «Мыслями, заимствованными из древних и новых классиков», статьей «Общество человеческое, преобразованное христианством»].

Л. 5.

Остается описать ту сцену, на которой будет разыгран первый акт нашей пьесы. Деревня моя, в которой считается более тысячи душ, находится, как вам известно, в Новгородской губернии, в Валдайском уезде. И прадед, и дед, и отец мой жила в ней с своими семействами большую часть года от начала весны до первого зимнего пути, по которому обыкновенно отправлялись в Москву, где и проводили всю зиму. Хлебосоольство и гостеприимство были добродетелью нашего семейства. В нем переход от старинных дедовских нравов к обычаям [нынешним] новейшим [сделался] совершился неприметно: [не утратив ничего из своей почтенной оригинальности] святая старина сохранила права свои; образование новейшее заступило ее место, не изгладив драгоценных ее воспоминаний. Благодаря здравому уму и верному чувству деда моего и отца: [они оставили мне такое наследство, которое их благословение] память их жива посреди их [потомства] внуков. [Я буду стараться свято сохранять их наследие.] Предания семейственные столь же драгоценны, как и предания народные.

Дом мой каменный, весьма поместительный, представляет глазам памятник трех поколений. Он построен прадедом; дед мой и отец распространили его, то есть каждый сделал свою пристройку, не переменив ничего в [бывшем] прежнем здании. [И теперь вы видите] Всё вместе составляет теперь огромную, довольно безобразную каменную массу: в середине старинные палаты времен Петра Великого в два [этажа] жилья с высокою желтою кровлею; под жилыми горницами огромные подвалы и выходы с сводами. С правой руки огромная каменная пристройка, сделанная моим дедом: архитектура ее напоминает о временах Елизаветы и слоге Растрелли. С левой – прекрасное здание с колокольнею и террасою. построенное отцом моим по плану Гваренги. Обе пристройки соединены с главным корпусом так, что в нем не нужно было делать никакой перемены. Из огромной старинной залы есть [выход] дверь на [огромное] широкое каменное крыльцо или лучше сказать на террасу, над которою верхнее жильё поддерживает каменная аркада. На этой террасе стоят теперь вдоль стены длинные дубовые лавки, на коих мой прадед любил сидеть после обеда один или с гостями и которые чисты и гладки как стекло от долгого употребления. Сойдешь с крыльца – одна дверь ведет направо, на половину дедовскую, другая налево, на половину отцовскую. В прадедовском доме, где ни одна старинная мебель не поменяла своего места, жил мой дед, жил мой отец, буду жить и я: оно есть святынище семейства. Дедовская половина принадлежит гостям и праздникам. Отцовская половина отдана новому поколению. Я не переменяю ничего: прибавлю только то, чего потребуют обстоятельства.

С внутренним расположением дома познакомлю вас после. Теперь опишу окрестности. Надобно отдать справедливость моему прадеду, он имел чувство прекрасного в природе, хотя не был знаком ни с Томпсоном, ни с Клейстом, ни с Делилем. Он выбрал для жилища своего самое живописное место. Дом стоит на горе довольно высокой [с одной стороны отлог, с другой крутой], окнами на

полдень. Полуденная и восточная сторона горы сходит прекрасным зеленым скатом к большому озеру, которое разливается по обширной равнине, огибая гору с запада

Л. 6.

и востока и составляя два глубоких залива [западный и восточный]. Перед домом озеро [весьма широко] довольно широко, более пяти верст в поперечнике. Можно сказать, что наша гора теряется в нем нечувствительным склоном: нет берега; чистая вода плещет на зеленый дерн и кое-где, как [бархатная] кудрявая опушка, растет мелкий, частый тростник, в коем укрываются [лебеди] дикие утки. Слево, то есть на восток от дома, входит в озеро длинный перешейком довольно большой полуостров, на коем растет прекрасная липовая роща. [В тени этой рощи] Посреди сего полуострова на открытом месте построена прадедом моим каменная церковь; дом священника стоит на берегу озера, а в тени рощи, под навесом лип кладбище, посреди коего в старинной часовне покоятся мои предки. Посреди озера, там, где оно наиболее обширно, против самых окон дома находится остров, покрытый живописным кустарником; он называется рыбацким, ибо служит сборным местом моих промышленников, когда производится на озере моем рыбная ловля. Противный берег озера с одной стороны усеян прекрасными купами дерев, между которыми, вдоль берега, против церкви, мелькают дома крестьян моих; а с другой образует обширные луга, за коими подымаются неприметно необозримые хлебные поля, сливающиеся с горизонтом, на коем [синеет] сосновый лес, принадлежащий к моему владению.

На востоке гора моя сходит также неприметным склоном к восточному заливу озера и к берегам быстрой излучистой реки, на устье которой построена большая мучная и пыльная мельница. Она окружена огромными темными соснами. По скату реки расположено село. Мимо его [к реке идет большая дорога] через реку и по всему противному берегу озера идет большая дорога, видимая из окон дома, [теряющаяся на горизонте] выходящая между пашен и наконец исчезающая за горизонтом. От сей дороги к дому, мимо деревни с одной стороны и больших каменных служб, за коими видна каменная ограда регулярного и плодового сада, с другой ведет прямо из дома аллея из старых, дуплистых ив, посаженных еще моим дедом; она примыкает к просеке прекрасной березовой рощи, которая защищает дом наш с севера.

Восточная сторона дома есть самая живописная. Здесь гора образует утесистую стремнину, покрытую кустарником; несколько высоких холмов, находящихся между сею крутизною и озером, образуют долины, извивающиеся между ними в разных направлениях. Один холм, отделившийся от прочих, покрыт зеленым дерном; на вершине его растет несколько дубов, которые называются ардалионовки, ибо они посажены прадедом моим Ардалионом; средний холм, и самый большой, оброс кудрявыми деревьями: липами, березами и кленами; остальные представляют массы диких, один на другой набросанных утесов, заросших густым кустарником. В самом диком месте из огромного камня бьет ключ, который называется в селе Гремячим; вода его набирается в водоеме, над коим построена часовня, и потом серебряною струею, журча и сверкая, по камням [летят] бежит через долину и вливается в озеро.

Л. 6 об.

Но я замечаю, что [письмо мое сделалось бесконечным] письмо мое сделалось целою книгою. Извините; говоря о себе и своих, я заговорился. [Впредь буду умереннее. Не обещаю и впредь быть умереннее, ибо вы хотите, чтобы я был для вас верным летописцем]. Не знаю, буду ли я впредь умереннее. Знаю только то, что вы со временем получите подробную летопись села Покровского. Простите.

Посылаю вам маленький план окрестностей села моего; он сделан моими силами, от руки, пером, и очень худо, но имея его перед глазами, вы легче поймете мое описание. *[На полях л. 5 об. имеется подробный план, дающий зрительное представление о данном описании].*

Село Покровское. 1829. Июня 12.

N. N.

^x Против самого устья сего ручья выходит из озера прекрасная речка, которая вровень с берегами течет по широкому дну долины. Она покрыта живописным кустарником, вдали ограничивает другое маленькое озеро, усыпанное мелкими островами и окруженное рощами, сквозь кои мелькают деревни и нивы. За этим озером в летние месяцы садится солнце, и тогда картина бывает очаровательная. *[Этот фрагмент, отмеченный карандашом на полях и отмеченный значком ^x, видимо, должен быть вставлен в предшествующий текст]* [13. Л. 2 об.–3 об., 5–6 об.].

II.

Л. 13.

**Подмосковная деревня.
Русская повесть.
Вступление.**

За Москвой, верстах в сорока, вправо от большой Коломенской дороги, живет в деревне своей помещик Лугов. Он все свое время посвящает хозяйству и воспитанию детей. Сыну его Андрюше десять лет. Катя, старшая дочь, моложе брата двумя годами, а другая, Лиза, тремя с половиною. По кончине жены своей Лугов собирался было в Петербург, чтобы там лучше воспитать детей своих. Но одно обстоятельство переменяло его намерение. Скончался зять его Залесин. Сестра Лугова просила у брата позволения переехать из Рязани к нему в деревню с тем, что она будет смотреть за воспитанием его дочерей, а он бы не оставил ее Ваню, ровесника Андрюши. Привыкнув к деревенской жизни, Лугов рад был, что избавился от дальней поездки. Сестра его, женщина умная и хорошо воспитанная, могла заменить мать его детям. Сам он всегда любил учение. В книгах у него недостатка не было. Хотелось только ему заманить к себе в деревню для товарищества какого-нибудь умного и скромного молодого человека, у которого бы посвежее были сведения о нынешнем ходе наук. В это время прибыл из-за границы в бедную свою деревеньку молодой сосед его Пригорский. Он несколько лет путешествовал по разным государствам из любви к учению и рассеянности. Наконец ему наскучила кочевая жизнь. У Лугова нашел он порядок, тишину и ласковый прием.

Л. 13 об.

Его воображение пленилось картиной счастливого семейства. Он просил соседа, чтобы ему позволено было разделять общие труды их по воспитанию детей.

Еще в молодости разлучился Лугов с меньшим братом своим, который, наконец, женившись в Петербурге на богатой девице, утвердился там навсегда. Одному хозяйство, а другому служба не позволяли как-нибудь свидеться. Теперь общая забота о детях заставила их более заниматься друг другом. Они долго передавали взаимно мысли свои об их воспитании. Каждый защищал свое мнение. Напоследок положено было, чтобы старший брат, сильнее привязанный к своим правилам, сообщал в Петербург подробные известия о занятиях и успехах детей своих. Лугов учредил порядок: отправлять к брату в виде журнала каждую неделю все, что у них было читано, о чем говорено и пр., и пр.

Лугова журнал составляется из шести отделений:

Преподавание наук. Здесь он рассматривает не только преподаваемые науки детям, но самого себя и даже их в отношении к наукам. Не бывши никогда учителем по форме, он смотрит на всякую науку как на предмет ежедневных наших нужд, говорит о ней языком не книжным, но всеобщим разговорным и все отвлеченные истины превращает в практические занятия. Его замечания о детях касаются их понятливости, непредвиденных затруднений в учении, их характера, слабостей и утверждения добрых в них качеств. Говоря о себе, рассказывает он, что и как ему удалось сделать для детей хорошего, нового или поправить ошибочного.

Л. 14.

Прогулки. Рассказ касается всего их общества. Всякие любопытные явления в природе, примечательные произведения природы или рук человеческих, встречаемые ими, видимые ими занятия людей, их образ жизни, увеселения их, заботы, нужды: все входит в него в это отделение. Здесь он старается показать, как вкус и чувство раскрываются в его детях.

Разговоры домашние. Пригорский особенно бывает предметом его рассказов в этом отделении. Путешественник занимает общество, давая ему понятия о всем, им виденном в своих странствиях. Лугов составляет из этого отдельные повествования, которые сильно действуют на воображение детей.

Чтение. Он рассматривает каждую книгу, русскую или чужестранную, которая занимает их общество; делает из них выписки и рассказывает, что способствовало наиболее к образованию детей его.

Увеселения. В их обществе развитие талантов соединено с другими забавами детского возраста. Подробности об их маленьких праздниках, где музыка и танцевание занимали детей. В этом отделении более подробно вносит о занятиях г-жи Залесиной. Ее замечания о характерах детей.

Посторонние известия. Все, что действовало на детей извне: объявление новостей, извещения о бедных, приглашения в гости и проч. [13. Л. 13–14].

Оба текста, подготовленные для «Собирателя», соединили раздумья Жуковского-поэта и воспитателя наследника. Мир русской деревни, озвученный в его поэзии как российское пространство, как элегический и идиллический топос, наполняется проблемами социальной жизни. Чтение сочинений Ф. Фенелона, И.Я. Энгеля, В. Гейнзе, Ф. Ансильона, Э.М. Арндта, представителей так называемой «политической педагогики» [14. С. 482–507], в период подготовки планов обучения наследника и издания «Собирателя», обостряет чутье поэта к «живым струнам общества». Среди не вошедших в «Собиратель» материалов находится статья, восходящая к сборнику Иоганна Якоба Энгеля «Fürstenspiegel» («Зерцало для князей»), в центре которой проблема взаимоотношений государя и народа.

Рассматривая различные стадии этих взаимоотношений, Жуковский заключительную часть статьи посвящает вопросу просвещения народа, чтобы не допустить его к мятежу. Он резюмирует:

Но настоящая причина всякого возмущения есть почти всегда само правительство. Будь оно благоразумно, пекись оно с прямотошiem о благе народном, и в народе не будет расположения к возмущению, и никакой возмутитель не подумает волновать его, ибо он не будет надеяться на успех своего замысла, напротив будет бояться привязанности народа к правителю. Где Правитель любит народное благо, там народ любит власть правителя. Там власть есть благо.

Не уважать народ свой есть совершенное безумство в Государе, есть что-то чудовищное, похожее на сумасшествие. Кто образует народ, кто доставляет ему просвещение, кто действует на его нравственность, кто возбуждает в нем честолюбие благородное, кто приводит в движение все его слова? Государь – законодатель, просветитель, представитель, вождь народа? И так народ делается достойным уважения только тогда, когда его Правитель дал ему для того способы! Если же он не достоин уважения, то в этом вина его Правителя! И так не народ свой, а себя должен презирать Правитель, если не может уважать своего народа (З. Т. 13. С. 302).

Вряд ли подобная инвектива могла проникнуть на страницы журнала, предназначенного для воспитания и образования наследника, тем более в атмосфере последекабрьских событий 1825 г. и обострившегося конфликта царя с оппозицией, главой которой называли Жуковского. Но для эволюции деревенского топоса она показательна с точки зрения как своего содержания, так и повествовательных стратегий. Путь Жуковского к политической публицистике и эпической поэзии – звенья одной цепи. В 1834 г. он создаст цикл «Народных песен» и гимн «Боже, Царя храни!» и выступит как историк и идеолог николаевского царствования [15], но идеи просвещения народа, мысли о положении крестьянства, обострившиеся в связи с событиями европейской революции 1848 г., не будут его покидать до самой смерти.

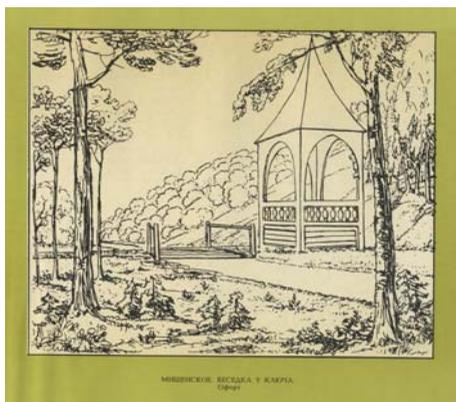
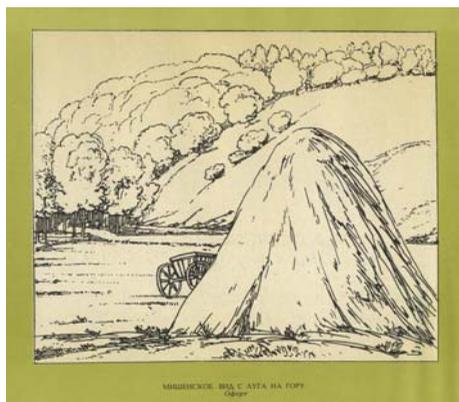
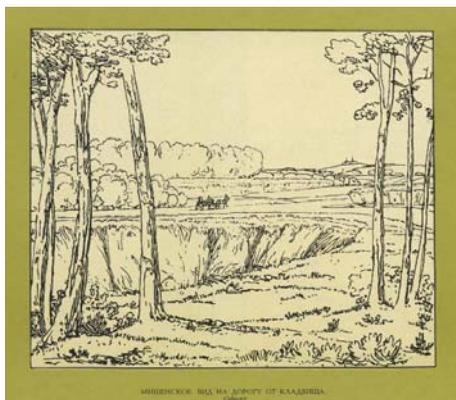
Поэзия деревенской жизни в творческом сознании Жуковского включает два компонента: вербальный и визуальный. В стихотворениях этот топос живет как память, как «посол души, внимаемый душой». Анафоры, вопросительная интонация формируют мирообраз душевного и природного простора, бесконечной дали и взаимоотражений:

Ты помнишь ли наш пруд спокойный,
И тень от ив в час полдня знойный,
И над водой от стада гул нестройный,
И в лоне вод, как сквозь стекло,
Село?

Рисунки и офорты Мишенского делают этот миробраз наглядным, осязаемым. Виды малой родины – это прежде всего открытые пространства. Холмистая местность открывает не только дороги, устремленные вдаль, к горизонту, но и вписывает пространство души в бесконечность неба, в горнее. Пруд, луг, гора, ключ, заросли деревьев, церковь, кладбище, стог сена, телега, дорога, беседка – всё это оваяно дыханием легкого ветерка, словно струится... И в памяти сразу же возникают воздушные стихи:

Легкий, легкий ветерок,
 Что так сладко, тихо веешь? <...>
 Я смотрю на небеса...
 Облака, летя, сияют
 И, сияя, улетают
 За далекие леса.

Деревенский топос Жуковского распространяется до пространства самой жизни.

Рисунки воспроизведены по изданию: [18. С. 30–33].

Обратившись в мае–июле 1839 г. к новому переводу «Сельского кладбища», Жуковский в предисловии писал: «Греева элегия переведена мною в

1802 году и напечатана в «Вестнике Европы» <...> Находясь в мае месяце 1839 года в Виндзоре, я посетил кладбище, подавшее Грею мысль написать его элегию <...> там я перечитал прекрасную Грееву поэму и вздумал снова перевести ее как можно ближе к подлиннику» (З. Т. 2. С. 717).

Как уже неоднократно и убедительно показано исследователями переводческой деятельности Жуковского, в переводе «Сельского кладбища» 1802 г. определяющим началом была установка на создание элегической модели карамзинского толка. В переводе 1839 г. изначально видим разрушение принципов сентименталистской поэтики. Отказ от строфического деления, гекзаметр способствуют воссозданию единого лирического потока как мыслительного и описательного процесса. В связи с этим жанровые признаки затушевываются. Открываются перспективы нового жанрового определения, введенного Жуковским для поздней лирики – «эпическое стихотворение».

«Уснувший мир уступая молчанию и мне» (IV, 28–29) – эти слова, столь важные для поэтики греевской элегии и отсутствующие в первом переводе, – указание на синтез описательно-панорамного и субъективного начал. Мир воссоздан Жуковским в объективном описании и в восприятии личности. Для Жуковского важна здесь авторская позиция. Меняется прежде всего облик лирического героя. На смену «певцу уединенному» приходит герой, более связанный с миром: «простую повесть об них рассказавший». Определение «простая», трижды повторяющееся в тексте перевода («простая летопись бедного», «простая надпись», «простая повесть»), скрепляет мир простых человеческих ценностей и позицию героя. Характерно в этом отношении последовательное изъятие из его характеристики определения «чувствительный». Трижды оно повторяется в переводе 1802 г. и ни разу в переводе 1839 г. Более того, Жуковский ищет ему замену. Ср.:

«Сельское кладбище» (1802)

1. *Чувствительный* придет услышать жребий твой;
2. Он кроток сердцем был, *чувствителен* душою...;
3. *Чувствительным* Творец награду положил (I, 56–57).

«Сельское кладбище» (1839)

1. <...> кто-нибудь сердцем близкий тебе...;
2. Был он душой откровенен и добр, и его наградило небо... (II, 315);
3. Нет соответствия.

Думается, это изменение важного для перевода 1802 г. определения связано с общим разрушением атмосферы существования лирического героя. В первом переводе его биография пронизана сентименталистскими формулами, передающими состояние чувствований и заданных эмоций. Устойчивые элегические формулы препятствуют раскрытию живого облика человека-героя. В переводе 1839 г. его поведение более жизненно и действенно; он не только автор «простой повести», но и сама его история проще. Ср. некоторые параллельные места двух переводов:

<u>«Сельское кладбище» (1802)</u>	<u>«Сельское кладбище» (1839)</u>
И твой ударит час, последний, роковой...	Соответствия нет.
<...> услышать жребий твой...	Знать пожелает о том, что случилось с тобой
<...> Когда спешил на холм зарю предупредить.	На рассвете поспешным Шагом, росу отряхая с травы, всходил на при- горок Встретить солнце...
Там часто в горести беспечной, молчаливой Лежал, задумавшись, над светлою рекой...	<...> лежал он В полдень, и слушал, как ближний ручей жур- чит, извиваясь...
<...> и в роще соловей Свистал вечерню песнь – он томными очами Уныло следовал за тихою зарей.	<...> у входа в долину стоял он, за солнцем Следуя взором и слушая зяблицы позднюю песнь.
Здесь пепел юноши безвременно сокрыли...	Юноша здесь погребен...

Уже эти примеры красноречиво передают суть эволюции образа героя. Жуковский решительно изымает из текста перевода 1839 г. всю психологическую атрибутику чувствительного героя. В рассказе «поседелого старожилы» его действия естественнее и оттого жизненнее. Поведение героя в большей степени определяется его размышлениями на сельском кладбище: Жуковский теперь и подчеркивает это. Восприятие мира в этом переводе глубоко лично-стно, в то время как в раннем переводе судьба героя лишь постскрипту к общей элегической медитации. Элемент риторики ощутим из-за разъединенности двух типов повествования. Обилие старославянизмов, типа «праотцы», «всемощныя», «вотще», «персть», «стезя», «глас», «потщившись», которыми насыщена медитация, указывает на связь перевода 1802 г. с одической традицией. Риторическое начало вступает в известное противоречие с обликом чувствительного героя, что и делает всю историю героя всего лишь эпилогом к элегии.

В переводе 1839 г. описательный и риторический пласты слиты более органично как части единого эмоционального потока. Риторический пласт приобретает от этого большую лирическую обобщенность и жизненную достоверность. Ораторские тирады и живая лирическая эмоция взаимодействуют. В переводе 1802 г. вопросительная мелодика достаточно риторична:

*И кто с сей жизнью без горя расставался?
Кто прах свой по себе забвенью предавал?
Кто в час последний свой сим миром не пленялся
И взора томного назад не обращал? (I, 55).*

Каждый из структурно однотипных вопросов, членящих строфу на законченные мысли-предложения, не требует ответа. Все вопросы погружены в общий поток медитации: их функция не информативна. В них нет движения мысли, а эмоциональный накал во многом определяется законами одической риторики.

В переводе 1839 г. все вопросы не просто слиты в один эмоциональный поток, но и за счет предельного распространения повествовательного начала и плавного течения гекзаметра образуют вопросительно-ответную цепь:

<...> И кто же,
 Кто в добычу немому забвению эту земную,
 Милую, смутную жизнь предавал и с цветущим пределом
 Радостно-светлого дня расставался, назад не бросая
 Долгого, томного, грустного взгляда (II, 316).

Прием насыщения вопроса ответной эмоцией, выраженной в трехступенчатых определениях, роднит перевод «Сельского кладбища» с поэтическими переложениями прозы, в частности с «Ундиной». Прием трехступенчатых определений («Эту земную, милую, смутную жизнь», «долгого, томного, грустного взгляда»), а также употребление сложных, гомеровского типа эпитетов (в первом переводе их нет ни одного, во втором – пять) свидетельствуют о новом качестве лиризма Жуковского. На смену лиризму песенного типа, характеризующемуся предельной обобщенностью эмоции, приходит более детализированное описание чувства. Вариативность чувства подчеркнута его дифференциацией, вероятностью («быть может»). Детализация, обусловленная общим эпическим контекстом, способствует становлению лирики более конкретного выражения и настроения. И вопросы, и рассуждения в большей степени теперь прикреплены к субъекту высказывания, а картины окрашены его живым, непосредственным чувством. Ср.:

«Сельское кладбище» (1802)

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
 Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
 Ни ранней ласточки на кровле щебетанье –
 Ничто не вызовет почивших из гробов (I, 53).

«Сельское кладбище» (1839)

<...> ни веселый
 Голос прохладно-душистого утра, ни ласточки ранней
 С кровли соломенной трель, ни труба петуха, ни отзывный
 Рог, ничто не подымет их боле с их бедной постели (II, 314).

В переводе 1839 г. Жуковский «засемляет», «одомашнивает» ситуацию. «Веселый голос прохладно-душистого утра» – образ, вобравший и «денницы тихий глас», и «дня юного дыханье», образ-камертон для всего последующего повествования. Трель ласточки, труба петуха, отзывный рог – конкретизация этого образа, музыка утра. Если в переводе 1802 г. из образной системы жизни мысль поэта сразу же обращается к царству смерти («не вызовет почивших из гробов»), то в переводе 1839 г. и потусторонний мир дан в координатах той же образной цепи: «<...> не подымет их боле с их бедной постели». Большой мир («уснувший мир», «мир <...> безмолвного древнего царства», «вечный мир»), бытие раскрывается в богатой гамме звуков жизни. «Колокол поздний», «тихое бляенье стада», «жужжанье жука», «жалобный крик совы», звук топора и т.д. – во всех этих звуках мир сельского кладбища хранит память о живом мире, живущих людях.

В воспоминаниях о поселянах, в которых «холод нужды умертвил благородный их пламень...», возникает веселый мир: «веселый голос прохладно-душистого утра», «как весело в поле <...> они выходили», «вдоль свежей, сладко-бесшумной долины жизни», «цветущим пределом радостно-светлого дня». Эпическое повествование, сняв риторичность сентиментального чувствава-

ния, придало не просто обстоятельность, конкретность описаниям, но и выявило многокрасочность чувства. Деревенский топос в поэзии Жуковского 1830-х гг. наполняется эпическим содержанием и связан с его поисками в области «повествовательной поэзии».

1840-е гг. внесли существенные коррективы в размышления Жуковского о проблемах русской деревни. Революция 1848 г., очевидцем которой он оказался, обострила общественный пафос и публицистический характер его рефлексии. Одним из первых в истории русской общественной мысли он обратил особое внимание на опасность исключения из понятия «народ» высшего и среднего класса, следования доктрине новейшей философии: *la propriété c'est le vol* (собственность – кража). «Толпа пролетариев, которым нужно иметь чужое, дабы иметь что-нибудь своё» [16. С. 539] – так Жуковский в письме великому князю Александру Николаевичу формулирует новую социальную реалию современной истории, ведущую к разрушению не только порядка, но и нравственных основ государственного бытия. Эта опасность пролетаризации общества обостряет в рассуждениях Жуковского проблему крепостного права в России. «У нас еще нет пролетариев, – пишет он в заключительном фрагменте письма, – есть *искусственные* пролетарии; но правительство, которое само произвело их, может легко их уничтожить» [16. С. 542]. Очевидно, что «искусственные пролетарии» в лексиконе автора письма – это крепостные крестьяне, и Жуковский акцентирует в этом процессе пролетаризации русского общества роль правительства. Показательно, что именно в 1848 г. Николай I образует Комитет по выкупу крепостных крестьян, но все-таки не решается на радикальные меры по освобождению крестьян. Голос Жуковского не был услышан нынешним правительством, но он не мог не проникнуть в сознание наследника престола.

Работа над переложением гомеровского эпоса (именно в 1828 г. он создаст свою «Малую Илиаду») способствовала формированию повествовательной поэзии, о которой сам поэт будет нередко говорить в своих письмах. Семилетняя работа над переводом «Одиссеи» (1842–1849), которая «созидалась в борьбе с визгами подстрочника, революции и современной «конвульсивной» поэзии» и которую исследователь называет не без оснований «его бидермайерская ТЕОДИССЕЯ» [9. С. 261], стала итогом деревенского дискурса Жуковского. Но это тема уже специального исследования.

В течение почти 50 лет, от появления на страницах карамзинского «Вестника Европы» в 1802 г. «Сельского кладбища» до публикации в различных периодических изданиях статей о революционных событиях 1848 г., Жуковский формировал в русском общественном сознании образ русской деревни и проблему положения крестьян. В своей поэзии он озвучил деревенский топос, воссоздал его как общероссийское пространство. Музыка деревенского вечера, пейзажные зарисовки, лиризм песенного типа вводили деревенскую тему в русское сознание, приближали ее к читателю. В этом смысле он поистине «разрыхлил русскую душу». Баллады способствовали антропологизации этого пространства. «Людмила» и «Светлана» продолжали традицию «Бедной Лизы» Карамзина, акцентируя способность простой русской девушки противостоять обстоятельствам и бороться за свою любовь. Идиллии Жуковского открывали возможности в раскрытии буден деревенской жизни и мышления обыкновенного крестьянина. В набросках «рус-

ской повести», в материалах «Собирателя» и «Муравейника», во втором переводе «Сельского кладбища», в «народных песнях» и политической публицистике он выявлял взаимосвязь деревенского дискурса с идеями своей педагогики и проблемами национального эпоса.

Поэт и переводчик, педагог и историк, идеолог и культуртрегер николаевского царствования, формировавший идею Святой Руси, создатель государственного гимна России, он был умеренным либералом, но его голос был услышан и отозвался в последующей русской культуре от Пушкина и Гоголя до деревенской прозы 1960-х гг.

Литература

1. Соловьев В.С. Родина русской поэзии: По поводу элегии «Сельское кладбище» // Вестник Европы. 1897. № 11.
2. Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994.
3. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 1999–.
4. Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895.
5. Топоров В.Н. Пушкин и Гольдсмит в контексте русской Goldsmithiana'ы (к постановке вопроса). Wien, 1992.
6. Ветшева Н.Ж. Замысел поэмы «Весна» в творческой эволюции Жуковского // Жуковский и русская культура: сб. науч. тр. Л., 1987.
7. Вигель Ф.Ф. Записки / ред. и вступ. ст. С.Я. Штрайха. М., 1928. Т. 1.
8. Вацуро В.Э. Русская идилия в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л., 1978.
9. Виноцкий И. Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского. М., 2006.
10. Собиратель. 1829. № 1–2.
11. Вестник Европы. 1808. Ч. 42, № 21. Ноябрь.¹
12. Айзикова И.А. Жанрово-стилевая система прозы В.А. Жуковского. Томск, 2004.
13. Российская Национальная библиотека (РНБ). Ф. 286. Оп. 1. № 126.
14. Янушкевич А.С. Круг чтения В.А. Жуковского 1820–1830-х годов как отражение его общественной позиции // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч. 1. Томск, 1978.
15. Гузаиров Т. Жуковский – историк и идеолог николаевского царствования. Тарту, 2007.
16. Жуковский В.А. Сочинения. 8-е изд. СПб., 1885. Т. 6.
17. Милонов Н.А. Тульский край в рисунках В.А. Жуковского. Тула, 1982. С. 30–33.

¹ Ср.: [З. Т. 12. С. 189].

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 808

DOI 10.17223/19986645/21/11

С.В. Меньшенина

МОСКОВСКАЯ РИТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА Ю.В. РОЖДЕСТВЕНСКОГО: ОСНОВАТЕЛЬ И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

В статье рассмотрены исследования московской риторической школы, прежде всего труды Ю.В. Рождественского, которому принадлежит роль восстановителя риторики в России. Он определяет речь как инструмент управления обществом и людьми и, опираясь на классические традиции, формулирует предмет, цели и задачи риторики в условиях информационного общества. Идеи риторики Ю.В. Рождественского получили дальнейшее развитие в работах его последователей А.А. Волкова, В.И. Аннушкина и других ученых.

Ключевые слова: Ю.В. Рождественский, риторика, информационное общество, эффективное общение.

Охарактеризовать современные российские риторические школы как научно-педагогические направления не просто, ибо во многих регионах сложились не только коллективы ученых и педагогов, отстаивающие определенные взгляды на предмет риторики и речеведения в целом, но имеются и отдельные ученые, самостоятельно заявляющие о своем праве создавать оригинальные исследования или отдельные разработки. Настоящая статья посвящена целиком исследователям московской риторической школы, объединенным вокруг кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ им. М.В. Ломоносова. Семидесятые годы можно назвать временем возрождения риторики, когда, несмотря на сопротивление в определенных ученых кругах, новый заведующий кафедрой Ю.В. Рождественский (он принял кафедру в 1971 г.) начал проводить энергичные исследования по риторике и читать различные курсы, связанные как с общей риторикой, так и с риторикой деловой прозы.

Ю.В. Рождественскому справедливо принадлежит роль восстановителя риторики в России и основателя ее современной теории. Опираясь на философско-лингвистическое учение В.В. Виноградова, он возродил классические риторические понятия, отразил новый взгляд на речь в современных условиях развития общества, а именно в период развития массовой коммуникации как нового рода словесности, поставил перед русистами задачу изучать этот влиятельный вид речи и, что особенно важно, в реальной педагогической практике разрабатывать методику преподавания риторики.

Риторика начала вписываться в широкий контекст общей филологии (в 1978 г. вышла до сих пор, полагаем, мало оцененная коллегами его книга «Введение в общую филологию»), становясь необходимой частью современной русистики, «центральной дисциплиной» для новой философии языка.

Надо отметить, что по сей день в теоретическом осмыслении современной отечественной риторики многим исследователям, на наш взгляд, не хватает глубины понимания ее интегрирующей роли.

Остановимся на основных положениях риторики Ю.В. Рождественского, в которых отражены взгляды ученого на эту науку. Прежде всего, как в работах определяется понятие риторики, ее предмет и задачи? Ю.В. Рождественский писал: «Риторика – одна из классических гуманитарных дисциплин. Эта дисциплина изучает речь и рекомендует правила искусной, целесообразной и убедительной речи. Таким образом, у риторики две части: одна – исследовательская, научная, другая – практическая, дидактическая» [1. С. 12].

Важным является выделение в определении риторики ее научной составляющей, опора на классические традиции, поскольку многие исследователи, вульгаризируя ее сущность, представляют риторику всего лишь как некую технологию, совокупность практических рекомендаций. В другой работе, в статье «Риторика публичной лекции» (1989), ученый говорит о новом (по сравнению с существующим тогда) понимании области риторики, обращаясь к возникшим общественным реалиям, формам и видам речи. В этом смысле принципиально важным стало его обращение к прозаической речи во всех сферах жизни, что было отражением аристотелевского представления о риторике, когда дар речи применяется в самых разных областях – от житейских до ситуаций государственной важности.

Другими словами, Ю.В. Рождественский, следуя классической традиции, видел область риторики много шире, нежели только искусство публичного монолога, как принято было понимать риторику в Античности или как её упрощённо понимают некоторые современные ученые. В этом отношении закономерным стало его совершенно справедливое утверждение о необходимости изучения не только текстов художественной литературы, но и всех родов речи: и деловой прозы, и научной, и разговорно-бытовой, и журнальной, и текстов массовой коммуникации, поскольку именно прозаические речи являются определяющими в общественной практике современного человека. Это, в свою очередь, обозначило задачу исследования частных риторик, для того чтобы обеспечить эффективное общение в разных сферах речевого общения.

В своем основном научном труде «Теория риторики» Ю.В. Рождественский пишет: «История риторики есть история стилей жизни. Информационное общество несет новый стиль жизни и требует новой риторики. Стилевая задача новой риторики состоит в понимании и пользовании всеми видами слова, а не только публичной устной речью» [2. С. 3].

По словам ученого, отсутствие эффективной и целесообразной речи, обеспечивающей стилевые движения общества, приводит к стагнации.

Ю.В. Рождественский высказывает справедливую мысль о речи как орудии управления обществом и людьми. Вслед за Аристотелем ученый пишет о том, что «общественное государственное устройство есть прежде всего речевая организация общества» [2. С. 11]. Важным стало положение о социальном характере производства речи и индивидуальном характере ее освоения.

Вот как ученым сформулированы задачи риторики: «Первая задача риторики состоит в умении быстро воспринимать речь во всех видах слова и извлекать нужные смыслы для принятия оперативных решений, не давая себя

увлечь, сбить на деятельность, невыгодную себе и обществу. Вторая задача риторики есть умение изобретать мысли и действия и облекать их в такую речевую форму, которая отвечает обстоятельствам. Это значит уметь создавать монолог, вести диалог и управлять им, управлять системой речевых коммуникаций в пределах своей компетенции. Обе задачи должны опираться на культуру речи данного общества» [2. С. 3]. Риторические задачи состоят в том, чтобы убеждать, агитировать, пропагандировать [3. С. 10]. Ценными предложениями явились рекомендации Ю.В. Рождественского относительно подготовки, «самовоспитания» оратора, которые даются в ключе классической риторики и являются созвучными советам Цицерона и Квинтилиана. Прежде всего, по словам Ю.В. Рождественского, необходимо знание правил риторической деятельности. Кроме того, условием формирования оратора является талант – «особая языковая одаренность» [4. С. 48]. Избегая искусственных условий, поскольку так не может формироваться ритор, необходимо тренировать свои способности в реальной риторической практике, убедительно представляя в своей позиции собственную точку зрения: «... в обществе всякий интерес встречается с противоборствующим интересом. Поэтому всякое ораторское действие – это борьба за утверждение собственной точки зрения» [4. С. 48]. Таким образом, путь к ораторскому мастерству: от образца (устного и письменного) и его анализа – к риторической теории, далее – к регулярной собственной ораторской деятельности.

Идеи риторики Ю.В. Рождественского получили дальнейшее развитие в научных трудах А.А. Волкова, его последователя, заведующего кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ им. М.В. Ломоносова. В монографиях «Курс русской риторики» и «Основы русской риторики» наука рассмотрена в свете православных традиций отношения к слову, речи.

А.А. Волков, как и принято в классической традиции, определяет предмет риторики широко: «риторика изучает любые произведения слова, в которых содержится аргументация» [5. С. 9]. Аргументация содержится и в научных, и в философских, и даже в художественных произведениях. Особенность риторики состоит в том, что изучение произведений слова для нее не самоцель, а средство.

Риторика в отличие от других речеведческих дисциплин, которые исследуют продукт речевой деятельности, т.е. ее результат, изучает процесс порождения речи в зависимости от цели и условий общения. Это положение, на наш взгляд, является принципиально важным, ибо, как мы уже отмечали, риторика не должна сводиться лишь к внешней стороне: технике речи, отношениям оратора и аудитории, проблемам воздействия на слушателей и т.д. В конечном итоге такое представление изымает из риторики ее филологическую сущность, которая заключается в умении изобретать, располагать и словесно выражать мысли – создавать речь в реальной ситуации общения.

Московскую риторическую школу представляет В.И. Аннушкин, заведующий кафедрой русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, которому принадлежат основополагающие научные труды, посвященные истории отечественной риторики: «Русская риторика. Исторический аспект», «История рус-

ской риторики. Хрестоматия». Обращенность в прошлое науки о речи позволяет избежать поверхностных ее определений, глубже понять сущность риторических категорий, оценить «подлинное своеобразие мыслительного богатства родной филологической культуры» [6. С. 160]. Теоретико-методологические основания риторики изложены автором в книге «Риторика. Вводный курс» (2006). Автор называет риторику фундаментальной наукой о речи, которая является основой всякой интеллектуальной профессии, наукой о мысли и речи, учением об убедительной, уместной и эффективной речи, учением о воспитании личности через речь. В.И. Аннушкин говорит об актуальности и сопоставимости классических определений риторики с современной речевой практикой. В пособии рассматриваются такие понятия, как образ ратора и совокупность речевых, этических, интеллектуальных и эстетических требований к нему. Учебное пособие «Риторика. Экспресс-курс» (2008) предназначено широкому кругу людей, стремящихся к овладению речевым мастерством. Автор, обладая богатым опытом проведения риторических тренингов, удачно сочетает теоретический материал с методическими рекомендациями, иллюстрациями и примерами из практики преподавания риторики. В пособии подробно описаны система изобретения идей с помощью топосов и методика работы по ним, что редко используется в практике обучения риторике, а между тем это является продуктивным способом распространения мысли, создания информативного текста.

Логично выстроенная система упражнений, поданная в увлекательной форме, помогает пошагово формировать риторические умения и навыки, работать над индивидуальным образом оратора.

В.И. Аннушкиным написано учебное пособие для старших классов «Риторика» (М., 2011), которое отличается от многих появившихся в последние годы школьных учебников теоретической глубиной, логичностью и систематизированностью построения материала. В основе курса лежит классический риторический канон, включающий все этапы создания и представления текста.

Фундаментальные правила для говорящего и слушающего формулируются с опорой на пословицы и поговорки о языке и речи, духовную литературу, которые дают школьникам представления о роли языка в воспитании и преобразовании личности и показывают, как с помощью слова можно гармонизировать человеческое общение.

Традиции Ю.В. Рождественского продолжены в риторическом творчестве множества российских и иностранных коллег, которые преподают не только в вузах, но и в школах. Имена учеников Ю.В. Рождественского, исследующих самые разнообразные области риторики (как отдельные её разделы, так и национальные традиции в целом), многое скажут заинтересованному читателю, это:

– (*русская риторика*) А.П. Романенко, автор известных работ об образе ратора, исследователь особенностей советской риторики (чтобы не загромождать этот перечень ссылками, называем тематику исследований ученых. – С.М.); И.В. Пешков (диссертация об изобретении речи), автор множества книг о творчестве М.М. Бахтина, переводах «Риторике» Аристотеля, переводах «Гамлета», основатель издательства «Лабиринт»; Л.К. Салиева (диссертация о риторике художественной прозы, автор риторических разборов В. Набокова и других

писателей); А.К. Соболева (диссертация о риторике судебной аргументации, автор книги о топике в судебной речи);

– (*американская риторика*) О.П. Брынская (автор, очевидно, первой диссертации по американской риторике, защищенной в МГУ им. М.В. Ломоносова в 1976 г.), В.Н. Радченко (автор диссертации по истории американского ораторского искусства и соответствующей книги (1986), Н.Н. Германова (автор диссертации и книг по американской художественной прозе), О.А. Сычев (автор диссертации и книг по американской риторике 80–90-х гг.);

– (*французская риторика*) Н.А. Безменова (автор диссертации по истории французской риторики и ряда книг о риторике, ставших иницилирующими в риторических исследованиях начала 90-х гг.);

– (*немецкая риторика*) С.В. Гундорова (автор диссертации по истории немецкой риторики), и др.

Будучи по первоначальному образованию китаистом, Ю.В. Рождественский не только продолжал заниматься китаистикой, но оказал большое влияние на подготовку национальных кадров в Китае: до сих пор, по свидетельству его ныне активно работающих китайских учеников, советами Рождественского пользуются в Министерстве образования КНР. В настоящее время его ученики, прошедшие школу кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ им. М.В. Ломоносова, занимают ведущие посты в ряде китайских вузов: Ван Синьи – ныне декан факультета русского языка и культуры Пекинского университета, Чу Минь – профессор кафедры русского языка того же университета, автор замечательной работы о переводах лексики пушкинского времени на китайский язык; Чжан Дэхоа – профессор Гуаньдзунского университета, автор диссертации и монографии о безэквивалентной лексике русского языка.

Автор первой научно-биографической книги о Ю.В. Рождественском, его ученик, декан факультета искусств МГУ им. М.В. Ломоносова А.П. Лободанов дает замечательную характеристику личности ученого (филолога и ритора) в заключении своего повествования: «Как никто, Юрий Владимирович был наделён даром научного изобретения и мог оживить любую мысль, хотя бы и вне своей специальности, озарить ее, переродить ее. И это в сочетании с редкостным уважением к чужому тексту, мысли и стилю! Будучи человеком синтеза, умевшим представить внутренним зрением пути развития и эволюции языка и культуры, Ю.В. Рождественский воспитывал в своих товарищах и учениках умение работать с предметами мысли для познания сущности явления, воспитывал понимание того, что филология – не совокупность дисциплин, не «брачный союз» лингвистики и литературоведения, а система знания; тем самым Юрий Владимирович сумел организовать своих воспитанников в поколение, имеющее лицо» [7. С. 159].

Творчество Ю.В. Рождественского свидетельствует о том, как много может сделать в науке человек, любящий трудиться, стремящийся к истине, много и продуктивно работающий сам и интенсивно взращивающий отеческой заботой и вниманием поколение своих последователей-учеников.

Литература

1. *Рождественский Ю.В.* Становление риторики: проблемы и перспективы // Вопросы лекционной пропаганды. М.: Знание, 1988. С. 12–34.
2. *Рождественский Ю.В.* Теория риторики. М.: Добросвет, 1999.
3. *Рождественский Ю.В.* Проблемы влиятельности и эффективности средств массовой информации // Роль языка в средствах массовой коммуникации: сб. обзоров. М., 1986. С. 7–45.
4. *Рождественский Ю.В.* Риторика (или как избежать ошибок при общении). Грозный: Книга, 1992.
5. *Волков А.А.* Курс русской риторики. М.: Изд-во храма св. муч. Татианы, 2001.
6. *Аннушкин В.И.* Язык и жизнь: Книга о русском языке – слове – речи. М., 2009.
7. *Лободанов А.П.* Юрий Владимирович Рождественский: очерк творческой биографии. М., 2009.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕФИРЕНКО Николай Фёдорович – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Белгородского государственного университета.

E-mail: n-alefirenko@rambler.ru

АНИСИМОВА Евгения Евгеньевна – канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

E-mail: eva1393@mail.ru

АЩЕУЛОВА Ирина Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета.

E-mail: asheulova@mail.ru

ГРИЦЕНКО Любовь Михайловна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета.

E-mail: grluba@rambler.ru

ЕФАНОВА Лариса Георгиевна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета; докторант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.

E-mail: efanova@sibmail.com

КАТУНИН Дмитрий Анатольевич – канд. филол. наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

МАРЬИН Дмитрий Владимирович – канд. филол. наук, доцент, докторант кафедры русской и зарубежной литературы Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

E-mail: dvmaryin@mail.ru

МЕНЬШЕНИНА Светлана Витальевна – канд. пед. наук, доцент кафедры филологического образования Московского института открытого образования.

E-mail: menschen@yandex.ru

НИКИЕНКО Ирина Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры теории языка и методики обучения русскому языку и литературе Томского государственного педагогического университета.

E-mail: inikienko@yandex.ru

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Борисовна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Томского политехнического университета.

E-mail: annas24@yandex.ru

ЯНУШКЕВИЧ Александр Сергеевич – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.

E-mail: asyanush50@yandex.ru

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH

LINGUISTICS

P. 5. *Alefirenko Nikolay F.*, Belgorod State University (Belgorod, Russia). SENSE AS LINGUISTIC PHILOSOPHICAL PHENOMENON. The formation of a consistent linguistic-philosophical doctrine of the essence of sense consists in the detection of regularities of its ontological correlations to the meaning as a related category. Traditionally these two semantic phenomena were segregated in researching, and quite often replaced each other in linguistic analysis. It was unfair. The incompatible interdisciplinary interpretations of sense and meaning in philosophy, logic and psychology do not promote further development of researches in semantics. In the logic-philosophical researches the task is solved of semantic segregation of denotationally equivalent signs. There are three variations of such a research method. The first can be called referential (extensional). Here the meaning of a linguistic sign depends on "the circumstances in the world" and the verbalized discursive situation, but not on the method of information representation in it.

In connection with this idea the sense of linguistic phrases identifies with the denoted objects that function as referents and denotation (S. Kripke, J. Hintikka, D. Lewis, R. Montague, D. Kaplan, M.J. Cresswell).

The second variation is based on the conditionality of the sense of proposition by the conditions of its truth/untruth. The third variation interprets the sense of the phrase as information it includes (J.M. Dunn, G. Priest). Its followers distance from the theory of extensional semantics and the semantics of possible worlds basing on this theory. They support the intentional interpretation of sense following G. Frege (E. Voishvillo, L. Wittgenstein, J. Austin). They interpret sense as the factor of interpersonal communication.

Such a point of view means to address to the realities of natural language because in other way the development of the linguistic theory of sense is inconceivable. The article deals with the defence of the interdisciplinary method to understand the sense. This way logic-philosophical and logic-semiotic ideas can be the necessary base to form a cognitive-semantic conception, which is used to discover the complex configuration of interrelation between meaning and sense by deep research of the cognitive and communicative-pragmatic mechanisms of speech activity. This method can prevent some misunderstandings in the practice of linguistic analysis. First of all, it is identification of the sense with the concept. It also is the synonymization of the sense and the meaning. In our opinion, verbalized concept is not identical either to the sense or to the denotation, though it has sense, i.e., it integrates different denotative meanings of ordinary-conceptual, evaluative and descriptive origins. The created cognitive-communicative theory of sense consists of two parts: nominative and communicative.

In terms of nominative-oriented semasiology the meaning of the word mark is usually defined by the denotation; the sense is determined by the concept, which is a socially conditioned representation (an ordinary notion) of this denotation. The concept includes information that correlates the linguistic sign with its referent.

The perspectives of research of meaning and sense are connected with the cognitive linguistic culture study aiming to enter the hidden depths of value-notional language space.

Keywords: nomination, meaning, notion, denotation, referent, extension, intention, concept, intentionality.

P. 15. *Gritsenko Lyubov M.*, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia). COMMUNICATION STRATEGIES AND TACTICS REPRESENTED BY PRECEDENT TEXTS (BASED ON CHAT COMMUNICATION). This article describes the study of precedent texts as a phenomenon that reflects the value judgments of the society, whose study is extremely relevant in modern linguistics.

Precedent texts as relevant in the cognitive and emotional aspects are often used in various communication fields, including the chat as a genre of virtual discourse.

Precedent texts are multi-functional due to the diversity and number of their sources (films and quotations from TV, works of art, popular songs, The Old Testament, poems, famous sayings, etc.). Precedent texts can represent a number of different communication strategies. The set of strategies depends on the type of the precedent text (from a cartoon to a saying), and genre specific of the chat.

Chat is an informal communicative interaction between the participants of communication carried out via the Internet in real time and has such basic features as anonymity, communicative "equality", purpose of entertainment, presence of carnival components, etc.

Strategies are represented by communication tactics that implement them. During the research we have identified several strategies represented by precedent texts in chat communication: 1) evaluation strategy implemented by the tactics of characterizing. This strategy allows the communicant to express their attitude to other participants in communication situations, evaluate them, because of the axiological component of the precedent text, 2) self-evaluation strategy implemented by the tactics of characterizing that primarily focuses on the "appealing", according to the communicant, personal characteristics, 3) strategy of non-trivial thought expression realized by the etiquette tactics and the tactics of verbal variety. This strategy stems from the fact that the precedent text is "aesthetically designed" and allows the communicant to "decorate" their speech, and 4) game strategy implemented the tactics of the use of language games. Precedent texts in the chat are often transformed, re-interpreted, which allows one to include them in a language game.

As a rule, the use of precedent texts that realize a particular communicative strategy aimed at self-presentation, demonstration of positive, in terms of communicant, qualities, creativity, ability to use the word.

Keywords: precedent text, chat-communication, language game, communication strategy, communication tactics.

P. 22. *Efanova Larissa G.*, Tomsk Polytechnic University; Tomsk State University (Tomsk, Russia). ON PARAMETRICAL NORMS PROBLEM. The article analyses one of the varieties of norms that are reflected in the semantics of language units. The norm is general stereotyped ideas of quantitative and qualitative object characteristics and of its place in the linguistic picture of the world that are accepted in a language group as a due, thus positively evaluated, state for this type of objects.

All the norms reflected in language units meanings can fall in two classes by their content: parametrical norms and axiological norms. Axiological norms content is the optimal state of the object. The meaning of parametrical norms is the average degree of quality of the object.

The idea of the average degree of the object's quality finds expression in the language mainly in parametrical adjectives, in nouns they form and in the so-called degrees of quality. Each of these groups is semantically heterogeneous and includes different units.

Adjectives denoting size are the kernel of the class of parametrical adjectives, for example: *big – small, high – low, wide – narrow, frequent – rare, deep – shallow, strong – weak, heavy – light, large – small, long – short, thick – thin*, etc. It is accepted to classify experience adjectives that indicate the properties of the object that influence people and cause certain reactions as parametrical adjectives, for example: *hot, bitter, prickly, hard, rigid*, etc. Words indicating other physical parameters of objects (including velocity, age, power and so on) are peripheral parametrical adjectives, for example: *weak – strong (wind), old – young (person), old – new (house), steep – flat (slope)*, etc. All these groups of adjectives express relation to norm only in case of indicating any positive (for example: *broad way, hot tea, sharp knife*) or negative quality of the object (for example: *small potatoes, warm beer, blunt scissors*).

Derivative adjectives of degree of quality formed with the help of special morphemes and repetitions, having certain gradation meaning, for example: *большущий, здоровенный, малюсенький, толстенький, худой-расхудой*, also belong to parametrical adjectives. Substantives with magnifying and diminutive suffixes and prefixes are similar in semantics, for example: *ножища, архиплут, малютка, крошечка*. Degrees of quality and substantives with magnifying affixes in most cases express negative opinion of the object. This opinion is conditioned by the exceeding of the norm of quality by the object. On the contrary, degrees of quality and substantives with diminutive suffixes, as a rule, do not express negative evaluation of the object despite the fact that these qualities are not normal either. Derivatives with diminutive derogatory suffixes are exceptions to this rule, for example: *старикашка, комнатушка, комнатенка, городишко*.

Key words: parametrical norm, parametrical adjectives, degrees of quality.

P. 32. *Katunin Dmitry A.*, Tomsk State University (Tomsk, Russia). LANGUAGE LEGISLATION OF KOSOVO AND METOHJA IN INTERNATIONAL PROTECTORATE PERIOD OF 1999-2008. The legal acts of Kosovo adopted in the period of international administration of the region in 1999–2008 regulating the status and aspects of use of languages and alphabets are analysed: both the laws of the region as a whole, and the basic laws – statutes – of all 27

municipalities that existed on the territory controlled by the government of Kosovo during the specified period. These documents define the languages in (official) use, languages of communication of the population with the authorities, languages to be used at meetings of municipal councils, committees and commissions, languages for publishing official documentation, etc. The analysis of the documents regulating the use of languages on the territory of Kosovo and Metohija in the period of international protectorate allows stating the importance and the matter-of-principle character of the problem for the authorities and the population of the region and tracing the distinctions in the relevant provisions fixed in the legal documents of the regional and municipal levels.

The laws of Kosovo (Constitutional Framework for Provisional Self-Government; Regulation on Self-Government of Municipalities in Kosovo; Law on the Use Languages), which were developed with direct participation of UN representatives (they saw the need in smoothing of inter-ethnic contradictions as the main reason for the conflict), contained the most detailed regulations on the necessity to use the Albanian and Serbian languages (and the languages of all other national communities of the region: Turkish, Bosnian and Romani, whenever possible) in the official and public spheres of activity.

Though these requirements were standardly applicable for the units of local governments, too, the majority of basic laws (statutes) of communities does not show a similar loyalty and tolerance to the use of languages of the minorities on their territories. For example, documents of five communities do not mention the Serbian language at all. Statutes of three municipalities specify the Albanian language as the only language in the official use. In one community the languages of official communication are the Albanian and English languages. English in various statuses is mentioned in statutes of 16 municipalities of the existing 27. In seven cases when stating languages of the press English is listed before Serbian, but after Albanian. The Serbian language is #1 in the list of languages in use only once. In statements about the languages of meetings of municipal councils and other authorities, 11 cases contain specification that such meetings can take place only in one language, which is against the requirements of Kosovo laws. But for Albanian, English and Serbian, the basic laws of four communities mention the Bosnian and Turkish languages.

After the unilateral declaration of independence from Serbia in February, 2008 all the considered documents of the municipal level became invalid as the communities adopted new statutes.

Keywords: sociolinguistics, language policy, official language, Albanian language, Yugoslavia, Serbia, Kosovo, UNMIK.

P. 50. *Maryin Dmitriy V.*, Altai State University (Barnaul, Russia). PROBLEMS OF TEXTOTOLOGY OF V.M. SHUKSHIN'S WORKING NOTES. In this article the author refers to the problems of textual study of working notes of the famous Russian writer and film director V.M. Shukshin. Working notes of V.M. Shukshin is the most important part of his "creative laboratory". Meanwhile, it is a part of Shukshin's artistic heritage that is studied the least. So far there is no complete set of Shukshin's working notes, there is lack of research works dedicated to the texts of this genre. Textual problems imply the study of the origin of each working note, manuscript sources containing notes of the writer, the characteristics of their orthography and punctuation, dating, the study of the history of publishing. In some cases, textual analysis is the starting point of literary interpretation of the working notes.

The main part of the article is devoted to the analysis of the following issues: the origin of the working notes, the history of publication of the notes, the problem of genre heterogeneity, the problem of the integrity of the text of the working notes, the issue of their dating. The problem of the origin of the working notes involves analysis of the originals of Shukshin's notes, i.e., study of manuscript sources containing such records. Studying the history of publishing of the notes in the posthumous publications is important in establishing the main text of the working notes, in addressing issues related to the structuring of the notes corpus, etc. The problem of the integrity of the text lies in establishing of the main text of the working notes and preserving its authenticity in the publication, as the text of the manuscript is often damaged, and the publishing process often distorts orthography and punctuation of the original. The problem of dating of the notes is relevant not only in the historical and literary aspects, but also important in the reconstruction of the biography of the writer. A correctly dated working note may give evidence about the emotional and intellectual state of the writer at a certain period of time, highlight the moral and spiritual dominants of Shukshin at the time.

Finally, the author comes to the conclusion that textual problems are a large and significant part of the research area associated with the study of V.M. Shukshin's works. Studying the questions of textology would be the first stage of philological analysis of the working notes. Without it, a complex

study can not be made of genre specificity of the working notes texts, peculiarities of their language and poetry, and in many cases we cannot give an adequate interpretation of the working notes content. The solution of these problems is the immediate challenge of modern Shukshin studies.

Keywords: Russian literature of 20 century, textology, V.M. Shukshin, non-fiction genres, working notes.

P. 57. *Nikienko Irina V.*, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia). WATER AS ONTOLOGICAL AND GNOSEOLOGICAL ENVIRONMENT (PECULIARITIES OF ARTISTIC ADAPTATION OF PHILOSOPHICAL CONCEPT "FIRST CAUSE" IN "SOCRATES OF THE SIBERIAN ATHENS" BY V.D. KOLUPAEV). "Socrates of the Siberian Athens" by V.D. Kolupaev represents a composition of a complex genre combining fantasy and parody, and the parody is understood by the author as rehash, in particular, rehash of ideas. Borrowing of philosophical terms from texts parodied in the novel poses the problem of adaptation of the referred non-artistic concepts to artistic discourse and the picture of the world embodied in it. This adaptation is performed by a partial restructuring of the prototype concept semantics and the emergence of new semantic components (individual author's semantic increments) in the adapted concept.

Thus, the philosophical concept "Water (as a first cause)" adapts to the artistic discourse of the novel in the process of involving into the associative-semantic field of the concept "Siberian Athens" and transformation of the basic opposition "arche – stoicheion" into the axiologically loaded one, as well as by means of development of the semantic version "Water as ontological / gnoseological environment". The first way of adaptation is typical for all philosophical concepts of the "first cause" group, the second is specific.

The meaning "Water as gnoseological environment" is represented in "Socrates of the Siberian Athens" much more often than the meaning "Water as ontological environment", because the narrative is focused on the image of space of the narrator's (global person's) thoughts and feelings. Each time the cognitive process is related with the person's staying in Water; it is manifested in the frequency of use of the "water" metaphors on the verbal level of the novel and in the continuous reproduction of *immersion, emersion, floating, sinking* motives on the story level.

Through the prism of "water" associations cognition appears in the text of the novel in the aspects of activity, risk, focus, success, self-reliance, which is reflected in a series of steady lexical oppositions (*to immerse – to dive, to sink – to come up, the bottom – the surface*, etc.). Further semantic deployment of the concept "Water" in this direction is connected with the updating of motives of Plato's "recall" (anamnesis), *spirit guiding* and harmonization of the *Apollonian* and the *Dionysian* principles (with respect to the images of the *dolphin* and *Delphi*).

Irrelevance of the "water" metaphors for the description of the cognitive process (in episodes of *swimming* and *riding a dolphin*) marks the character's typological identity if one is not a gnoseological subject for any reason (cf.: *global person* who has not yet formulated the "accursed questions"; *hetaera Kallipyga* as personification of Beauty inseparable from Truth).

Keywords: V.D. Kolupaev, concept "first cause", artistic adaptation of philosophical concept.

LITERATURE STUDIES

P. 68. *Anisimova Yevgenia Ye.*, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia). "WHEN THE MOON ROSE AND CAST ITS MINTY LIGHT ON THE MINIATURE BUST OF ZHUKOVSKY": "ZHUKOVSKY CODE" IN ILF AND PETROV'S *THE TWELVE CHAIRS*. In the article the perception of V.A. Zhukovsky's social and literary works by Ilya Ilf and Evgeny Petrov, the authors of the satiric novel *The Twelve Chairs*, is examined. The episode with Zhukovsky's bust in the chapter "Madame Petukhov's Demise" opens a sequence of "sculptural" motif structures and plot lines in the novel. The first ideological purpose of the bust gallery, which included Zhukovsky's monument, is to symbolize the end of the imperial era. Thus, a good narrative example of the Empire's decline as the two authors saw it was the sequence of busts of Alexander I, Alexander III, Napoleon and, finally, of the cooperative shop proprietor – a comic character whose neighboring position to the Russian emperors obviously was to make readers laugh at all of them. The two versions of the novel (censored and published in 1927) and uncensored (which has recently been published) are analysed. The latter presents a broader associative and inter-textual field referring to the Romanov's Empire as compared to the former. Although on the authors' way from the more comprehensive initial version to the second the novel suffered multiple reductions, there was a group of episodes left untouched – first of all, the number of times Zhukovsky's bust was mentioned. The poet's monument as well as Zhukovsky's image

itself correlates with one of the two main characters in the novel – Ippolit Vorobyainov. Walking around the monument Ippolit plans his adventure. Ostap calls him "person close to the emperor" and suspects that he can suddenly start singing "God save the Tzar". The nocturnal romantic atmosphere, which surrounds Zhukovsky's bust, determines the ballad-like parody fragments of the novel, e.g., the gallop in The House of the Peoples, the image of the ballad composer Trubetskoi-Lapis. Ilf and Petrov's purpose was not only to juxtapose the Soviet "big" narrative to the old imperial one, but to discredit both of them symbolically pleasing the two types of the early-Soviet reader: pro- and anti-Soviet.

In this respect "Zhukovsky" motifs seem to be elements of the wider semantic field of imperial culture (including the classical literature of the 19th century and its typical dualism of the monarch and the poet), which is already gone forever. On the contrary, the Soviet discourse of *The Twelve Chairs* corresponds with the social and ideological tendencies (e.g., general democratization of culture and a new type of its interaction with the authorities), which replaced the imperial paradigm. Monuments (literary, which form the novel's inter-textual background, and sculptural, which create historical and geographical orientation) became the brightest representation of the two discourses. When describing monuments, the authors emphasize the tendency subversive to the very idea of a sculptural artifact, which serves to immortalize the past, to provide its eternal existence; for Ilf and Petrov it is crucial to show the conflict triggered by the Revolution of this "preservation" aim with the early-Soviet attempts to recreate and alter the past. In this sense the status of old monuments, as well as the entire monument-building, became radically problematic. Deliberately destroyed monuments, monuments with obliterated historical meaning became a widespread phenomenon in the 1920s. This very phenomenon attracted the authors' attention systematically.

Keywords: Zhukovsky, Ilf, Petrov, reception, monument.

P. 80. *Ashcheulova Irina V.*, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). HISTORICAL PROSE OF V. SHAROV IN RUSSIAN HISTORICAL PROSE OF SECOND HALF OF 20 – BEGINNING OF 21 CENTURIES. The prose of V. Sharov, a known writer of modern Russian literary process, is considered in the context of the Russian historical realistic prose of the 1920s-1930s and 1960s-1980s, and in the context of the Russian post-modernist alternative and historical prose and alternative and historical fantastic prose of the end of the 20th — beginning of the 21st centuries. The ratio of a historical event and the document describing it in the text and in the system of images can be an aspect of the research that allows finding convergence and divergences of realistic historical prose and Sharov's prose. If realistic historical prose was based on the document, interpreted it, looked for historical truth and possibility of detection of the past in the present, the subsequent post-modernist prose questioned the possibility of extraction of true data from the document on a past event. Sharov's prose combines the two tendencies of realistic and post-modernist discourse. The writer does not deny the value of the document, "voice" of the truth, but assumes existence of the hidden possible documents also valuable for understanding of the development of the story. This is the author's strategy of the writer.

As a writer of historical narration Sharov is interested in real living people and their destinies in the historical context, people fond of ideas and trying to implement them. These people leave written and oral evidence that becomes unclaimed documents of the era. Creating fictional destinies of people in real historical events, Sharov builds models of history and perceives as metaphors and parables serving to explain the course of history. The writer looks for options capable to reveal the true ontological sense of history, which he doubts. Sharov's novels (*Trace to Trace* (1991), *Rehearsals* (1992), *Before and During* (1993), *How can I not regret...* (1995), *The Old Little Girl* (2000), *The Resurrection of Lazarus* (2003), *Be Like Children* (2007)) form a uniform text of the writer about alternatives of the Russian history and therefore are read in the context of post-modernist historical prose. In a structurally post-modernist novel using unrealistic methods of mystification, experiment, hypothesis, grotesque, and irony Sharov continues the attempts of the realistic historical novel to shape the search of historical truth, meanings in history. Through mystification of documents possible thoughts, ideas, destinies of the people who have irrevocably disappeared in the chaotic stream of history are revived. Sharov shows history "privately", continuing the traditions of the Russian realistic prose.

Keywords: Sharov, historical narrative, document, event, realistic historical novel, postmodern alternative-historical novel.

P. 98. *Strelnikova Anna B.*, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia). SOME OF F. SOLOGUB'S UNPUBLISHED TRANSLATIONS: "SHORT PROSE POEMS" BY CH. BAUDELAIRE. F. Sologub's translations are diverse: they are made from different languages and represent different genres. The majority of translations are made from French. F. Sologub turns to creative works of Voltaire, H. de Balzac, A. Renie, G. de Maupassant, T. Gautier, V. Hugo, P. Verlaine, A. Rimbaud, S. Mallarmé and others. Sologub also published one translation from Ch. Baudelaire's poetry, a poem in prose "To Each His Chimera" ("Chacun sa chimère"). This text is not the only translation. In F. Sologub's archives deposited in the Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences, there are translations of six more poems. All these poems, as well as "To Each His Chimera", are from "Short Prose Poems" ("Petits Poèmes en Prose") that was also published under title "Paris Spleen" ("Le Spleen de Paris").

F. Sologub translated pieces of Ch. Baudelaire's poetry in 1898. Back then he was famous as the author of three books: a book of verse "Poems, First Book", novel *Bad Dreams*, a book of collected stories and poems "Shadows". The interest of F. Sologub in Ch. Baudelaire's poetry at that period of time can be explained by two reasons. One of them is the conflict that took place between the author and the editor of "Severny Vestnik" magazine. Sologub objected to artificial subdivision of poets into symbolists and decadents. He stated the idea of succession between the two literary schools and addressed himself to translations from Ch. Baudelaire as to the origin of symbolism. The source of translations is noteworthy: it is not "The Flowers of Evil" Ch. Baudelaire became famous for, but "Short Prose Poems" published posthumously. "Short Prose Poems" were innovative both by content and form: lyricism was combined with aphoristic character, cyclization was achieved by fragmentariness. F. Sologub was interested in the poetic form: within this genre – prose poems – he also translated from A. Rimbaud and O. Wilde.

The article presents Sologub's translations from Baudelaire's poetry never published before: "The Foreigner" ("L'Étranger"), "The Old Woman's Despair" ("Le Désespoir de la Vieille"), "Le confiteur de l'artiste" ("Le Confiteur de l'Artiste"), "The Crowd" ("Les Foules"), "The Fool and Venus" ("Le Fou et la Vénus"), "The Dog and the Perfume" ("Le Chien et le Flacon"). All these poems are completed works and represent one of the aspects of Sologub's translation.

The texts are represented according to the rules of modern spelling and punctuation with references to archive sources. In each case we give the title in the original and the date of translation (provided this information is in the archives).

Keywords: Sologub, Baudelaire, prose poems.

P. 105. *Yanushkevich Alexander S.*, Tomsk State University (Tomsk, Russia). ZHUKOVSKY'S WAY FROM RUSSIAN IDYLL TO RUSSIAN STORY: RURAL TOPOS. The article describes the origin and evolution of rural topos in the works of the first Russian romanticist. Developing the sentimental tradition of depicting rural people following the findings of Nikolay Karamzin and Alexander Radishchev Zhukovsky broadens the space of the rural topos as a peculiar space of the soul. In his poetry through the larger space of the soul, through lyrical suggestion he managed to hear the music of the Russian village as a substance of national being.

The impetus for interpretation of this topos as landscape realia was the home places of the poet – Tula Region, Mishchenskoye, Muratovo and Dolbino villages. The image of Mishchenskoye in his elegy "Evening", Muratovo poetic cycle of the beginning of the 1810s, Dolbino poems of 1814 are not only the autobiographical implication of Zhukovsky's rural poems, but also a concept of life construction that is connected with it.

These are certain poetic models that form physico-philosophical, anthropological and ontological principles of the Russian world. Life construction includes Zhukovsky's lyric poetry; in his elegies, idylls, messages he works out a peculiar poetic language. Its basis is attentive watching and listening to the surrounding rural life. The sounds of the brook, breeze and oak woods, "native hills", "skies and clear waters", "birds singing sweet songs", "last ray of dawn" – Zhukovsky places all these realia of the rural topos into the world of poetic reflection and a special verse melody.

The two periods of this process are the two translations of Thomas Gray's "Elegy Written in a Country Churchyard". From 1802 to 1839 the poet passes all the characteristic stages on this way, which are inseparably connected with the general aesthetic identity formation of the national art, with the ideas of the national character in the verbal culture. Zhukovsky's "Rural Cemetery" that Vladimir Soloviev, an outstanding Russian philosopher, described as "the beginning of a truly human poetry in Russia" did not only define the rural topos, the rural text, but also showed its inclusion in the consciousness of Russian people and its polysemantics.

Zhukovsky's Russian ballads, rural poems, translation of O. Goldsmith's "The Deserted Village", Russian idylls, his reflections on peasants' education, the scope of his educating activities as the tutor of the cesarevitch, the pictures of rural landscapes became "the form of the time", an organic part of the Russian social and philosophical thought, and the first step in the interpretation of rural life as a phenomenon of the Russian historical and literary process. It is impossible to understand the progress of Russian literature to "The Village" by Pushkin, "Russian Songs" by Koltsov, "Evenings on a Farm near Dikanka" by Gogol and Nekrasov's poetry without the discoveries of "the Columbus of Russian romanticism in poetry." The first-time published archive texts of Zhukovsky's rural life stories in prose allow seeing the direction of his experiments in integrating the fiction text with the journalistic and pedagogical discourses.

Keywords: rural topos, idyll, "Russian story", evolution.

PHILOLOGICAL EDUCATION: HISTORY AND TODAY

P. 125. *Menshenina Svetlana V.*, Moscow Institute of Open Education (Moscow, Russia). MOSCOW RHETORICAL SCHOOL OF YU.V. ROZHDESTVENSKY: FOUNDER AND FOLLOWERS. Many schools of rhetoric, as well as independent scientists who create their direction in the field of rhetoric, are widespread currently in Russia. This article is devoted to the researchers of Moscow School of Rhetoric, united by the General and Comparative Historical Linguistics Department of Moscow State University. The 1970s are marked by the revival of rhetoric, when in spite of resistance in certain academic circles, the new Head of Department Yuri Vladimirovich Rozhdestvensky began a dynamic research on rhetoric and gave a variety of courses related to both the general and business rhetoric.

Yu.V. Rozhdestvensky is rightly seen as a scholar who revived rhetoric in Russia and founded its modern theory. Basing on V.V. Vinogradov's philosophical and linguistic theory, he reintroduced classical rhetorical terms and presented a new approach to speech research in the modern society. In the period of mass media communication development Yu.V. Rozhdestvensky set the task for specialists in Russian philology to explore this powerful form of speech, and in real teaching practice he developed methods of teaching rhetoric.

Rozhdestvensky defined rhetoric as a classical humanitarian discipline that studies speech and recommends rules of skilful, sensible and convincing speech.

In our view it is critical to emphasize the scientific traditional component in the definition of rhetoric. Rozhdestvensky told about the new understanding of rhetoric: it includes prose speech in all spheres of life, as it was stated by Aristotle.

In his keynote treatise *Theory of Rhetoric* Yu.V. Rozhdestvensky determined speech as an instrument of social management and control.

He formulated several aims of rhetoric: 1) the ability to understand speech correctly and quickly; 2) the ability to invent ideas and actions expressing them in a proper verbal form. It means the ability to create a monologue, run and manage a dialogue, and manage the system of communication. Both aims should be based on the speech culture of the community. A good speaker should be able to persuade, agitate, promote. Rozhdestvensky made some valuable recommendations on the speaker's preparation, "self-making", which are given in the traditions of classical rhetoric.

Ideas of Rozhdestvensky's treatise have further been developed by A.A. Volkov, V.I. Annushkin and other scholars of Moscow School of Rhetoric.

Keywords: Yu.V. Rozhdestvensky, rhetoric, information society, effective communication.

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит ежеквартально и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединённом каталоге «Пресса России». Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/philology>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Факс 8(382-2)52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2013. № 1(21)

Редактор *Т.В. Зелева*
Редактор-переводчик *В.В. Каишур*
Оригинал-макет *Г.П. Орловой*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»),
факультет журналистики ТГУ)

Подписано в печать 28.01.2013 г. Формат 70x100¹/₁₆.

Печ. л. 8,75; усл. печ. л. 11,37; уч.-изд. л. 11,17.

Тираж 500 экз. Заказ №

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, Никитина, 4
Учебно-производственная типография ТГУ, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 66